

На правах рукописи

МИРЗОЕВА ШАХНОЗА ЮСУФОВНА

**Семантико-стилистическое своеобразие глаголов со значением
«деструкция» в таджикском и английском языках:
сопоставительный аспект**

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата
филологических наук по специальностям

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент

Мухамадиева Зухра Абдуманоновна

Душанбе – 2024

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретические основы исследования категории деструктивности и метод лексикографического описания лексики	9
1.1. Теоретические аспекты исследования семантических типов глаголов в системе разноструктурных языков	9
1.2. Системность в лексической системе языков: динамический аспект лексического значения глаголов деструкции в таджикском и английском языках	29
Выводы по первой главе	51
ГЛАВА II. Лексико-семантические группы глаголов «деструкции» в таджикском и английском языках	53
2.1. Семантическая классификация глагольных лексем со значением «деструкция» в таджикском языке	53
2.2. Семантическая классификация глагольных лексем со значением «деструкция» в английском языке.....	63
Выводы по второй главе	85
ГЛАВА III. Семантический и функциональный анализ глаголов «деструкции» в таджикском и английском языках	86
3.1. Регулярная многозначность и семантические группы глаголов	86
3.2. Метафорическое употребление глаголов «деструкции»	103
3.3. Глаголы деструкции в языке и в речи	123
3.4. Семантические и стилистические глаголы «деструкции» в таджикском и английском языках	131
Выводы по третьей главе	152
Заключение	153
Список использованной литературы	156
Словари	186

ВВЕДЕНИЕ

Для современной лингвистики чрезвычайно актуальным является исследование типологических характеристик семантических универсалий. Одной из важнейших семантических универсалий является регулярная многозначность и вторичная лексическая номинация, разновидностью которой выступает метафора. Исследование вторичной метафорической номинации с позиции регулярной многозначности позволяет обнаружить как общие закономерности в развитии лексики языка, так и ярко выраженные особенности в эволюции словарного состава разных языков.

Актуальность настоящего исследования обусловлена все более возрастающим интересом к регулярным вторичным значениям (в сфере глагольной семантики), к метафоре, а также необходимостью сопоставительного анализа регулярных метафорических значений, развиваемых глаголами, в двух разносистемных языках с целью выявления универсальных и специфических черт.

Степень изученности. Исследованию особенностей семантики и структуры глаголов посвящены работы многих отечественных и зарубежных исследователей. Так, в частности, проблеме исследования глагольных конструкций с зависимым объектом в русском и таджикском языках посвящена работа М.Б. Нагзибекой [147]. В своем исследовании М.Б. Нагзибекова подробно рассматривает глагольные конструкции с сильным управлением, являющиеся одной из языковых универсалий. Автор также подчеркивает важность данных конструкций в речевой и мыслительной деятельности [147, с.26].

Анализу эмотивных глаголов посвящено исследование Ш.Б. Рахимовой [180, с. 16]. Рассматривая концептуализацию эмоций в системе разноструктурных языков Ш.Б. Рахимова раскрывает проблемы описания симптоматических выражений [180]. Симптоматические выражения автор

делит на следующие спектры: 1) непосредственно наблюдаемые; 2) скрытые. По справедливому замечанию автора: «Симптоматические выражения могут обозначать не только реальное физическое изменение в организме, могут выступать как образные выражения со значением сильного чувства» [Там же, 11].

В сопоставительном плане различным аспектам глаголов посвящены работы: Н.И. Каримовой [2006], З.С. Абдуллаевой [2017], М. Назировой [2009], С.О. Ходжаевой [2003], Л.Р. Сакаевой [2009], С.М. Атамовой [2010], Р.Н. Алитдиновой [2007].

Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию семантики и структуры глаголов, тем не менее, основные проблемы глагольной многозначности изучены недостаточно, а работы, посвященные сопоставительному анализу регулярных метафорических значений, развиваемых глаголами, в двух разносистемных языках отсутствуют.

Предметом настоящего исследования является семантическая классификация таджикских и английских полисемантов с первичным значением деструкции, метафорическая номинация и регулярная семантическая деривация в глагольной лексике со значением деструкции.

Объектом настоящего исследования являются непроеизводные глаголы таджикского и английского языков, первичные значения которых обозначают деструкцию.

Целью диссертационного исследования является выявление универсального и специфического в семантической структуре глаголов со значением «деструкция» таджикского и английского языков.

Исходя из цели исследования, были поставлены следующие задачи:

1. Определить круг глагольных лексем со значением «деструкция»;
2. Установить смысловую структуру глагольных лексем в системе разноструктурных языков;
3. Рассмотреть особенности функционирования глаголов со значением «деструкция» в художественном дискурсе;
4. Выявить семантические изменения, происходящие в структуре глагольных лексем таджикского и английского языков.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые на материале таджикского и английского языков проведено исследование глагольных лексем со значением «деструкция» на материале современных художественных произведений таджикских и английских писателей; проанализированы изменения, происходящие в семантической структуре глаголов деструкции, отражающие общезыковые закономерности.

Материалом исследования послужили моносемичные и полисемантические глаголы с семантикой «деструкция», извлеченные методом сплошной выборки из художественных произведений классических и современных таджикских, английских поэтов и писателей. В качестве дополнительных источников привлекались: Фарҳанги забони тоҷикӣ [1965]; Таджикско-русской словарь [2006]; Национальный корпус таджикского языка [2003 – 2020]; Национальный корпус британского языка [2006 – 2020].

Общее количество выделенных глагольных лексем в двух языках – 800. Общее количество исследованных контекстов - 4000.

Для решения поставленных задач в диссертационной работе были использованы **следующие методы**: метод анализа словарных дефиниций,

метод компонентного анализа, сопоставительный метод, описательный метод, метод контекстуального анализа, метод семного анализа, методика количественных подсчетов.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется вкладом в общую теорию лексико-семантической системы и теорию сочетаемости, уточнением современных представлений о типах лексической сочетаемости глаголов в таджикском и английском языках, о соотношении узуальной и окказиональной сочетаемости, и факторах, которые обуславливают динамические процессы в семантической структуре и сочетаемости глаголов в системе разноструктурных языков.

Практическая ценность заключается в возможности использования результатов исследования в лекционных курсах по лексикологии, лингвистике текста, спецкурсах по лексикологии и глагольной лексике, при составлении одно и двуязычных словарей, учебно-методических пособий по сопоставительной лексикологии.

Теоретической и методологической основой исследования

послужили труды отечественных и зарубежных ученых по семантике глаголов в языках разного типа, а также исследования, посвященные моделированию структуры и семантики предложения: Азизова М.Э., Атамова С.М., Гарибова М.А., Исмоилзода Э.С., Каримова Н. И., Расулова Г.Н., Талибова Г.Д., Шарипрва С.С., Усманова М.Н., Арутюновой Н. Д., Бабенко Л. Г., Шведовой Н.Ю., Белошанковой В. А., Васильева Л. М., Золотовон Г. А., Ломтева Т. П., Цыганкина Д. В., Падучевой Е. В.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Глаголы со значением «деструкция» образуют в системе таджикского и английского языков лексико-семантические группы, компоненты которых характеризуются общими семантическими и синтагматическими свойствами, специфичные для каждого языка.
2. Семантическая классификация глаголов деструкции показала, что в таджикском и английском языках лексические единицы проявляют большую степень сходства в своей первичной номинации действительности. В двух языках основными видами разрушения являются разрушения при помощи нанесения удара и при помощи острого, режущего инструмента.
3. Расхождения проявляются при образовании регулярных метафорических значений глаголов деструкции, что объясняется спецификой языковой системы таджикского и английского языков.
4. Современные лексикографические методы для сравнения лексических единиц деструктивного действия в системе разноструктурных языков позволяет выявлять не только расхождения в первичных и вторичных значениях, но и выявлять функциональные особенности одного и того же семантического компонента в разных языках.
5. Функционально-стилистическое исследование показало, что данная группа глаголов неоднородны с позиции принадлежности к разным стилям. При этом в двух языках глаголы деструкции принадлежат в основном к межстилевой лексике.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались на следующих научных конференциях:

- Межвузовская научно-практической конференция «Актуальные проблемы сопоставительно-типологического изучения языков» (Душанбе, февраль 2022 г.) Российско-Таджикский (Славянский) университет;
- Межвузовская научно-практической конференция «Актуальные проблемы сопоставительно-типологического изучения языков» (Душанбе, 25 март 2022 г.) Российско-Таджикский (Славянский) университет;
- XXIV Международная научно-практическая конференция «Фундаментальные научные исследования: теория и практика». (Анапа, 15 апреля 2024 г.);
- XXIV Международная научно-практическая конференция «Современные научные исследования: проблемы, тенденции, перспективы» (Анапа, 17 апреля 2024 г.).

Основные положения работы нашли отражение в 4 публикациях автора в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ.

Структура работы определяется целями и задачами, поставленными в исследовании. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы словарей и источников текстов.

Г Л А В А I

1.1. Теоретические аспекты исследования семантических типов глаголов в системе разноструктурных языков

Лексика бесспорно занимает центральное место среди лингвистических направлений, исходя из того факта, что человеческий язык – не только основное средство общения, но и – способ кодирования и декодирования той или иной информации.

Первые попытки исследования языка характеризуются выделением трех основных частей языковой системы и соответственно трех отраслей науки о языке: фонетика, грамматика и лексика. Несмотря на то, что немногочисленность элементов звуковой системы допускала в принципе замену их систематического описания простым перечнем, что имело место во многих случаях построения алфавитов, именно описание звуковой системы стало образцом четкого системного описания языковых явлений. Описания грамматики с самого начала должны были ориентироваться на ту или иную систему. Для морфологии основой такой системы стало учение о частях речи; для синтаксиса – учение о членах предложения и о смысловых оттенках, выражаемых сложными предложениями. Описание лексики характеризовалось тем, что ориентировались не на внутреннюю структуру лексики, а на чисто внешнее по отношению к словам свойство – на их звуковой и графический состав [Супрун, 1987: 78].

С дальнейшим исследованием языка совершенствовались не только знания о фонетической и грамматической системе языка, но и о лексической системе. Выяснялась сложная система значений, присущих чуть ли не каждому отдельно взятому слову. Раскрывались сложные соотношения между словами в

разных языках. Становилась более ясной противоречивая и сложная история значений слов. Пробуждался интерес к этимологической проблематике, причем разработка ее приобретала все более четкую научную основу. Словари становились совершеннее и богаче. Как и во многих других случаях, путь к построению научной лексикологии идет от составления возможно более полных инвентарей слов и их особенностей, через выявление свойств отдельных слов, подлежащих описанию, и отдельных закономерностей, таких, например, как разного типа переносы значения, - к интегральному описанию лексики в целом.

Все современное языкознание пронизано идеей системности языковых фактов. Если признание системного характера звукового строя языка и его грамматики не вызывало сомнений, то относительно системности лексики шли споры. Суть этих споров состоит в первую очередь в том, что высказываются сомнения в самом факте системности лексики [Супрун, 1987: 23]. Здесь уместно процитировать А.Е Супруна, который исходя из коммуникативной функции языка, отмечал: «Известно, что на построение фразы человек затрачивает определенный отрезок времени. За это время человек подбирает необходимые для данной фразы слова. Если словарь языка представляет собой неупорядоченное множество слов, то для подбора каждого очередного слова ему приходится перебирать все слова языка, до тех пор пока носитель языка не встретит нужное ему слово. ... Следовательно, для успешного функционирования языка в качестве средства общения его лексика должна быть определенным образом организована. Другими словами, лексика не может не быть системой, если словарь языка успешно используется в процессе его функционирования» [Супрун, 1987: 45].

Следует также заметить, что способы систематизации лексических единиц в словаре и явлений в действительности различны по своей природе.

Поэтому, как представляется, на вопрос о непосредственной и полной сводимости системности словаря к системности действительности можно ответить отрицательно. Другой вопрос, что отношения между явлениями окружающего мира могут найти те или иные выражения в отношениях между единицами словаря, что в некоторых фрагментах словаря, например, в терминологии система словаря и система отражаемого им фрагмента действительности практически совпадают. Но когда речь идет о словаре естественного языка в целом, то следует признать, что хотя в нем отражаются системные отношения, присущие действительности, однако связи между словами в словаре не являются простыми кальками этих отношений, так как функциональное использование языка и его сложная организация в целом требуют некоторых специфических языковых способов систематизации лексических явлений [Шмелев 1983: 23].

В системной организации словаря, как известно, действуют различные факторы. Ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что слова *бародар – брат* и *хоҳар – сестра* связаны некоторым образом в словаре между собой. Связаны достаточно тесно между собой и такие слова, как *душанбе – понедельник*, *сешанбе – вторник* и т.д. Но с другой стороны, едва ли можно и нужно оспаривать, например, связь между словами *шино кардан – плыть*, *шино карда расидан – доплыть* или *float – плыть*, *sail as far as – доплывать* и т.д. Как видно, семантические и морфематические связи между элементами словаря играют роль в связности этих элементов, а, следовательно, в организации словаря.

Важно также заметить, что приведенными выше фактами не ограничиваются те принципы, на которых основывается организация словаря. Для использования при построении текстов существенны, конечно, грамматические свойства слов, а потому и систему частей речи, в которой

отражаются грамматические свойства слов, следует рассматривать как своеобразный способ классификации слов [Шмелев 1983: 60], то есть один из аспектов системной организации словаря. Но и статистические свойства слов, прежде всего их частота, небезразличны для функционирования словаря, так же как и стилистические свойства, следовательно, и данные параметры отражаются в системной организации лексики [140, 297, 198, 394].

Таким образом, можно говорить о многомерности системной организации лексики, понимая в данном случае под измерениями такой системы крупные факторы, определяющие положение лексической единицы в системе языка. Следовательно, этим обстоятельством объясняется не только наличие, но и необходимость разностороннего подхода к изучению лексики, возможность построения ряда классификаций лексики и важность совмещения различных подходов к анализу словаря.

Общеизвестно, что лексикографическое исследование слова невозможно без учета его содержания. Если рассматривать слово как разновидность языкового знака, можно дать характеристику аспектов плана содержания слова, используя положения общей теории знаков – семиотика. Утвердившееся, вслед за Ч. Пирсом и Ч. Моррисом (376 – 101 , 183 – 340) выделение таких разделов семиотики, как синтактика, семантика и прагматика, изучающих отношения знака к другим знакам, к обозначаемым объектам и к человеку и его поведению, было подвергнуто критическому анализу Г. Клаусом (122, 13 – 19), который предложил отличать семантику (отношение к отражению объекта) от сигматики (отношение к объекту), что, однако, вызвало возражения Ю.С. Степанова (260, 158). Факты языка, как отмечает А.Е. Супрун, соотносятся не с самими объектами, а с их мыслительными отображениями [Степанов, 1987: 45]. В связи с этим выдвинутая Г. Клаусом идея о четырех аспектах языкового знака, согласно А.Е. Супруну, представляется плодотворной, но требует

внесения коррективы [37, 59]. Замена в формулировке Г. Клауса отражения значением, продолжает А.Е. Супрун, не решает проблемы. А.Е. Супрун предлагает следующую характеристику четырех аспектов языкового знака: отношения к отражаемой действительности (сигматика), отношения к носителям языка и их проведению (прагматика), отношения к другим знакам в тексте (синтактика) и отношения к другим знакам в системе (семантика) [Супрун, 1987: 47]. Семантика в этом случае определяется как место данного элемента в системе однородных с ним элементов, что представляется вполне допустимым [Шмелев, 1986: 34].

Выделяя три компонента внутренней структуры языкового знака, без различения сигматики и семантики, И.А. Мельчук удачно характеризует синтаксический компонент как «сведения о правилах комбинирования данного знака с другими знаками», а к прагматическому относит «сведения о правилах употребления знака с учетом тех или иных особенностей данной речевой ситуации, свойств говорящего и / или слушающего и т.д.; сюда могут входить сведения о внутренней форме знака, о психологических ассоциациях, связывающих данный знак с другими знаками [Мельчук, 2001: 123].

Как следует из предлагаемой характеристики прагматический и синтаксический аспекты касаются использования, употребления слова. В то же время семантический и сигматический аспекты характеризуют слово безотносительно к его непосредственному использованию. Прагматика и сигматика характеризуют слово со стороны его внелингвистических связей, а семантика и синтактика – со стороны его внутрелингвистических особенностей.

Рассмотрение аспектов плана содержания языкового знака показывает, что не все они в одинаковой мере доступны наблюдателя [Мельчук, 2001: 78]. Известно, что данность, которой располагают лингвисты прежде всего, – это

текст. Таким образом, прежде всего лингвисты могут использовать такие приемы анализа содержательной стороны языковых единиц, которые связаны с анализом текста. Такими приемами являются разного рода дистрибутивные методики, построенные на учете совместной встречаемости слов, разрабатываемые в языкознании, например, такими учеными, как Ю.Д. Апресян, Р.Г. Пиотровский, Н. Д. Андреев.

Следует заметить, что дистрибутивный анализ семантики положен в основу многих лексикографических описаний лексики [Жолковский, Мельчук, Апресян, 1995].

Дистрибутивный, психолингвистический и компонентный анализы лексики взаимно дополняют друг друга и являются средствами раскрытия системных отношений лексики, то есть ее семантики. Хотя каждый из этих видов анализа не может дать исчерпывающей картины лексики, несомненно, что те картины семантических отношений, которые создаются при их помощи, определенным образом коррелируют между собой [271]. Можно предположить, что в соотношениях различных подходов к описанию лексической семантики находит свое лингвистическое отражение, выдвинутый Н. Бором принцип дополнительности, о его использовании применительно к лингвистике писал В.А. Звегинцев [Звегинцев, 2007: 78]. Следует заметить, что наличие корреляций между результатами анализа по разным путям не дает возможности говорить о полной сводимости этих результатов. Семантическая картина, которая возникает в результате дистрибутивного анализа, соотносится с той, которая возникает в результате психолингвистического или компонентного анализа, но не равна ей, и все они не сводимы в единую картину [Супрун, 1989: 167]. Несводимость в единую картину связана с тем, что каждый из подходов к анализу семантики дает возможность описания одного и того же, но на деле это

«одно и то же» оказывается не вполне тождественным в результатах, получаемых при помощи инструментов анализа.

Синтаксический и прагматический аспекты содержания слова связаны с его употреблением. Как известно, в употреблении слова, в его функционировании отражаются не только собственно-семантические особенности слова, но и другие его свойства, в частности – стилистические, грамматические, структурно-морфемные. В процессе функционирования слова происходит также изменения в содержательной и выразительной стороне слов, являющиеся предметом исторической лексикологии и этимологии. Общеизвестно, что место слова в описании языка в значительной мере определяется его местом в системе языка, слово возникает и существует не просто для того, чтобы заполнить собой клеточку в системе, а для того, чтобы употребляться в текстах, использоваться в процессе общения для передачи информации.

Значение слова в лингвистической литературе рассматривается не только как процесс, но, так же как и результат лексико-семантической модификации слова. Согласно точке зрения А.А. Уфимцевой, лексико-семантическая модификация слова представляет собой внутрисловные расхождения и языковые средства, посредством которых происходит снятие асимметрии словесного знака в естественном языке [Уфимцева, 2020: 56]. Такой подход к лексическому значению слова позволяет выделить отдельные варианты лексического значения слова лексико-семантический вариант слова представляет собой наименьшую знаковую (двустороннюю) лексическую единицу, содержанием которой является словозначение, а формой выступают синтагмы (два и более слова) [Уфимцева, 2020: 35].

Следовательно, очевидным является и факт существования лексико-семантической группы в лексической системе того или иного языка. Мы

придерживаемся позиции Э.В. Кузнецовой относительно характеристика лексико-семантической группы: «ЛСГ – это основной тип классификации лексической системы языка». ЛСГ объединяет слова одной части речи, обладающих не только общими грамматическими семами, но также общей лексической архисемой. Данная архисема рассматривается как основная в образовании семантической группы, а также в каждой отдельной лексеме уточняется посредством дифференциальной семы. Спецификой лексических единиц, образующих одну лексико-семантическую группу, является то, что дифференциальные семы, которые уточняют категориальную сему, являются однородными. Категориальная сема характеризуется созданием не любых, а определенных аспектов своей конкретизации. Исходя из данного положения, каждая лексико-семантическая группа обладает набором специфических дифференциальных сем [Кузнецова, 1982:75].

З.В. Ничман выделяет следующие способы разграничения лексико-семантических групп – языковые и неязыковые связи лексических единиц [Ничман 1973: 57]. Согласно В.Б. Гольберг, способами разграничения лексико-семантических групп являются 1) классификация лексических единиц, исходя из понятия; 2) классификация лексических единиц на основе определенной лексемы или группы слов [Ничман 1973: 57].

На наш взгляд, значительный интерес представляет исследование лексико-семантических групп глаголов в системе разноструктурных языков. Глагольные лексемы, как известно, обладают разными оттенками значений, которые детерминированными грамматическим строем того или иного языка.

Семантическая классификация глаголов проводилась не только с учетом формального критерия, но также семантического и формально-семантического. Лингвисты, которые считали формальный критерий главным при классификации глаголов, руководствовались следующим положением:

изменения, происходящие в субъекте или объекте и в самом действии [Мартынов 1987; Ярмош 1987]. Формально-семантический критерий семантической классификации глаголов характеризуется учетом как семантических, так и формальных признаков. Данная классификация принадлежит О.Н. Селиверстовой [Селиверстова 1982: 86]. Формально-семантического критерия придерживается также Т.В. Булыгина. Главными, согласно автору, выступают такие свойства, как статичность / динамичность [Булыгина 1982: 84]. Семантический критерий классификации глаголов требует учета семантических признаков, которые характеризуются абстрактностью и конкретностью [Демьянков 1983: 324]. Семантической классификации глаголов посвящены исследования Ю.Н. Караулова (1995); Л.Г. Бабенко (1999); В.В. Морковкина (2003); Л.М. Васильева (1986); Э.В. Кузнецовой (1982); Д.Н. Шмелева (1986).

В отечественном языкознании глаголам посвящены исследования М.Т. Джабборовой (2005); М.Э. Азизовой (2004); С.А. Рахматовой (2004); Н.Р. Ганиевой (2004); С.А. Файзиевой (2009); Т.Н. Якубова (2010); З.К. Халиковой (2010); С.М. Атамовой (2010); Д.К. Усманова (2014); М.Э. Азизовой (2015); М.Н. Усмоновой (2016); С.С. Шариповой (2019); Ж.Б. Гулназаровой (2020); М.А. Гарибовой (2021) и т.д.

В анаглийском языке различным лексико-семантическим группам глаголов посвящено много исследований. Значительный интерес, на наш взгляд, представляют следующие работы. Исследование А.В. Безуковой посвящено семантике и функционированию глаголов, выражающих эмоциональное отношение. Естественный язык, являясь средством познания окружающего мира, служит для формирования и передачи мысли и выражения эмоций. Поскольку интеллектуальное и эмоциональное составляют диалектическое единство, а эмоциональное так же, как и интеллектуальное,

имеет свою систему, необходимо изучать в языке не только интеллектуальное, но и эмоциональное содержание. В данной работе эмоциональность рассматривается как один из компонентов семантической структуры слова и предложения. При определённых условиях эмоциональное значение доминирует над другими частными значениями предложения. Такие предложения имеют целью передать не только и не столько содержания сообщения, сколько оценочное, эмоциональное отношение к предмету мысли. «Наличие в языке совокупности предложений, объединённых типовым значением и противопоставленных по эмоциональному значению, позволяет выделить парадигмы, дифференциальным признаком которых выступает эмоциональность. За исходную единицу парадигмы принята эмоционально-нейтральная модель предложения. Изменения в модели при помощи порядка слов, эллипсиса, слов интенсификаторов, интонации способствуют выявлению модификаций модели, которые представляют собой члены парадигмы: *You are crazy / a liar! Are you crazy / a liar! Crazy / A liar you are! How crazy / What a liar are you!*» [Безукова 1985: 23]. По справедливому замечанию автора, изучение членов парадигмы с точки зрения характера реализуемых ими эмоций позволяет установить Семантические признаки по которым организуется эмоциональное значение в каждой модификации. Анализ доказывает, что сама структура является сигналом эмоциональности. Однако, сигнализируя об эмоциональности, структура остаётся нейтральной к характеру выражаемых ею эмоций. Изучение контекста, который является либо продолжением мысли говорящего, либо репликой собеседника, либо авторским повествованием, показывает, что в нем имеются опорные слова, указывающие на характер передаваемой эмоции. В качестве опорных слов наиболее часто выступают глаголы со значением психической деятельности, в частности глаголы, выражающих эмоциональное отношение. Наличие указанных глаголов в тексте

способствует однозначному пониманию эмоциональных конструкций, нейтральных к характеру выражаемых ими эмоций.

Влияние семантики глагола на значение зависимов компонентов посвящено исследование В.В. Бурлаковой. Данное исследование автором проведено на материале глаголов психического состояния. Семантическое содержание глагола многопланово и допускает различную характеристику. Деление глаголов на переходные и не переходные по своей сути зиждется на семантику, как и выделение перформативов. Несмотря на семантическую основу, различие этих групп весьма существенно не только для выяснения смысловой характеристики глагола, но и для установления грамматических свойств этих групп и их влияние на окружение. Связаны с формально-структурной и семантической стороной языковых построений и другие семантические группы глаголов [Бурлакова 1986: 45]. Как отмечают исследователи, особенность этой группы глаголов заключается в том, что благодаря специфике своей семантики они образуют высказывания, которые не могут оспариваться.

Семантика глаголов психического состояния такова, что снимает значение индикатива последующей глагольной формы и лишает его значения ассерторичности. Иными словами, подчинённые глаголу элементы глагольного характера вместо реального события, соответствующего истинному положению вещей, начинают обозначать события лишь желаемые, возможные или необходимые, т.е. по значению указанные элементы начинают соответствовать сослагательному наклонению. Следовательно, семантическое содержание глагола психического состояния нейтрализует значение глагольной формы изъявительного наклонения. Однако подобное свойство не всегда присуще этим глаголам и проявляется не во всех типах структур. На проявление этой способности глаголов психического состояния оказывает известное влияние как

морфологический тип зависимого элемента, так и добавочные значения, появляющиеся у глаголов этой группы. Например, *I fear it is rather too late for explanations* (C. Doyle); *I fear that the scrambled eggs are cold* (C. Doyle). Построения подобного рода показывают, что в тех случаях, когда глагол психического состояния соотносится с придаточным предложением, глагол может приобретать дополнительное оценочное значение. Оценка может быть как отрицательной, так и положительной. Всё зависит от семантики глагола и его соотнесенности с семантикой зависимой единицы [Бурлакова 1986].

В отличие от глаголов отрицательной оценки, глаголы, передающие положительную оценку, обычно влияют на значение последующей глагольной формы, будь то придаточное предложение или отдельная неличная форма, и представляют выраженное ими действие как несуществующее, например, *He hopes to visit France this year*. Выражение положительной оценки обычно бывает осложнено значением ориентированности на будущее. Например, *I hope he'll come soon*. *He expects to pass examination*. Совершенно естественно, что ориентированность на будущее неизбежно влечёт за собой утрату значения ассерторичности в последующем глаголе, так как действие представляется неосуществленным. Подобное различие в передаваемом значении и отсутствие направленности на будущее у глаголов отрицательной оценки, вероятно можно объяснить стремлением людей к положительным эмоциям, в силу чего с будущим стараются преимущественно соотносить те факты и события, которые приятно ожидать, т.е. с положительной оценкой. Глаголы со значением ориентированности на будущее сохраняют специфику своего значения и при сочетании с неглагольными единицами: *I expect him here every instant* (C. Doyle). Глаголы со значением психического состояния, лишённые ориентированности на будущее, в сочетании с именными классами слов обозначают реальные факты: *She has always feared mice*. Ни дополнительное

значение оценки, ни значение неосуществлённости обсуждаемого факта в подобных структурах не возникает.

Из сказанного следует, что добавочные значения у глаголов психического состояния возникают, в основном при их сочетаемости с другими глаголами, которые им подчинены. Сочетаемости с подчинёнными единицами, которые не содержат глагольных классов слов, в большинстве случаев гасит добавочные значения, проявляемые как самими глаголами психического состояния, так и с их помощью. Смысловое содержание глагола оказывает влияние не только на лексическую семантику зависимых элементов, но и на их грамматическое содержание, так как может лишать форму индикатива её основного содержания [Бурлакова 1986]. Так же следует заметить, что некоторые семантические группы глаголов, выступая в позиции подчиняющего глагола, не только влияют на грамматическое и смысловое значение подчинённого глагола, но и могут менять собственные значения. Вследствие этого можно считать, что влияние главного зависимого обоюдно. Ещё одна существенная закономерность, проявляемая рассмотренными семантическими группами глаголов, заключается в том, что морфологическая природа зависимой единицы влияет на проявление подчиняющим глаголом определённого набора его свойств, причём подчинённые глагольные единицы способствуют главным глаголом одного набора свойств, а подчинённые именные единицы служат средством проявления других характеристик.

Исследованию Семантики и функционированию аналитических эквивалентов глагола посвящено исследование А.Н. Кочетова. В статье проводится сопоставительный анализ некоторых семантических особенностей английского глагола и его аналитического /АЭГ/(1), обуславливающих их функционирование в современном английском языке. В сопоставлении с глагольными семами рассматривается одна из пяти групп АЭГ: аналитическая

конструкция, состоящая из глагола и «послелого» *to wipe out – to extinguish, to smell out – to bulge*. Существование аналитических эквивалентов глаголов – проявление экспликационной тенденции, которая манифестируется в одних случаях более, в других – менее наглядно. Использование АЭГ вместо глагола существенно влияет на отношения между денотатом и сигнификатом, изменяет установившиеся между ними отношения характеристики, так как «... отношения характеристики устанавливают контакт между денотатом имени / реальным или гипотетическим объектом / и понятием / сигнификатом/, элементом мира / реальным или конструируемым / и элементом нашего мышления о мире. Изменение синтаксических средств выражения, как известно, всегда отражает изменения в строе самой выражаемой в предложении мысли. Поэтому в аспекте логики выражение сигнификата; аналитических эквивалентов / при семантической близости АЭГ и соотносительного глагола / приводит к изменениям в самом понятии о предмете [Кочетов 1986]. В синтаксическом функционировании АЭГ это изменение характера номинации проявляется в изменении синтаксического окружения аналитического эквивалента по сравнению с соотносительным глаголом. Синтаксические конкретизаторы АЭГ дают уточнение, расчлененное представление о выражаемом понятии, как и конкретизаторы соотносительного глагола, но в том и другом случае конкретизируются различные стороны, что проявляется в различии сочетаемости каждой пары глаголов и эквивалентов. «Можно подойти к изучению семантико-функциональных свойств АЭГ и несколько с иной точки зрения, распределив глагольные значения и значения эквивалентов по двум наиболее широким сферам номинации. Глаголы и эквиваленты подразделяются на именуемые действия и состояния сферы физической деятельности и именуемые действия и состояния сферы психической деятельности. Анализ АЭГ с точки зрения распределения этих единиц по

сферам деятельности показал неравномерность их соотношения» [Кочетов 1986].

Анализ АЭГ и соотносительных глаголов с точки зрения соотнесенности выражаемых ими значений к сфере физической или психической деятельности, можно отметить, сферы распространения АЭГ и соотносительных глаголов в большей части случаев совпадают: АЭГ и соотносительные глаголы относятся либо только к сфере физической, либо только к сфере психической деятельности. И те, и другие могут включать в себя значения, относящиеся к обеим сферам. Но и наибольший интерес представляет тип отношений, лишённый «симметричности» в распределении по сферам употребления. Все описанные случаи несовпадения значений АЭГ и соотносительных глаголов по сферам деятельности автор делит на две разновидности. К первой разновидности принадлежит АЭГ, значения которых относятся к какой-либо одной сфере деятельности; они эквивалентны глаголам, значения которых охватывают обе сферы. С таким типам глагола соотносятся АЭГ, представляющий как физическую, так и психическую сферу деятельности. В подобных семантических соотношениях АЭГ как бы конкретизирует, сужает, широкое значение многозначного глагола; содержанием выражаемого им понятия становятся или только физические, или только психические явления. Из нерасчлененного содержания, передаваемой глаголом, АЭГ выделяет только одну сферу, причём чаще – сферу физической деятельности. В подобных случаях эквивалент служит для более точной по сравнению с глаголом, номинации процесса. Ко второй разновидности относятся АЭГ, парадигмы значений которых охватывают как сферу физической, так и сферу психической деятельности, и глаголы, значения которых охватывают одну из сфер, чаще сферу психической деятельности. В этих случаях соотношение семантических характеристик АЭГ и глагола становится противоположным указанному выше: более расчлененное выражение действительности имеет место в глаголе. В АЭГ

данного типа на первый план выступает широта значения. Установленные типы «ассиметричных» семантических отношений глагола и АЭГ свидетельствуют о том, что подобное изменение семантики единиц имеет не случайный, а системный характер и может служить объяснением особенностей функционирования АЭГ [Кочетов 1986].

Для нашего исследования особый интерес представляет работа Н.Н. Ореховой, посвященной семантике и функционированию глаголов, обозначающих изменение поверхности предмета. В данной работе рассматриваются глагольные лексемы, объединенные в одну группу на основании общего семантического признака «изменение поверхности предмета», например, *paint, peel, brush, shave* и т.д. Глаголы данной группы относятся к классу синтаксических каузативов и обозначают как признак субъекта /процесс его изменения/, так и признак объекта /процесс его изменения/. Интегральный семантический компонент «изменение поверхности» состоит из двух сем: семы «изменение» и семы «поверхность». Сема «поверхность», отображающая наружную сторону предмета, представлена в дефинициях, либо эксплицитно: *paint – to paint /on a surface*, либо имплицитно: *peel – to remove the outer covering*. Сема «изменение» отображает процесс перехода от предшествующего к результативному состоянию. Лексемы, содержащие сему «изменение» имплицитно вполне определённую результативную ситуацию, связанную с обозначаемой ситуацией отношением логического следования [Орехова 1973]. Исследуемые лексемы образуют лексико-семантическую группу /ЛСГ/, члены которой, помимо общего семантического компонента, обладают общими грамматическими признаками, что проявляется в сходных парадигматических, синтагматических и словообразовательных свойствах лексемы (5). Семы, присущие лексемам рассматриваемой ЛСГ отображают как желательные так и нежелательные с точки зрения человека признаки, характеризующие поверхность. Например,

семы «гладкость», «блеск», «чистота» отображают характерные признаки, семы «шероховатость», «загрязненность» – нежелательные. Бывают также признаки, которые оцениваются как желательные и нежелательные в зависимости от конкретной ситуации. Так признак «нарушение структурой целостности поверхности» оценивается как желательные, если целостность нарушается, например, в целях удаления поверхностно части при обработке предмета *to peel an apple*. Этот же признак рассматривается как нежелательный, если при нарушении целостности поверхность ухудшается *to scratch the table* [Орехова 1973:67].

На основе выделенных дифференциальных сём рассматриваемая ЛСГ подразделяются на шесть лексико-семантических подгруппы /ЛСП/. В первую ЛСП входят лексемы, обладающие сема и «обработка поверхности», «трение», «нарушение структурной целостности», «удаление шероховатостей», «придание блеска»: *polish the metal, furbish the old silver ornament, burnish silver coins, sand the pans, sandpaper the handle, grind the knife*. Лексемы подгруппы используются в предложениях типа *He began polishing his belt buckle* (Bryan). В цитированном предложения лексема *he* выражает агенс, сочетание *belt buckle* – папиенс. Под агенсом понимается роль инициатор «производителя действия, под папиенсом – роль предмета, претерпевающего изменения физического состояния. Указанные семы актуализируются, если актанта в роли пациенса обозначает металлический предмет, который подвергается обработке при помощи шлифовального или полировального инструмента и различных абразивных средств. Аргументы в функциях средства и инструмента в большинстве случаев не реализуется. Некоторые лексемы первой ЛСП включают в валентностную модель инкорпорированный аргумент [Орехова 1973: 89] в функции инструмента, например, *to sand, to sand paper*. Семы «нарушение структурой целостности поверхности» и «удаление шероховатостей» нейтрализуются, если в пациентивной роли выступает

предмет, поверхность которого обычно обрабатывается не абразивным средством при помощи мягкого инструмента: *Polish your shoes with a brush*. В таких предложениях актуализируются сема «заполнение мельчайших впадин поверхности веществом». Сема «придание блеска» нейтрализуется, если пациенс отображает неметаллический предмет, обработка которого сопровождается нарушением целостности поверхности: *to sandpaper a wooden handle*. Во вторую ЛСП входят лексемы, обладающие семами «обработка поверхности», «нарушение структурной целостности», «удаление поверхностной части»: *peel the apple, mow the lawn, blanch almonds, shuck the corn, shell the peanuts, hull the sunflower seeds, plane the table, flay the horse, skin a rabbit, bark a tree*. Лексемы подгруппы употребляются в предложениях типа *Oliver mowed the lawn* и *He peeled the skin off the potato*. Особенностью предложений первого типа является наличие в предикате инкорпорированного объекта, отображающего удаляемую поверхностно часть. В первом предложении актанта *Oliver* выражает агенс, *lawn* – аргумент – функции пациенса и локатива. Предмет, обозначаемый актанта *lawn*, претерпевает изменение и одновременно является местом, с которого удаляется поверхностная часть. Инкорпорированный аргумент в данном случае отображает скашиваемую траву. Некоторые лексемы подгруппы содержат два инкорпорированных аргумента – объект и инструмент: *to plane, to shear, to shave*. Особенностью предложений второго типа является отсутствие в предикате инкорпорированного объекта. Во втором примере актанта *he* выражает агенс, *skin* – объект, *potato* – аргумент в функции пациенса и локатива. Поскольку приведённые типы предложения выражают различные пропозиции, одна и та же лексема не употребляется в обоих типах. Отдельные лексемы подгруппы моделируют предложения, в которых один актанта одновременно выполняет три семантические функции. Так, рефлексивная лексема *to shave* употребляется в предложениях типа *Alastair shave...*, в

которых актанта функционирует в качестве агенса, экспериенцера и пациенса, т.е. обозначает лицо, выполняющее действие, реагирующее на него и претерпевающего изменение. В третью ЛСП входят лексемы, обладающие семами «обработка поверхности», «сохранение структурной целостности», «покрытие поверхности»: *paint the ceiling, polyurithane the floor, powder the nose, splash one's face with cold water, spray paint on a wall, gild the frame*. Ряд лексем этой ЛСП содержат инкорпорированный аргумент в функции средства. Такие лексемы используются в предложениях типа... *They painted all the basket balls*. В приведённом примере актанта *they* отображает агенса, актанта *basket balls* – аргумент в функции пациенса и локатива. Полифункциональный аргумент отображает предметы, претерпевающие изменения и одновременно являющиеся местом, на которое наносится вещество. Инкорпорированный аргумент отображает наносимую на поверхность краску. Лексемы, которые не содержат инкорпорированного аргумента, употребляются в предложениях типа. *He splashed his face with cold water* и *He splashed some Old Spice on his cheeks*. В первом предложении лексема *he* выражает агенса, *face* – пациенс и локатива, *water* – средство. Во втором предложении *he* – агенса, *Old Spice* – средство, *cheeks* – пациенс и локатив. Эти типы предложения выражают одну и ту же пропозицию, поэтому некоторые лексемы подгруппы употребляются в обоих: *to splash, to spray, to daub, to dredge*. Имеются также лексемы, которые встречаются в предложениях только первого типа: *to cover, to coat*. Лексемы, которые использовались только в предложениях второго типа, нами не обнаружено. В четвертую ЛСП входят лексемы, обладающие семами «обработка поверхности», «сохранение структурной целостности», «очищение»: *dust all the books, brush the coat, swip the floor, mop the floor, wash onself, wipe one's hand, clean the table*. Лексемы подгруппы употребляются в структурах типа *Keith Stewart wiped, his hands, He wiped the oil from his hands*. В первом предложении сочетание *Keith Stewart* выражает агенса, форма *hands* –

пациенс и локатив. Предикат инкорпорирует аргумент в функции объекта, отображающий загрязняющее вещество, которое удаляется с поверхности. Удаляемое загрязняющее вещество отображается с различной степенью конкретизации: ср., например, *to dust* и *to clean*. Во втором предложении аргумент в функции объекта не инкорпорирован предикатом: *he* – агенс, *oil* – объект, *hands* – пациенс и локатив. Пропозиции, выраженные в предложениях этих типов, различны; различны и лексемы, употребляющиеся в них /в цитированных предложениях *to wipe*(1)- *to wipe* /(2). В подгруппе имеются также лексемы с рефлексивным значением, например, *to dust* и *to wash*: *Pierce dusted himself off*; *Our hero washed himself*. Семантическая структура таких предложений содержит аргумент в функции агенс, экспериенцера и пациенса. В пятую ЛСП входят лексемы, обладающие семами «повреждение поверхности», «нарушение структурной целостности», «нанесение царапин, разрезов»: *abrade one's palme, scar one's wrists, lacerate one's hands scrach the table top, nick the wall, scin one's hands*. Лексемы подгруппы употребляются в предложениях типа *He skinned his knee when he fell*. В приведённом примере лексема *he* выражает аргумент в функции номинатива, который отображает лицо, производящее произвольное действие; лексема *knee* выражает пациенс. В шестую ЛСП входят лексемы обладающие семами «повреждение поверхности», «сохранение структурной целостности», «загрязнение»: *dirty one's trousers, muddy one's boots, strain one's clothes*. Лексемы подгруппы употребляются в предложениях типа *He strained his fingers and clothes with berry Juice*. В данном примере лексема *he* выражает номинатив, *juice* – средство, *fingers and clothes* – аргумент в функции пациенса и локатива. У ряда лексем /*to dirty, to muddy*/ аргумент в функции средства инкорпорирует я. Таким образом, в интенционал глагольных лексем со значением изменения поверхности предмета входят семы, составляющие семантически категорию «повреждение/обработка поверхности» и ряд субстанциональных сём, актуализирующихся в инкорпорированных аргументах.

В импликационал входят субстанциональные семы, актуализирующиеся в аргументах, которые выполняют функции агенса, номинатива, экспериенцера, пациенса, локатива, средства, объекта инструмента. Агенса и пациенса входят во все валентностные модели лексем, которым присуща сема «обработка поверхности». Номинатив и пациенс входят в валентностные модели лексем, обозначающих повреждение поверхности. В моделях лексем, обозначающих удаление поверхностной части, покрытие поверхности, очищение и загрязнение, пациенс одновременно выполняет функцию локатива. «В модели рефлексивных лексем входит аргумент в функции агенса, экспериенцера и пациенса. Лексем с интегральным компонентом «изменение поверхности» составляют открытую лексико-семантическую группу; в английском языке постоянно возникают глаголы типа *polyurithane /the floor/ или acrylic /a car/*, которые какое-то время остаются незафиксированными в словарях» [Сентенберг 1974].

В английском языке глагольным лексемам со значением «деструкция» посвящена кандидатская диссертация О.В. Валько «Фрейм деструктивного действия и особенности его актуализации» [Валько 2005].

В сравнительном аспекте глагольные лексем «деструкции» таджикского и английского языков исследуются впервые.

1.2. Системность в лексической системе языков: динамический аспект лексического значения глаголов деструкции в таджикском и английском языках

Системность языковых знаков может рассматриваться во внешнем, и во внутреннем аспектах. Внешняя системность языковых знаков трактуется как отражение системных отношений, присущих референтам определенной предметной области, обозначаемым данной совокупностью знаков. С этой точки зрения системность лексики видится в наличии лексико-семантических

или тематических групп слов. Однако подобного рода системность свойственна в конечном счете лишь фиксированным предметным областям, например, сферы науки, техники и т.д. [Гак 1995: 78].

Внутренняя системность языковых знаков заключается в том, что лексические единицы, каким бы большим не было их число, на семантическом уровне трактуются как сочетание определенного числа единиц низшего уровня (сем), между которыми устанавливаются парадигматические и синтагматические отношения. Выявление лексической системы языка в этом случае видят в определении набора этих элементарных смыслов и закономерностей их сочетания. Однако язык представляет собой знаковую систему с неопределенным числом референтов, в связи с чем ни число лексем, ни число составляющих их компонентов не может быть ограниченным [Гак 1995: 87].

Системность в лексике может трактоваться лишь как совокупность определенных типов отношений между лексемами в плане содержания. Эти отношения определяют в конечном счете лексические значения слова, его семантическую структуру. Возникает, следовательно, вопрос, касающийся определения возможных изменений в значении слов, то есть – исчисления типов значений слов и создания общей типологии лексических значений слова.

Нельзя не согласиться с В.Г. Гак, который отмечал, что в общей истории семасиологии формировались разнообразные изменения значения слов. Однако необходимо найти основание для их исчисления. Изменения значения слова обуславливается «изнутри», парадигматически, изменением его собственного семического состава, либо «извне», в пределах словосочетания, что в конечном счете тоже ведет к изменению семантической структуры слова [Гак 1995: 88].

Семантическая структура слова может быть представлена как сочетание семантических компонентов, относящихся к разным семантическим осям (А

или Б), при этом сема может выступать в качестве общей (А) или дифференцирующей (а).

В парадигматическом плане развитие значений слов определяется логическими отношениями между понятиями: отношениями включения, пересечения и, в меньшей степени, контрадикторными. Отношения исключения, играющие известную роль в исторической семасиологии, в развитии значения слова на синхронном уровне почти не проявляются [Супрун 1995: 88].

Отношения включения между понятиями на семантическом уровне формируют процессы расширения (А.а – А) или сужений (А – А.а), которые могут происходить в сфере понятийного ядра значения слова, его экспрессивной окраски, его функционально-стилистической характеристики, в связи с чем создаются три типа бинарных оппозиций в значении слов: широкое / узкое, логическое / экспрессивное, общее / специальное [Супрун 1995: 98].

Отношение пересечения понятий лежит в основе следующих процессов: метафорический перенос (А.б – Б.а), метонимический перенос (А.б – Б), опущение или добавление семантической оси (А.б – А, А – А.б), замена семантической оси (А – Б). При этом создаются оппозиции значений слов: прямое / переносное, простое / осложненное.

Отношение контрадиктарности ведет к антонимическому развитию значения слова.

В синтагматическом плане возможны два пути развития слова в пределах словосочетания: фразеологизация (А+Б-В) и превращение его в служебный элемент (А+Б – Б). В обоих случаях отдельная номинация (словосочетание) переходит в единую номинацию, равноценную одному слову.

В целом вырисовывается следующая типология значений слова в серии бинарных оппозиций:

Широкое / узкое	простое / осложненное
Логическое / экспрессивное	свободное / фразеологически связанное
общее / специальное	знаменательное / служебное
прямое / переносное	

Не всякое многозначное слово обладает полным набором таких значений. Элементарные значения этих оппозиций могут по-разному сочетаться между собой, некоторые из них взаимоисключаются.

Взаимосвязь и взаимообусловленность лексических единиц, образующих совокупность словарного состава любого языка, можно рассматривать как проявление системности в лексике [Гинзбург 1995: 88].

Сложность и многообразие связей, объективно существующих между лексическими единицами, группами и подсистемами лексем, объединяющих их в единое целое, не отражены и не могут быть отражены ни в одной отдельно взятой классификационной модели. Авторы известных в лингвистике классификаций обычно исходят из одного или лишь нескольких аспектов языковых единиц (морфемная, словообразовательная структура, этимология и т.п.), либо подходят к словарному составу с позиции квантитативной оценки (частотность), указывая на наличие других зависимостей, но не вскрывая их (Д.Н. Шмелев, Р.С. Гинзбург, Ю.Д. Апресян).

Исследование наиболее частотных слов современного таджикского и английского языков и изучение ряда квалифицированно выделенных подсистем

показывает, что все аспекты, стороны, грани словарных единиц находятся в крайне сложных коррелятивных связях, учет которых необходим для более глубокого проникновения в сущность лексических явлений.

Особая трудность задачи исследования в области словарного состава, как отмечает Р.С. Гинзбург, в значительной степени объясняется двумя факторами:

1. Органическая связь лингвистического и экстралингвистического в естественном языке делает отношения между лексическими единицами еще более сложными и многообразными
2. Лексический состав естественного языка в каждый данный период складывается в результате длительного исторического развития.

Поэтому в словарном составе, как правило, во всех его подсистемах, имеются элементы нового, развивающегося и своеобразные отпечатки «старого», отмирающего [Гинзбург 1995: 88]. Это в ряде случаев нарушает регулярность системных связей языковых явлений, ограничивает генерирующие системных связей языковых явлений, ограничивает генерирующую силу продуктивных образований, а также значительно затрудняет проникновение в сущность закономерностей, действующих в данный период развития языка.

Из всех многочисленных и многообразных отношений, существующих между лексическими единицами, наиболее существенными представляется взаимозависимость парадигматических и синтагматических связей внутри словарного состава. Под лексической парадигмой в данной работе понимается иерархическое строение словарных подсистем, компоненты которых объединены хотя бы одним общим типом связи и противопоставлены по этому же типу связи (например, синонимико-антонимические группы, словообразовательные ряды).

Под лексической синтагматикой понимается функционирование лексических единиц в речевой цепи, компоненты которой обнаруживают множественные связи. Каждая из них может быть абстрагирована и проложена в основу выделения лексической парадигмы. Системность в лексике проявляется во взаимосвязанности и взаимообусловленности парадигматически и синтагматически, выступающих как общее и отдельное по отношению к слову.

Множественность связей лексических единиц наиболее наглядно прослеживается в лексико-семантических классификациях, в частности, в разбиении лексического состава на лексико-семантические поля.

Если исходить из того, что разные лексико-семантические варианты многозначной лексемы относятся к разным лексико-семантическим полям (например, поле деструкции, поле движения и поле речи), то, очевидно, что эти разные поля оказываются взаимосвязанными через лексико-семантические варианты, входящие как компоненты в семантическую структуру одной лексемы.

Обозначая термином «лексико-семантическое поле» систему лексических единиц, выделенных по экстралингвистическому критерию общности денотатов (например, поле деструкции, поле чувств и т.п.), мы тем самым предполагаем, что внутри такого поля возможны классификации на более мелкие подсистемы по связям, присущим данному лексико-семантическому полю как средству вербальной категоризации, объективно существующей действительности, и по ингерентным лингвистическим связям, объективно существующим в системе языка. Так, для современного таджикского и английского языков можно прежде всего наблюдать эти связи в иерархическом членении лексико-семантического поля на подсистемы, объединенные категориальными лексико-грамматическими признаками класса

слов (например, поле деструкций – глаголы деструкций, лексические единицы, обозначающие деструкции).

Членение лексико-семантического поля на гиперлексемные объединения, в которых наиболее наглядно проявляются семантико-словообразовательные связи, обнаруживает принципиально ту же взаимозависимость лексических единиц – компонентов гиперлексемных единств.

Своеобразные формы связи наблюдаются при исследовании лексико-семантических групп различных типов и разрядов. Например, общеизвестна закономерная связь семантики различных лексико-семантических подсистем, выделяемых внутри лексико-семантических полей (сравним, например, связи семантической структуры глаголов деструкции и глаголов речи). Само существование различных классификаций показывает возможность выделения различных критериев, исходящих из различных сторон, аспектов лексических единиц, связывающих лексемы в единое целое на основе их общности и противопоставления друг другу.

Следовательно, каждая отдельная лексема находится в сложных и многообразных связях со всеми другими и обусловлена этими связями как количественно, так и качественно, то есть каждая лексема объективно выступает как компонент системы.

Следует также заметить, что моделирование лингвистических объектов предполагает абстрагирование от некоторых их свойств, в результате чего другие свойства оказываются подчеркнутыми и становятся более очевидными. В связи с этим представляют интерес некоторые языковые явления, которые в определенном смысле могут рассматриваться как модели других языковых явлений.

Любой естественный язык состоит из трех знаковых систем: семантической, грамматической и фонетической. Гетерогенные единицы (семемы, словоформы и т.п.) то есть семантические, грамматические и фонетические знаки, конституирующие эти системы, связаны друг с другом отношением репрезентации.

Все знаки, в том числе простые имеют сложную формальную структуру, то есть они всегда представляют собой совокупности симультанных компонентов и множителей: семемы состоят из сем, лексемы – из морфем. Производные простые знаки включают в свой состав непродульные или производные низшей ступени деривации; из простых знаков (производных и непродульных) образуются сложные.

Простые знаки семантической системы состоят из двух типов структурных компонентов: парадигматических и синтагматических, которые могут быть обязательными и факультативными. Первые обуславливают обязательную семантическую сочетаемость, а вторые – факультативную.

Общеизвестно, что содержание слова может быть расчленено и представлено в виде семантической структуры, то есть такой организации семантических компонентов, при которой каждый компонент обусловлен другим и «может быть тем, чем он является, только благодаря отношениям с другими компонентами [Ельмслев 1992: 106]. Конституирующий компонент семантической структуры слова – лексическое значение, отражающее потенциальную понятийно-предметную соотнесенность слова. Стилистические значения (коннотации) – компоненты вторичного порядка.

Компоненты семантической структуры слова находят отражение в едином звуковом или графическом комплексе, образующем материальную сторону слова.

Лексическое значение слова обусловлено его соотнесенностью с понятиями, существующими у данной группы людей в данное время, и с предметами окружающей действительности; его стилистическими потенциями и теми контекстными «смыслами», которые проявляются в процессе его реализации; оно определяется также особенностями языковой системы, общественно осознанными и устоявшимися контекстами употребления, конкретными лексическими и грамматическими связями [Виноградов 2000: 45].

Как показали наблюдения, зависимость лексического содержания слова от системы данного национального языка проявляется во взаимоограничениях слов, имеющих общие семантические компоненты. Взаимоограничения слов, принадлежащих одному словесному или семантическому полю, обуславливают упорядочение границ охвата данным словом отражающей им действительности (языковое членение действительности). Данное свойство языковых элементов, вслед за Э.С. Азнауровой, мы называем семантической зависимостью, под которой понимается способ компоновки семных элементов, способ организации семантической структуры слова в отношении к словесному или семантическому полю системы.

Системная семантическая зависимость порождает процесс «утеснения» и «пригонки» слов друг к другу, их семантического взаимоограничения. Стилистическое созначение приобретает свою лингвистическую определенность, только благодаря бинарным оппозициям. Ограничения, накладываемые системой языка на лексическое содержание слова, связаны также с его сочетаемостью: слова, имеющие одно и тоже лексическое значение, но отличающиеся стилистическими созначениями, характеризуются различной сочетаемостью.

Если для выражения одного и того же понятия в данном национальном языке имеется несколько слов, то семантическая сочетаемость каждого оказывается ограниченной. Семантическая сочетаемость нейтральных слов значительно шире, чем семантическая сочетаемость стилистически окрашенных слов. Потенциальную семантическую сочетаемость такого рода можно определить как стилистическую валентность. Она выражается во взаимоотношениях языковых единиц, обладающих стилистической коннотацией. При этом степень «стилистической насыщенности» слова обратно пропорциональна его стилистической валентности.

Таким образом, системная семантическая зависимость выступает на двух уровнях: на «внутреннем», парадигматическом уровне, и на «внешнем», синтагматическом уровне; как отношения значений и как отношения слов [Азнаурова 1986: 106].

Системная семантическая зависимость может быть охарактеризована как соотношение лексического содержания слова с лексическим содержанием других слов системы, близких ему по понятийно-предметной направленности. Зависимость лексического содержания слова от других слов системы проявляется в давлении системы на семантическую структуру и содержание слова во всех его аспектах. Системная семантическая зависимость – это реляционное свойство языкового знака, показывающее его взаимодействие с системой языка. Модификацию лексического содержания под влиянием системной семантической зависимости можно квалифицировать как внутрисистемное значение, которое принципиально отличается от его лексического значения и стилистического значения как значение реляционное: если лексическое значение устанавливается на основе парадигматических отношений, то внутрисистемное значение основывается на

анализе как парадигматических, так и синтагматических отношений языковых единиц.

Несмотря на неопределенность и расплывчатость лексического значения слова говорящий при необходимости может выразить заданный смысл с нужной степенью точности, конкретности, экспрессивности и тем самым обеспечить взаимопонимание в процессе общения [Сентенберг 1990: 88]. Из этого следует, что в значении слова содержится потенциальная возможность к динамичности, вариантности, возможность приспособления к условиям и задачам коммуникативного акта, способность выразить индивидуальное, особенное.

Семасиологи различают два типа или аспекта значений – системное, или сигнификативное, и референтное, или текстовое. Первое существует как находящийся в семантических оппозициях элемент системы, второй – как элемент высказывания, текста. Данное разграничение носит уровневый характер и в значительной мере условно, поскольку сигнификативное значение всегда предполагает диапазон референтной соотнесенности, а референтное значение по существу есть не что иное как ситуативно обусловленная реализация сигнификативного значения в составе высказывания [Леонтьев 1995: 88].

Для выявления взаимодействия системного (сигнификативного) и текстового (референтного) значений и установления характера динамики сигнификативного значения в тексте считаем целесообразным рассматривать системное значение с использованием таких трех взаимосвязанных и взаимообусловленных понятий, как объективное содержание значения, значение и информационный потенциал.

Под объективным содержанием значения слова, вслед за И.В. Сентенбергом, понимаем совокупность всех социально значимых признаков

называемого предмета, вычленяемых общественным сознанием, ассоциируемых с данным предметом и находящих выражение в слове и его сочетаемости. Оно складывается из совокупности разносторонних знаний и отношений говорящего социума, связываемых с называемым предметом и словом как его названием, и соотносится с расчлененным, развернутым, динамическим понятием о предмете [Сентенберг 1995: 88].

Выявление объективного содержания значения осуществляется с помощью таких приемов, как опрос информантов и ассоциативный эксперимент, анализ свободной сочетаемости слова в данном значении; анализ одноязычных толковых словарей, в которых значение слова эксплицировано в его дефиниции, а некоторые признаки информационного потенциала содержатся в приводимых примерах; анализ лексико-семантических парадигм, которые образуются на базе данного значения.

Элементы, входящие в объективное содержание значения слова, неоднородны по своему статусу и обязательности речевой реализации, что позволяет подразделить их на центральные, или обязательные, и периферийные, или необязательные.

К центральным, обязательным относятся инвариантные и дифференциальные семантические признаки, имеющие статус сем и, как правило, регулярно реализуемые при употреблении слова. Они составляют его системное значение.

Дифференциальные семы проявляются в семантических оппозициях. Они отличают данное значение от других значений в составе лексико-семантической парадигмы. Инвариантные семы составляют основу семантических оппозиций и объединяют данное значение с другими, находящимся с ними в семантических отношениях гипонимии и пересечения.

Эти две группы сем обеспечивают отнесенность значения к классу значений и отличие данного значения от других в составе класса.

К периферийным, необязательным относятся семантические признаки, формирующие информационный потенциал значения и реализуемые в речи с большей или меньшей регулярностью. Они находятся в отношении семантической импликации с семами.

Таким образом, объективное содержание значения распадается на собственно значение и информационный потенциал. Значение – это коммуникативно направленная интерпретация в слове объективного содержания значения через ограниченное число социально значимых признаков – сем, позволяющих целостно представить называемый предмет, отличить данное значение от других в системе языка, экономно свертывать и кодировать информацию о предмете и разворачивать ее в процессе общения в зависимости от потребностей конкретного коммуникативного акта.

Информационный потенциал значения – это совокупность периферийных признаков объективного содержания значения, связываемых с собственно значением вероятностным образом на основе многообразных ассоциаций и различающихся квантором регулярности.

Наличие информационного потенциала у значения слова подтверждается тем, что слово в речи способно выражать такое мыслительное содержание, которое за ним не закреплено в системе языка. В.З. Панфилов справедливо отмечает, что «содержание нашего сознания и содержательная сторона речи отнюдь не сводятся к сумме значений тех языковых единиц, посредством которых репрезентируется сознание или которые используются в речи» [Панфилов 1986: 88].

Признаки, составляющие собственно значение, будем называть традиционным термином сема, а признаки, входящие в информационный потенциал – ассоциативными признаками.

Вслед за Дж. Диллоном ассоциативными считаем такие признаки, которые можно отделить от слова и представить отдельным словом, определяющим данное; при этом полученное словосочетание должно быть непротиворечивым [Диллон 1987: 18].

Основные различия между значениями и семами, с одной стороны, и с информационным потенциалом и ассоциативными признаками, с другой, проявляются в следующем.

1. Семы выполняют классифицирующую функцию, они лежат в основе оппозиций слова в лексической системе языка и вычленяются на основе семантических оппозиций.

Ассоциативные признаки такой функцией не обладают.

2. Семы характеризуются квантором регулярности «всегда» или «почти всегда».

Ассоциативные признаки характеризуются кванторами регулярности «обычно / часто», «иногда», «редко», «никогда».

3. Семы, составляющие значение, как правило, эксплицируются в составе одного предложения.

Ассоциативные признаки в своей совокупности никогда не эксплицируются в составе одного предложения.

4. Семы определяют обязательную сочетаемость слова в данном значении.

Ассоциативные признаки связываются с необязательной сочетаемостью слова, проявляются в ней и извлекаются из нее.

5. Семы с разной степенью вероятности «прогнозируют» данные ассоциативные признаки.

Ассоциативные признаки не предполагают именно данные семы.

6. Семы, как правило, соподчинены друг другу, образуют «целостную конфигурацию со сложной внутренней структурой» [Сентенберг 1987: 19].

Ассоциативные признаки подчинены семам, между собой они рядоположены, представляют возможность свободного выбора для уточнения называемого явления в составе высказывания.

7. Семы, как правило, представляют логическое начало в значении слова, а ассоциативные признаки – чувственное (представления о связях, оценка и т.п.).

Значение и его информационный потенциал находятся в отношении, описываемом принципом дополнительности. Ассоциативные признаки представляют собой потенциальный комплекс уточнителей значения. Они проявляются при его текстовой реализации, придают значению характер размытости, незаконченности, протяжности, движения.

Выявление признаков в составе объективного содержания значения слова предполагает анализ сочетаемости слова, использование логико-семантической процедуры сопоставления высказываний, находящихся в семантических отношениях равнозначности, импликации и исключения, а также таких языковых кванторов регулярности, как всегда, часто, иногда, никогда, позволяющих подразделять семантические признаки в составе

объективного содержания значения на группы в зависимости от их типичности и значимости.

Рассмотрим возможности аранжировки семантических признаков применительно к объективному содержанию лексико-семантического варианта глаголов деструкций таджикского и английского языков *куштан* – *kill*, для чего будем применять:

А) дефиниции значения с использованием кванторов градации регулярности;

Б) сопоставление высказываний, находящихся в отношениях семантической эквивалентности, импликации и исключения.

Семантическая эквивалентность

Куштан – ҷондореро бечон кардан, қатл кардан, мурондан:

Подшоҳеро шунидам, ки ба куштани бегуноҳе ишорат кард;

Кай зи майдони ту бархезам, ки баъд аз куштанам

Гарди ман ҳам барнахоҳад хост аз майдони ту;

Агар бародари худро ҳозир накуни, бифармоям, ки туро бидушанд (ФЗТ, 1. 578).

Анализ примеров и словарных дефиниций дают основание утверждать, что в состав значения ЛСВ глагола *куштан* – *убивать* входят следующие семы: семантический субъект (агенс) – *қотил* (убийца), процессуальный признак *бечон кардан, қатл кардан* – *убивать*, семантический объект (пациенс) – *ҷондореро* – (живое существо).

Рассмотрим слово *kill* в английском языке. При сравнении с таджикским словом *куштан* было выявлено следующее.

To kill is always to deprive of life / put to death sb or sth alive:

*At this tremendous sight, Oliver began to cry very piteously: thinking, not unnaturally, that the board must have determined **to kill** him for some useful purpose, or they never would have begun to fatten him up in that way. (Dickens, Charles. Oliver Twist, 89) – При этом потрясающем зрелище Оливер жалобно заплакал: он подумал, — и это было вполне естественно, — что совет решил убить его для каких-нибудь полезных целей, в противном случае его ни за что не стали бы так откармливать.*

*What a lot of money it costs, I thought as the pain receded, **to kill** a few human beings-you can kill horses so much cheaper.(Greene, Henry Graham. The Quiet American, 89) – Как дорого стоит убивать людей, – подумал я, когда боль немножко приутихла, – куда дешевле убивать лошадей.*

*Angbard named me his heir because he wanted me to attract whatever faction tried **to kill** my mother, she thought.(Stross, Charles. The Family Trade, 45) – Энгбард назвал меня своей наследницей скорее потому, что хотел привлечь внимание какой-то группировки из тех, кто убил мою мать, — подумала она.*

Наличие элемента *always* в составе дефиниции, отношение семантической равнозначности между предложениями, а также анализ предложений также дает основание утверждать, что в состав значения ЛСВ глагола *kill* входят семы: семантический субъект *somebody* (murderer), сложный процессуальный признак *deprive of life*, семантический объект (пациент) *somebody or something alive*.

В английском языке глагол *kill* четко противопоставлен глаголу *live*, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры:

Who you knew would live, get killed? (A. Sillitoe, 78);

They killed him because he was too innocent to live (Stross, Charles. *The Family Trade*, 89) – *Они убили его, потому что он был слишком честным, чтобы жить.*

Семантическая импликация

Куштан – убивать / умерщвлять / губить / истреблять; резать, бить, колоть (скот) [ТРС 2006: 288].

Дар деҳа овоза паҳн шуд, ки босмачиҳо фалониро дастгир кардаанд, фалониро тирборон кардаанд, фалониро бо шамшер зада куштаанд [Национальный корпус таджикского языка 2010] – *По деревне распространился слух, что басмачи захватили такого-то, расстреляли такого-то, убили такого-то мечом.*

To kill is to deprive of life usually / deliberately / unlawfully / with violence / with an instrument or means in this or that way / with this or that motive / cause / purpose / there / and then. – Убить - это лишить жизни обычно / преднамеренно / противоправно / с применением насилия / орудием или средством тем или иным образом / с тем или иным мотивом / причиной / целью.

At this tremendous sight, Oliver began to cry very piteously: thinking, not unnaturally, that the board must have determined to kill him for some useful purpose, or they never would have begun to fatten him up in that way. (Британский национальный корпус 2015) – *При этом потрясающем зрелище Оливер жалобно заплакал: он подумал, — и это было вполне естественно, — что совет решил убить его для каких-нибудь полезных целей, в противном случае его ни за что не стали бы так откармливать.*

What a lot of money it costs, I thought as the pain receded, to kill a few human beings—you can kill horses so much cheaper. (Британский национальный

корпус 2015) – *Как дорого стоит убивать людей, – подумал я, когда боль немножко приутихла, – куда дешевле убивать лошадей.*

We fought on horseback - breaking ground, and advancing by signal; and, as I never miss aim, I had the misadventure to kill the Honourable Master Crofts at the first shot. (Британский национальный корпус 2015) – *Мы сели на лошадей, разъехали в стороны; затем по сигналу начали сближаться, и так как я никогда не даю промаха, то имел несчастье первым же выстрелом убить мистера Крофтс*

It was I who told him to kill his wife, and his children, and all his blood, and every living person who loved him or whom he loved. (Jordan, Robert. The Eye of the World, 78) – *Именно я наиптал ему убить жену и детей, и всех родственников, всех живых существ, которых он любил и которые любили его.*

Here it is, cling to that, don't let them trample me, they're going to kill me if I don't get up, I have to move with them, get up and walk with them, run with them or they'll crush me. – *Вот он, за него надо держаться, потому что меня раздавят, растопчут, убьют, если не встану, я должен отправиться с ними, встать и идти с ними, бежать с ними, ибо, в противном случае, меня просто разнесут на кусочки.*

Семантические признаки импликации, приведенные в дефинициях после первой косой черты, входят в информационный потенциал глаголов деструкции куштан и kill.

Ассоциативные признаки сходны с семами в том отношении, что они, как и семы, абстрактны. Однако, в отличие от сем, ассоциативные признаки в их полном наборе не реализуются в пределах одного предложения. Для этого требуется текст достаточной длины, например, абзац, рассказ, повесть, роман.

Ассоциативный семантический признак *орудие* или *способ убийства* в нашем материале представлен как *рука, меч, стрела, нож*, что каждый раз дает более или менее заметную модификацию значений глаголов деструкций *куштан* и *kill* при их текстовой реализации: это может быть:

бугй (хафа) карда куштан, бугй (хафа) кардан; что перен. нест (бартарас) кардан – задушить;

захр додан (хурондан, нушондан), дода куштан – отравить;

бо шамшер задан, корд зада куштан – зарубить;

зер (пахи) карда куштан; қариб буд, ки мошин вайро зер карда кушад - его чуть не задавила машина.

Someone had tried to strangle Melantha. (Zahn, Timothy / The Green And The Gray) – Кто-то хотел задушить Меланту.

Fancy poisoning a fellow out of envy--as Spagnoletto did! (Thackeray, William Makepeace. The Newcomes, 89) – Нет, ты подумай, отравить человека из зависти, как Спаньолетто!

Thank God I was obeying it that day, otherwise I might have killed her (King, Stephen. Bag of Bones, 78) – Слава Богу, я выполнил указание. Иначе мог бы и задавить девочку.

Семантические отношения исключения

Семантические признаки агенса, пациенса представлены в каждой текстовой реализации глаголов деструкции ЛСВ *куштан* и *kill* и имеют статус сем. Все другие семантические признаки составляют информационный потенциал, в котором они аранжированы по степени регулярности.

Проведенный анализ показал, что ассоциативные признаки представляют иерархию в плане их частотности, значимости в речевой деятельности говорящего коллектива. Однако, как нам представляется, в содержательном плане они находятся в отношении семантического равноправия; все они вместе соподчинены процессуальной семе лишить жизни и в зависимости от потребностей ситуации общения подключаются к процессуальной семе по отдельности или в сочетании, благодаря чему возникает возможность передать актуальный смысл, выразить частное и отдельное, подчеркнуть особенное и своеобразное.

Динамика значения рассматриваемых глаголов в тексте обеспечивается референтной отнесенностью сем семантического субъекта и объекта, актуализацией и экспликацией ассоциативных признаков из информационного потенциала, значимых для ситуации общения, и подвижностью границ между значением и его информационным потенциалом.

Так, в приводимых ниже примерах глаголы *куштан* и *kill* фактически обозначают разные действия в зависимости от того, кто его совершает и применительно к кому или чему оно совершается:

1. *бехун (камхун) кардан; перен. высок. бемадор (бекувват, бехолу мадор) кардан; душманро бемадор кардан – обескровить врага;*
2. *захр додан – (хурондан, нушондан), дода куштан – отравить ядом; захр додан // кого-что олудан, олуда кардан; ба газ олудан – отравить газами // что захролуд (захрдор) кардан; обро захролуд кардан – отравить воду;*
3. *маъюб кардан, зер карда куштан;*
4. *корд зада куштан, сар буридан // (животное) сар задан, сар буридан, куштан, бисмил (забх) кардан – зарезать.*

*Мақомоти вилояти Нангарҳор гуфтанд, ки дар натиҷаи ҳамлаи ҳавоии не рӯҳои Амрико дар шоми 8-уми июл дар наздикии марзи Покистон дар ноҳияи Ачин, дасти кам 4 ҷангҷӯи гурӯҳи Хуросон, шоҳаи созмони Давлати исломӣ кушта шуданд. Дар ин гурӯҳ бино ба гузоришҳо шахрвандони кишварҳои Осиёи Марказӣ аз ҷумла тоҷикон шомил ҳастанд. Ҷангҷӯёни Гурӯҳи Хуросон соли гузашта дар Нангарҳор зухур карданд ва онҳор ба бераҳмӣ нисбат ба мардум аз ҷумла ба сар буридан ва қатли афрод бо таркиши бомб муттаҳам мекарданд [Национальный корпус таджикского языка 2018] – *Власти региона Нангархар заявили, что в результате воздушной атаки американских войск вечером 8 июля вблизи границы с Пакистаном в районе Ачин погибли по меньшей мере 4 бойца группировки Хорасан, филиала организации "Исламское государство" (запрещенное на территории РФ).**

По имеющимся данным, в эту группу входят граждане стран Центральной Азии, в том числе таджикстанцы. Бойцы «Хорасанской группы» появились в Нангархаре в прошлом году и обвинили их в жестоком обращении с людьми, в том числе в обезглавливании и убийстве людей взрывами бомб.

На материале английского языка:

... and in the end he was killed by jungle-leeches – он был убит пиявками в лесу (Британский национальный корпус 2020);

... they would all be killed within the first week by poison gas – они были убиты ядовитым газом (Британский национальный корпус 2020);

... he was killed by a falling tree in the woods – его убило упавшее дерево в лесу (Британский национальный корпус 2020).

*Our records say she was poisoned by the injured Queen - poisoned, without time allowed to call to God for the pardon of her many faults. – Наши хроники утверждают, что она была **отравлена** оскорбленной королевой, **отравлена** и ей даже не дали времени вымолить у бога прощение ее многочисленных грехов. (Британский национальный корпус 2020).*

*I apprehended the arrow might be poisoned, and paddling out of the reach of their darts (being a calm day), I made a shift to suck the wound, and dress it as well as I could. – Я испугался, как бы стрела не оказалась **отравленной**; поэтому, усиленно заработав веслами и оказавшись за пределами досягаемости их выстрелов (день был очень тихий), я старательно высосал рану и кое-как перевязал ее. (Британский национальный корпус 2020).*

*In the long run, it was a good thing that the white settlers arrived, despite their charming habit of selling us poisoned flour when they wanted our land. – И в каком-то смысле хорошо, что пришли белые, несмотря на их очаровательный обычай продавать нам **отравленную** муку, когда им была нужна наша земля. (Британский национальный корпус 2020).*

В приведенных выше примерах значения глаголов *куштан* и *kill* различаются способом совершения действия: *обескровить, отравить, раздавить*.

Возможности текстового варьирования значения глаголов *куштан* и *kill* практически безграничны, поскольку любое живое существо, наделенное разными качествами и свойствами, может выступать в функции агенса или пациенса в процессе лишения жизни, обозначаемого глаголами *куштан* и *kill*.

Творческие способности говорящего индивида, необходимость адекватно выразить данный смысл являются постоянно действующими факторами для смещения границ между значением и информационным

потенциалом, что выражается не только в подключении ассоциативных признаков к значению, но и во временном, ситуативно обусловленном затухании тех или иных сем и перемещении их в информационный потенциал.

Выводы по первой главе

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Использование языковых кванторов градации, логико-семантических процедур тождества, импликации и исключения, позволяют произвести иерархическую аранжировку семантических признаков в составе объективного содержания значения и вычленить собственно значение и информационный потенциал разных степеней импликации.
2. Глаголам деструкции в таджикском и английском языках свойственна высокая степень динамичности значения, обусловленная референтной соотнесенностью семантического субъекта и объекта, экспликацией и референтной актуализацией ассоциативных признаков из информационного потенциала значения, существенных для ситуации общения, а также смещением границ между значением и его информационным потенциалом.

Г Л А В А II

Лексико-семантические группы глаголов «деструкции в таджикском и английском языках

2.1. Семантическая классификация глагольных лексем со значением «деструкция» в таджикском языке

Семантический анализ глагольных лексем таджикского языка с первичной семантикой деструкции позволил выделить следующие лексико-семантические подгруппы (в дальнейшем ЛСГ).

1. ЛСГ глагольных лексем с ядерной семой «разрушительное воздействие».
2. ЛСГ глаголов с ядерной семой «уничтожение».
3. ЛСГ глагольных лексем с ядерной семой «лишение жизни».
4. ЛСГ составляют глаголы с ядерной семой «повреждение объекта».
5. ЛСГ глагольных лексем с ядерной семантикой «ранение объекта».

Более подробно рассмотрим данные лексико-семантические подгруппы

В первую лексико-семантическую подгруппу глагольных лексем деструкции таджикского языка методом сплошной выборки из лексикографических источников мы включили следующие микрогруппы:

а) глагольные лексемы с дифференциальной семой «разламывать на мелкие кусочки» *орд кардан – молоть* (ТРС, 2006);

б) глагольные лексемы с дифференциальной семой «разделить объект на кусочки»: *шикастан, кафондан – ломать; вайрон кардан – коверкать; кӯфтан – треснуть* (ТРС, 2006);

в) глагольные лексемы с дифференциальной семой «ломать массивный предмет»: *торумор кардан, ба замин яксон кардан – громить; хароб кардан – крушить; буридан – валить* (ТРС, 2006).

Приведем примеры из художественной литературы:

Ҳар шикасте ба дурусте нест дар ин осие,

То нагардад орд гандум, кай шавад мавҷуд нон (ФЗТ, 1. 921);

Ҳар он сар, ки дорад хаели гурез,

Бибояд кафонида аз теги тез.

Ҳайбаташ алмоси сахтро бикафонад,

Чун бикафонад ду чаими мор зумуррад (ФЗТ, 1. 544);

Чун ҳисорро вайрон карданд, он дарро низ вайрон карданд (ФЗТ, 1. 222);

Як дил ҳавоси чамъи маро торумор кард,

Зулфи шикастаи ту ба сад дил чӣ мекунад?! (ФЗТ, 2. 373);

Басе шахр бинӣ аз Эрон хароб,

Табаҳ гашта аз ранҷи Афросъеб (ФЗТ, 2. 465).

Приведенные выше глагольные лексемы представляют собой “невыраженный способ действия”. В данную группу были также включены глагольные лексемы “выраженного способа действия”.

1. Глагольные лексемы с ядерной архисемой «задан» - ударить;
2. Глаголы с ядерной архисемой «фишор додан» - давить;
3. Глагольные лексемы с ядерной архисемой «хам (қат) кардан» – согнуть;
4. Глагольные лексемы с ядерной архисемой «сӯхтан, аланга задан» - гореть;
5. Глагольные лексемы с архисемой «пӯсидан» – гнить;
6. Глагольные лексемы с ядерной архисемой «буранда, мебуридагӣ» - разрушать при помощи острых предметов.

Далее более подробно рассмотрим приведенные выше лексико-семантические объединения.

Первая подгруппа включает следующие синонимические ряды:

а) глагольные лексемы с дифференциальной семой «однократное действие»: *задан, зарба расондан – садануть* (ТРС, 2006); *гурсос (гуппос) карда задан, ҳаво додан* – разг. – *шарахнуть* (ТРС, 2006);

б) синонимический ряд, включающий глагольные лексемы с дифференциальной семой «многократное действие»: *сахт задан, кӯфтан дубасить; лат кардан* – разг.; *калтаккорӣ кардан* – *колотить, колотить*

палкой; пўст кандан – прост. ; муқашшар кардан – лупить; бо мушит задан – тузить (ТРС, 2006);

в) синонимический ряд, включающий глаголы с дифференциальной семой «многократное действие при помощи предмета»: *тозиена (қомчинкорӣ) кардан – стегать; тозиена задан – хлестать (ТРС, 2006);*

г) микрогруппа, объединяющая глагольные лексемы, семантическая структура которых включает дифференциальные семы «однократное и многократное действие», «удар ногой, копытами / рогами»: *лагад кардан (задан) – ударить; чуфтак задан – лягать; шох задан – бодать.*

Проиллюстрируем примерами из произведений художественной литературы:

Дило, то кай ҳамечӯӣ маниро,

Чӣ кӯбӣ беҳуда сард оҳанеро (ФЗТ, 1. 583);

Гаҳ синаву гаҳ канору абрӯ

Мекӯфт ба санги турбати ӯ (ФЗТ, 1. 583);

Аз латофат дар назарҳо шӯхии ҳар қитъааш

Чун баени дида бодомии муқашшар чида буд.

Зан он кунҷидро муқашшар карда дар офтоб ниҳод (ФЗТ, 1. 794);

Ду гулом дидам, ба сари ман истода, яке аз эшон тозиена раҳо кард (ФЗТ, 2. 370);

Чархро з-оҳи ман зиен чӣ бувад,

Пилро аз паша лагад чӣ расад? (ФЗТ, 1. 590).

Вторую подгруппу образуют следующие синонимические ряды:

а) глагольные лексемы с дифференциальной семой «тазъик намудан – сжимать»: *фишор кардан – давить; фушурдан (зер) пахи кардан – жать; сахт ба огуш гирифтан – разг. – тискать* (ТРС, 2006);

б) микрогруппа глаголов с дифференциальной семой «зер ва пахи кардан – давить»: *гичим кардан, фушурдан – мять; лунда кардан – комкать; поймол кардан, пахи кардан, таги по кардан – топтать* (ТРС, 2006).

Примеры из художественной литературы:

Шона набуд ӯ, ки ба мӯе шикаст,

Дона набуд ӯ, ки заминаш фушурд (Рӯдакӣ);

Бигуфту фуруд омад аз пушти Рахи.

Дили дев аз бими ӯ гаит пахи (Фирдавсӣ, Шохнома).

Третью подгруппу образуют глагольные лексемы с субъядерной семой «хамондан» - придавать чему-нибудь изогнутую форму: а) *хам (кач, қат) кардан – гнуть; чаппа кардан – ломать; топ партофтан – выгибать* (ТРС, 2006):

Чу бозигар ҳамерафтанд ҳам дода миенакро,

Ба ҳалқ-андар яке ҳалқа, ба тан урӯен, ба дил бирӯен (ФЗТ, 2. 45).

Четвертая подгруппа представлена следующими синонимическими рядами:

а) глагольные лексемы с дифференциальной семой «пора кардан» - рвать на части: *дарондан, пора кардан – рвать; пора-пора кардан – разг. драть; қай кардан – разг. – вырвать; решакан кардан – вырвать с корнем* (ТРС, 2006);

б) глаголы, семантическая структура которых включает дифференциальную сему «панча кашидан» - теребить; *даст расондан – трогать; чунбондан – разг. шевелить, трепать что-либо* (ТРС, 2006).

Приведем примеры из художественной литературы:

Пора месозанд чайбат, чун тамаъ созӣ либос,

Ҳосил аз пӯшиданӣ чоки гиребон асту бас (ФЗТ, 2. 85).

Пятая подгруппа включает следующие синонимические ряды:

а) глагольные лексемы деструкции с дифференциальной семой «оташ задан» - уничтожать огнем: *сӯзондан; даргирондан – жечь* (ТРС, 2006);

б) глаголы, включающие лексические единицы с дифференциальной семой «аланга задан» – *поддаваться действию огня, уничтожать огнем; тавсидан – разг. – гореть; шӯълавар шудан, аланга гирифтан – полыхать; равшан сӯхтан – гореть, ярко освещающая* (ТРС, 2006):

То карда сиеҳ абрувонро,

Оташ зада шохи аргувонро (Б. Ҳилолӣ);

Оташ, ки ту мекунӣ, муҳол аст,

К-ин дег фурӯ нишинад аз ҷӯш (Саъди. Ш);

Надонист худ ҷуз бад омӯхтан,

Ҷуз аз куштану горату сӯхтан (А. Фирдавсӣ, Шоҳнома);

Чу шамъ ар бисӯзӣ, шавад равшанат *Ки равшандилӣ ҳам зи сӯзандагист* (К. Хочу).

Шестая подгруппа включает следующие микрогруппы:

а) глагольные лексемы деструкции «под влиянием природных условий», семантика которых включает дифференциальную сему «разлагаться под влиянием микроорганизмов, бактерий»: *пӯсидан, тосидан – гнить, тлеть; фосид шудан, магор бастан – гнить от сырости; турш шудан, туршидан – делаться кислым от брожения* (ТРС, 2006);

б) синонимический ряд глаголов деструкции с семой «солнечное воздействие»: *пажмурда шудан – сохнуть, терять свежесть; камнур шудан – становится тусклым; ранг паридан – выцветать, терять свою краску* (ТРС, 2006):

Баҳори дилафрӯз пажмурда шуд,

Дилаш ба заму ранҷ биспарда шуд (А. Фирдавси, Шохнома).

Восьмая подгруппа представлена микрогруппами глагольных лексем деструкций посредством острого предмета: а) синонимический ряд с дифференциальной семой «разделять на части»: *буридан, пора кардан – резать; зада буридан, кафондан – рубить; майда (пора) кардан, бо тез буридан – сечь; бетартиб (качу килеб, вайрон) буридан – кромсать; чок (кӯк) кандан – пороть* (ТРС, 2006);

б) синонимический ряд глаголов с дифференциальной семой «снимать тонкие слои с поверхности чего-либо посредством острого предмета»: *тарошидан, ранда кардан – стругать; тарошидан (болор, санг) – тесать; қайчи кардан – срезать или укорачивать чем-либо (волосы, ногти)* (ТРС, 2006);

в) синонимический ряд глаголов с дифференциальной семой «причинить боль при помощи острого предмета»: *халидан, дард кунондан – колоть: сангрзаи тез ба пой мехалид – острый щепень колот ноги* (ТРС, 2006); *халондан, фуру халондан – вонзать: неш задан – вонзится жало* (ТРС, 2006);

сӯроҳ кардан, халонда сӯроҳ кардан – пронзить (ТРС, 2006); халондан, задан – пырнуть. – прост. корд задан – ударить ножом, пырнуть ножом (ТРС, 2006);

Пора месозанд ҷайбат, чун тамаъ сози либос,

Ҳосил аз пӯшиданӣ чоки гиребон асту бас (ФЗТ, 2. 85);

Чу алмос, к-оҳан бибуррад ҳаме,

Сухан низ дилро бидаррад ҳаме (ФЗТ, 1. 214);

Агар теги ту буррад хӯду ҳафтон,

Бибуррад теги ман хорову синдон (ФЗТ. 1. 214);

Зи ғамза бар дили решаи чӣ нешҳо, ки кушодӣ,

Зи ишқ бар сари кӯят чӣ борҳо, ки кашидам (ФЗТ, 1. 850).

Он кас ки чунин гуҳар тарошад,

Чун санг ҷигар чаро харошад? (ФЗТ, 2. 332);

Амирулмӯъминин ... вилоятро ба писари хеш Мусо дод ... ва бифармуд, то он васиятнома, ки Ҳорунааррашид навишта буд, чок карданд (ФЗТ, 2. 543);

Бизад дасту ҷома бидаррид пок,

Ба нохун ду рухро ҳамекард чок (ФЗТ, 2. 543);

Ҳар он сар, ки дорад хаели гурез,

Бибояд кафонидан аз теги тез.

Ҳайбаташ алмоси сахтро бикафонад,

Чун бикафонад ду чашми мор зумуррад (ФЗТ, 1. 544).

II. ЛСГ глаголов с ядерной семьей «уничтожение». Данная группа глаголов деструкции представлена синонимами, семантическая структура которых включает дифференциальную сему «разрушение до основания»: *нест (нобуд) кардан – уничтожать; куштан – истреблять; хароб кардан – разрушать* (ТРС, 2006);

Следующая микрогруппа «уничтожения» включает глагольные лексемы выраженного способа действия: *гарқ кардан потоплять, топить; гарқ шудан – тонуть, погружаться в воду; сўзондан – уничтожать огнем* (ТРС, 2006).

Подшоҳеро шунидам, ки ба куштани беғуноҳе ишорат кард;

Кай зи майдони ту бархезам, ки баъд аз куштанам

Гарди ман ҳам барниҳод хост аз майдони ту;

Агар бародари худро ҳозир нақунӣ, бифармоям, ки туро бикӯшанд (ФЗТ, 1. 578).

III. ЛСГ глагольных лексем с ядерной семьей «лишение жизни». Данную группу также образуют глагольные лексемы выраженного и невыраженного способа действия.

Глагольные лексемы невыраженного способа действия мы разделили на следующие синонимические ряды:

а) *нобуд кардан – уничтожать, сводить на нет; куштан, қатл кардан – убивать; барҳам додан – искоренять, уничтожать* (ТРС, 2006);

б) *ҳалок шудан – погибнуть, умирать; мурдан – скончаться; карахт шудан – потерять чувствительность* (ТРС, 2006);

Глаголы выраженного способа действия с ядерной семой «лишать жизни» репрезентированы следующим синонимическими рядами:

а) *ҳалок кардан* – убивать; *мачрӯҳ кардан*. книжн. – ранить; *захр додан* – отравлять, травить; *гарқ кардан* – кого- что; *тир андохтан* – стрелять; *тир паррондан* – разг. – стрелять (ТРС, 2006):

Чарх барҳам занам, ар ғайри муродам гардад.

Ман на онам, ки забунӣ кашам аз чархи фалак (ФЗТ, 1. 155);

Зи баҳри ҳоли накӯ хештан ҳалок макун,

Ба дурру марҷон мафрӯш хира марҷонро;

Мутафаккир гаштам, ... он мактубот бибинад, он ... ҷамоатро ҳалок кунад (ФЗТ, 2. 721).

IV. ЛСГ составляют глаголы с ядерной семой «повреждение объекта». Семантические объединения глаголов повреждения представлены такими микрогруппами, как:

а) глагольные лексемы невыраженного способа действия: *вайрон кардан*, *хароб кардан* – портить, делать негодным (ТРС, 2006);

б) глагол выраженного способа действия: *кофтан* – рыть, раскапывать (ТРС, 2006).

V. ЛГС глагольных лексем с ядерной семантикой «ранение объекта».

Пятая группа представлена семантическими объединениями выраженного и невыраженного способа действия с ядерной семой «ранение объекта»:

а) лексические единицы невыраженного способа действия: *маъюб кардан* – *делать инвалидом, искалечить, покалечить*; *маслуқ кардан* – *наносить увечья кому-либо, - увечить* (ТРС, 2006);

б) лексические единицы выраженного способа действия: *пучидан* – *защемлять до боли кожу тела чем-либо*; *фишор додан* – *давить*; *газидан* – *хватать, ранить зубами* (ТРС, 2006).

Махсуси аҳли ҳол бувад гӯшмоли шиқ.

Оташ диҳад фишори гули хушиамими мо (ФЗТ, 2. 437).

В результате проведенного исследования было выявлено пять лексико-семантических групп таджикских глаголов деструкции, образующие различные семантические типы, микрогруппы и подгруппы, которые также включают синонимы и отдельные лексические единицы. При этом некоторые лексемы могут входить, исходя из дифференциальной семы, в несколько лексико-семантических групп.

2.2. Семантическая классификация глагольных лексем со значением «деструкция» в английском языке

Семантический анализ глагольных лексем английского языка с первичной семантикой деструкции позволил выделить следующие лексико-семантические подгруппы (в дальнейшем ЛСГ).

Первую подгруппу составляют ЛСГ глагольных лексем с ядерной семой «разрушительное воздействие».

Вторую подгруппу образуют ЛСГ глаголов с ядерной семой «уничтожение».

Третью подгруппу составляют ЛСГ глагольных лексем с ядерной семой «лишение жизни».

Четвертую подгруппу ЛСГ составляют глаголы с ядерной семой «повреждение объекта».

Пятую подгруппу образуют глагольные лексем с ядерной семантикой «ранение объекта».

Более подробно рассмотрим данные лексико-семантические подгруппы.

Лексико-семантическую подгруппу со значением «разрушения» образуют как синонимические ряды, так и единичные глагольные номинации. Семантическая структура данных глагольных единиц лишена прямого указания на способ совершения деструкции. Глаголы данной лексико-семантической группы сочетаются с именами существительными, репрезентирующими разные орудия действия.

Данная лексико-семантическая подгруппа была разделена на следующие микрогруппы, исходя из дифференциальной семы: 1) глагольные лексем с дифференциальной семой «дробить, измельчать»: *pulverize* – *to make something into a fine powder by pressing or crushing it* (Oxford Dictionary, 2010); 2) глагольные лексем с дифференциальной семой «разбивать на части».

Данная микрогруппа образуют следующий синонимический ряд: *break, bust, crack, smash, burst, cleave, destroy*:

break - to be damaged and separated into two or more parts, as a result of force; to damage something in this way – ломать, разбивать (на части); разрушать

bust - to break something – сломать, сломаться, разрушиться ;

crack - to break without dividing into separate parts; to break something in this way – колоть, раздроблять, разламывать ;

smash - to break something, or to be broken, violently and noisily into many pieces – ломать, наносить сильный удар;

burst - to break open or apart, especially because of pressure from inside; to make something break in this way – разламывать, прорывать, вызывать разрыв;

cleave - to split or cut something in two using something sharp and heavy – раскалывать, расколоть или разрезать что-то пополам, используя острый предмет;

destroy - to damage something so badly that it no longer exists, works – сильно испортить что-либо, сносить.

Как видно из словарных дефиниций в данный синонимический ряд вошли глагольные лексемы с дифференциальной семой не только «способа действия», но и орудия действия, посредством которого производится деструкция.

Далее приведем примеры из художественных произведений английских писателей.

*A big enough chunk might **break** some unlucky follow-driver's windshield.* (Zola, Emile. *Abbe Mouret's Transgression*) – *Отлетевший достаточно большой кусок может разбить ветровое стекло.*

*If there's crystalline silicate, there must be a source replenishing it faster than the radiation can **break** it down.* (Британский национальный корпус 2010) – *Если существует кристаллический силикат, то должен быть источник, который пополняет его количество быстрее, чем радиация может разрушить.*

*First, everywhere there is a sense of disgust at the way the recent boom seemed to privatize gains while the subsequent **bust** socialized losses.* (Британский

национальный корпус, 2010) – *Во-первых, повсюду есть чувство отвращения к тому, каким образом во время недавнего бума была приватизирована выгода и каким образом во время последующего краха были национализированы убытки.*

*If any soul had forgone suicide only to **crack** under the humans' torture, they would not need me now.* (Meyer, Stephenie. The Host) – *Если бы какая-то из Душ отказалась от самоубийства и раскололась под людскими пытками, я бы им не понадобилась.*

*Although I'd never been self-destructive before, I couldn't help but **smash** my forehead firmly into the Formica.* (Weisberger, Lauren. Devil Wears Prada) – *Я никогда не была мазохисткой, но тут мне не оставалось ничего другого, как начать биться лбом о поверхность стола.*

*She swiped savagely at a scatterhead, and it **burst** in little white feathers that floated to the ground.* (Jordan, Robert. The Fires of Heaven) – *Она свирепо стегнула по вертопрашке, и коробочка растения взорвалась белыми перышками семян, которые плавно опустились на землю.*

*By the hand of my father, I will **cleave** to the brisket the first man that mints another stroke!* (Scott, Walter Rob Roy) – *Клянусь рукой своего отца, я изрублю в куски первого из вас, кто вздумает ударить другого!*

*It is a warfare of limited aims between combatants who are unable to **destroy** one another, have no material cause for fighting and are not divided by any genuine ideological difference.* (Orwell, George. Nineteen Eighty-Four) – *Это военные действия с ограниченными целями, причем противники не в состоянии уничтожить друг друга, материально в войне не заинтересованы и не противостоят друг другу идеологически.*

*As long as the descolada can't be tamed, it will eventually **destroy** humanity or humanity will have to **destroy** it... and us along with it.* (Card, Orson Scott.

Xenocide) – *Если им не удастся усмирить десколаду, то либо она уничтожит всех людей, либо людям придется ее уничтожить, а при случае — и нас.*

Глагольные лексемы со значением «разрушение» с учетом акцентируемых субъядерных сем были разделены нами на следующие группы.

1. Глаголы с ядерной семой «нанести удар» (глагольные лексемы деструкции нанесение удара);
2. Глаголы с ядерной семой «давление, оказывать давление»;
3. Глаголы с ядерной семой «гореть, сгорать (глагольные лексемы деструкции посредством огня);
4. Глаголы с ядерной семой «воздействие природных явлений» (глагольные лексемы деструкции посредством воздействия природных явлений);
5. Глаголы с ядерной семой «разрушать с помощью режущих предметов» (глагольные лексемы деструкции при помощи режущих предметов).

Более подробно рассмотрим данные подгруппы.

Глаголы с ядерной семой «нанести удар» (глагольные лексемы деструкции нанесение удара) включают следующие микрогруппы и синонимические ряды:

1. **Глагольные лексемы с субъядерной семой «однократное действие»:**

Hit – to touch somebody something with force – ударить кого-либо / что-либо силой;

Punch – to hit somebody/something hard with your fist (= closed hand) – сильно ударить кого-то/что-то кулаком;

Slug – to hit somebody hard, especially with your closed hand - сильно ударить кого-либо, особенно сжатой ладонью;

Swipe – to hit or try to hit somebody/something with your hand or an object by moving your arm with a wide, curved movement - ударить или попытаться ударить кого-либо/что-либо рукой или предметом,;

Whack – to hit somebody/something very hard - сильно ударить кого-либо/что-либо.

Примеры из художественной литературы:

*They begin by clodding him; and they laugh themselves to pieces to see him try to dodge one clod and get **hit** with another?* (Twain, Mark. A Connecticut Yankee in King Arthur's Court) – Толпа начинает с того, что швыряет в него комьями земли и хохочет, когда он, стараясь увернуться от одного кома, попадает под удар другого.

*I was just thinking of how to keep that old man from **whacking** me black and blue.* (Hunter, Stephen. The 47th samurai) – Все мои мысли были только о том, как не помешать старику отметелить меня по полной программе.

*He **swiped** across, right to left, and the murderer, no novice to battle, blocked and disengaged quickly enough to keep his hammer in front of him.* (Salvatore, Robert. Road of the Patriarch) – Он размахивал мечом направо и налево, но противник оказался опытным и умело оборонялся, блокируя удары и вовремя отдергивая оружие, чтобы не оставлять брешей в защите.

*If **slugging** is no use then it's up to you.* (Conan Doyle, Arthur. The Adventure of the Mazarin Stone) – Раз нельзя пустить в ход кулаки, тогда твое дело решать, как быть.

*He could stomp the heel of his foot down on Richard's arch. He could **punch** him in the throat and drop him, gasping. He could lean forward and drive his knee into the man's groin. (Sakey, Marcus. The Blade Itself) – Нем ничего проще, чем сбросить захват дилетанта: можно изо всех сил наступить ему на ногу; можно ударить в горло и повалить на пол; можно чуть наклониться вперед и садануть коленом в промежность.*

*The return address hit me in the stomach like an unexpected sucker-**punch**. (King, Stephen. Hearts in Atlantis) - Обратный адрес был как неожиданный удар кулаком в живот.*

*My left cheek burned as the emerald embedded atop my accreditation tat spat a glowing-green spark, a high sudden fracture-pain as if I'd been **punched** hard enough **to crack my cheekbone**. (Saintcrow, Lilith. To Hell and Back) - Мою левую щеку обожгло огнем, изумруд, вживленный над татуировкой, выплюнул яркую зеленую искру, и я ощутила такую боль, будто меня ударили по лицу, чуть не сокрушив скулу.*

2. Данную микрогруппу образуют глагольные лексемы, имеющие дифференциальную сему «столкновение с кем-либо / с чем-либо»:

Collide - two people, vehicles, etc. **collide**, they crash into each other; if a person, vehicle, etc. **collides** with another, or with something that is not moving, they crash into it - два человека, транспортные средства и т.п. сталкиваются, врезаются друг в друга;

Impact - to hit something with great force – сильно ударить что-либо;

Crash - an accident in which a vehicle hits something, for example another vehicle, usually causing damage and often injuring or killing the passengers – столкновение транспортных средств, авария:

*So when I learnt **to drive I crashed** the car four times in the first year just to get back at him. (Laurie, Hugh. The Gun Seller) – И когда я научился водить, то в первый же год четырежды разбил машину, назло ему.*

*The deteriorated security situation following the helicopter **crash** contributed to lower usage of helicopters. (Британский национальный корпус 2010) – Ухудшение обстановки в области безопасности после падения вертолета привело к сокращению использования вертолетов.*

*Main calculated parameters of industrial concrete floors are the flexible stress and compression stress, watertightness, and resistance to **impact** stress and dynamic load. (Британский национальный корпус 2010) - В бетонных промышленных полах основными расчетными параметрами являются напряжения при изгибе и при сжатии, водонепроницаемость и устойчивость к ударным и динамическим нагрузкам.*

3. Данную микрогруппу образуют глагольные лексемы с дифференциальной семой «многократность действия + предмет»:

Beat – to hit a person hard and many times in order to hurt them; to hit something hard several times - сильно и много раз ударить человека, чтобы причинить ему боль; несколько раз ударить что-либо чем-то твердым;

Flog – to punish somebody by hitting them many times with a whip or stick – наказать кого-либо, ударив его много раз кнутом или палкой;

Thrash – to hit a person or an animal many times with a stick – много раз ударить человека или животное палкой:

*He had been known to **beat** his forehead on the floor until the blood ran into his eyes. (Wells, Herbert George. The war in the air) – Тогда он принимался биться лбом об пол и разбивал его до крови - так сильно, что кровь заливала глаза.*

*He beat her too, then sent her back to tell the husband that Mullah was no fool: If the bastard was going **to beat** his daughter, then Mullah would beat his wife in return. (Hosseini, Khaled. The Kite Runner) – Он накинулся на дочь и избил еще раз. А потом сказал: если этот мерзавец колотит мою дочь, то я в отместку побью его жену!*

*And he thought of what Cecil Thunder had said: that Mr Gleeson would not **flog** Corrigan hard. (Joyce, James. A Portrait of the Artist as a Young Man) – И он подумал о том, что сказал Сесил Сандер: мистер Глисон не будет больно сечь Корригана.*

*For his friends and cronies, he had a pompous old schoolmaster, who flattered him, and a toady, his senior, whom he could **thrash**. (Thackeray, William Makepeace. Vanity Fair) – Его друзьями и наперсниками были напыщенный старый школьный учитель, льстивший мальчику, и подлиза, который был несколько его старше и которого он мог колотить.*

*The orc's sword screeched against Pwent's wondrous armor, but it hardly bit through before Pwent slammed against the orc and began to **thrash**, the ridges on his plate mail tearing apart the orc's leather jerkin and slicing into its flesh beneath. (Salvatore, Robert. The Orc King) – Орочий меч заскрежетал по замечательным доспехам Пуэнта, но не смог их пробить, зато Пуэнт навалился на орка и принялся осыпать его ударами. Острые края дворфских доспехов мгновенно пробили кожаную куртку и вонзились в тело.*

II. Глаголы с ядерной семой «давление, оказывать давление».

Данная подгруппа образует следующие синонимические ряды.

A) Синонимический ряд глаголов с дифференциальной семой «измельчать, дробить»:

Crush – to press something very hard so that it is broken or its shape is destroyed – надавить на что-либо очень сильно, чтобы оно сломалось или была деформирована;

Grind – to make something into small pieces or a powder by pressing between hard surfaces – превращать что-либо в мелкие кусочки или порошок, молоть, размельчать;

Trample – to step heavily on something or someone, causing damage or injury – сильно наступить на что-то или кого-то, причинить ущерб или деформировать:

*Lanfear might have been looking at an insect, one she might **crush** beneath her slipper or might not.* (Jordan, Robert. The Fires of Heaven) – *Ланфир же будто глядела на насекомое, не зная, то ли раздавит его обутой в изящную туфельку ногой, то ли оставит ползать.*

*He jumped over the body to face the men who had killed Rianna, to **crush** them and shatter them and leave them for the scavengers of the night as they had left her.* (Bradley, Marion, Zimmer, Paul Edwin. The Survivors) – *Перепрыгнув через чье-то тело, он бросился на людей, которые убили Райэнну, сокрушая их и оставляя так же лежать в ночи на милость хищникам, как они ее.*

***Grinding** was also carried out under open atmosphere conditions, a residual atmosphere in an isolated volume, with a gaseous medium added to the open or isolated volume of a **grinding** device under vacuum conditions up to 10^{-4} Pa.* (Британский национальный корпус, 2010) – *Измельчение также проводили в условиях открытой атмосферы, остаточной атмосферы в изолированном объеме, с добавлением газовой среды в открытый или изолированный объем измельчающего устройства, в условиях вакуума до 10^{-4} Па.*

*Will we **trample** again upon that torn and mangled corpse?* (Joyce, James. A Portrait of the Artist as a Young Man) – *Неужели мы снова станем топтать его распятое, истерзанное тело?*

Б) Синонимический ряд глаголов с дифференциальной семой «превращать в мягкую массу»:

Crush – to press something so hard that it is damaged – деформировать что-либо, сильно надавить;

Mash – to crush food, usually after cooking it, so that it forms a soft mass – измельчать еду, обычно после ее приготовления, чтобы она образовывала мягкую массу;

Squash – to press something so that it becomes soft – надавить на что-либо, чтобы оно стало мягким:

Mash the potatoes and then mix in the butter and herbs.

*I **mashed** an umeboshi salt plum with mortar and pestle to make a sour-sweet dressing; I fried up a few sardines with abura-age tofu-puffs in grated yama-imo taro batter; I sauteed a celery-beef side dish.* (Murakami, Haruki. Hard-boiled Wonderland and the End of the World) – *Растер в ступке соленые сливы, приготовил из них соус для салата, обжарил в масле несколько сардин с бататами, потушил говядину с сельдереем.*

*The tubby little representative from Unit Three spoke up. I think we ought to **squash** the hell out of me, and show them.* (Steinbeck, John. The Grapes of Wrath) – *Заговорил маленький толстяк от корпуса номер три: – Их надо избить до полусмерти, проучить, как следует.*

*“I’d **squash** you like a bug,” Eve told her.* (Robb, J.D. Creation In Death) – *Да я бы тебя как муху пришлепнула, – вставила Ева.*

В) Синонимический ряд глагольных лексем с дифференциальной семой «соприкосновение к чему-либо силой»:

Press – to make something flat and firm by putting it under something heavy – сделать что-то плоским и твердым, используя твердый предмет;

Squeeze – to press something firmly, especially from all sides in order to change its shape, reduce its size, or remove liquid from it – сильно нажимать на что-либо, особенно со всех сторон, чтобы изменить его форму, уменьшить его размер или удалить из него жидкость:

Press the MENU button and then A or button to select the AUDIO menu. (Британский национальный корпус) – Нажмите кнопку (Меню) и с помощью кнопок A или T выберите меню ЗВУК.

*Cut the lemon in half and **squeeze** the juice into the bowl. – Разрежьте лимон пополам и выдавите сок в миску.*

*She's leakin' worse since that **squeeze**. (Британский национальный корпус) – Лодка стала течь еще больше после того, как ее так сдавили.*

*I heard it so loud in my mind that it seemed to push my eyes out in their sockets, the way a frog's eyes will bulge when you wrap your hand around its flabby body and **squeeze**. (King, Stephen. From A Buick 8) – Так громко, что от этого крика мои глаза вылезли из орбит, совсем как у лягушки, когда обжимаешь пальцами склизкое тело и давишь.*

III. Глаголы с ядерной семой «гореть, сгорать (глагольные лексемы деструкции посредством огня). Данная подгруппа представлена следующими глагольными лексемами:

Burn – to damage, or destroyed by fire or extreme heat, or to cause this to happen – разрушить что-либо при помощи огня;

Scorch – to (cause to) change colour with dry heat, or to burn slightly – изменить что-либо при помощи огня;

Sear – to burn the surface of something with sudden very strong heat – расплавлять что-либо при помощи огня;

Singe – to burn slightly on the surface, without producing flames – слегка расплавлять поверхность, опалить:

*Or sometimes they would **burn** very bitter things around him and the smoke would get into his nose and he would suffer terribly.* (Osho, Bhagvan Shree Rajneesh. Tao: The Pathless Path, Volume 2) – Или иногда они сжигали вокруг него вещи, дававшие много горького дыма. Дым достигал его носа, и он страдал ужасно.

*If you don't give me that verbal commitment, I'm going to **burn** the second book.* (King, Stephen. Wolves of the Calla) – Если не дадешь устного согласия, я сожгу вторую книгу.

*Nynaeve could not fathom how he did not **scorch** his mustaches off, much less burn his throat.* (Jordan, Robert. The Fires of Heaven) – Найнив никак не могла уразуметь, каким образом менестрель себе усов не подпалил, не говоря уже о том, что не обжег горло.

*Here lounged the watch, when not otherwise employed, looking into the red heat of the fire, till their eyes felt **scorched** in their heads.* (Melville, Herman. Moby Dick Or The Whale) – На нем отдыхали вахтенные в перерывах между работой, сидели, уставившись в красное пекло топок и до боли обжигая глаза.

*The ground around him was blackened, **seared** as if touched by a great heat, but, strangely, Kariadryl's body had been left completely untouched by whatever force had been unleashed here.* (Rennie, Gordon. Shadow Point) – Земля вокруг была опалена огнем, но, как ни странно, тело Кариадрилы совершенно не пострадало.

*Trailers of smoke curled from the reddish skin where the fire had **seared** it, yet the monster seemed unharmed.* (Brooks, Terry. The Wishsong of Shannara) –

Красная кожа дымилась, опаленная синим огнем друида, но, похоже, чудовищу все было нипочем.

*His face was blistering in the heat, his eyebrows and lashes were **singed** off, and the heat was becoming unbearable to his feet. (London, Jack White Fang) – Лицо у Генри покрылось волдырями, брови и ресницы были опалены, ноги уже не терпели жара.*

IV. **Глаголы с ядерной семой «воздействие природных явлений»** (глагольные лексемы деструкции посредством воздействия природных явлений). Микрогруппы, образующие данную подгруппу: 1) синонимический ряд глагольных лексем с дифференциальной семой ««под действием бактерий и грибков»»:

Decay – to decompose through the action of bacteria and fungi' – разлагаться под воздействием бактерий и грибков;

Decompose – to be destroyed gradually after death by natural processes – постепенное разрушение (после гибели) естественными процессами ;

Moulder – to decay (= become destroyed by natural processes) slowly and steadily – разлагаться (= разрушаться естественными процессами) медленно ;

Rot – to decay, or make something decay, naturally and gradually – разлагаться естественным образом;

*She'll suffer from childbirth and hunger and cold and rheumatism, but she'll never suffer like we do from thoughts, obsessions-she won't scratch, she'll only **decay**. (Greene, Henry Graham. The Quiet American) – Она будет страдать от родов, от голода и холода, от ревматизма, но никогда не будет мучиться, как мы, от праздных мыслей, от неутоленных желаний, – на ней не будет царапин, она подвержена только тлению, как и все.*

*Never share your toothbrush - **decay**-causing bacteria can be passed from one person to another. (Британский национальный корпус, 2010) – Никогда не*

пользуйтесь чужой зубной щеткой, так как приводящие к кариесу бактерии могут передаваться от одного человека к другому.

*My works don't all **moulder away**, and rot in the earth.* (Dickens, Charles. The Old Curiosity Shop) – *He с одним же тленом и прахом мне иметь дело.*

*Got to have them or them peaches'll **rot**.* (Steinbeck, John. The Grapes of Wrath) – *He найдут столько – все погниет.*

*Oh may they **rot**, may they have worms in their bowels and their bones turn to slime," Yahan said, and began to cry.* (Le Guin, Ursula. Rocannon's World) – *Пусть они сгниют! Пусть в кишках у них заведутся черви, а их кости рассыплются, – сказал Яхан и заплакал.*

*Ben should have just left him to **rot** for ignoring his warning, but instead Ben had tried to haul the bastard's sorry butt out of the caverns.* (Rollins, James. Subterranean) – *За то, что он не послушался предупреждений Бена, его стоило бы бросить в пещере, чтобы он сгнил там, на радость летучим мышам, но Бен, движимый благородством, попытался спасти этого жалкого кретина.*

V. Глаголы с ядерной семьей «разрушать с помощью режущих предметов» (глагольные лексемы деструкции при помощи режущих предметов).

Данная подгруппа представлена синонимическими лексемами с дифференциальной семьей «нарушить поверхность материала посредством острого или режущего предмета»:

Cut – to break the surface of something, or to divide or make something smaller, using a sharp tool, especially a knife – ломать поверхность чего-либо, изменить форму чего-либо с помощью острого инструмента, особенно ножа;

Scratch – to cut or damage a surface with or on something sharp or rough – резать или повреждать поверхность острым или тупым предметом;

Scrape – to remove something from a surface by moving something sharp and hard like a knife across it – нарушить поверхность чего-либо при помощи острого или твердого предмета, например, ножом:

*To cut a slice of bread. I cut myself/my hand **on** that glass/**with** that knife.*

*Cut the meat **up** into small pieces. This knife doesn't cut very well. Where did you **have** your **hair cut**?* (Cambridge Dictionary)/

*He considered awhile, with the caution of one who endeavors to lay hold on a small dangerous animal in such a manner that it shall not be able either to **scratch** or bite him, as I myself have sometimes done with a weasel in England.* (Swift, Jonathan. Gulliver's travels into several remote nations of the world) – *С минуту он наблюдал меня с тем опасливым видом, какой бывает у нас, когда мы хотим ухватить какого-нибудь зверька так, чтобы он не оцарапал или не укусил нас; я сам хватал иногда таким образом хорьков в Англии.*

*– You are too rough, sir, and you **scratch** me with your claws. Do you hear me?* (Zola, Emile. Abbe Mouret's Transgression) – *Ты тяжелый, мне больно от твоих когтей! Слышишь!.*

*Never slide pans across the glass surface, as you may **scratch** it.* (Британский национальный корпус, 2010) – *Не передвигайте посуду по поверхности стекла, так как ее можно поцарапать.*

*He could feel her jagged nails **scrape** along his flesh.* (Liss, David. The Coffee Trader) – *Он почувствовал, как ее острые ногти впились в его кожу.*

*The Wise Ones were using slim, curved pieces of bronze, called staera, to **scrape** off sweat and the day's dirt.* (Jordan, Robert. The Fires of Heaven) – *При*

помощи тонких изогнутых пластинок из бронзы, называемых стай-ра. Хранительницы соскребали с себя пот и дневную грязь.

Вторая подгруппа ЛСГ глаголов с ядерной семой «уничтожение» включает следующие синонимические ряды:

1. синонимы с дифференциальной семой «удалять, устранять»:

Remove – to take something away from a place – убрать что-либо с поверхности;

Eliminate – to remove or get rid of something – устранять, удалять что-либо;

Delete – to remove or draw a line through something, especially a written word or words – удалить что-либо, главным образом, написанное слово или слова:

*Not so - one full bowel movement is not sufficient **to remove** all food material the average person stuffs into his intestinal tract. (Bragg, Paul C., Bragg, Patricia. The Miracle Of Fasting) – Но этого совершенно недостаточно для того, чтобы удалить остатки всей той пищи, которую люди запихивают в себя.*

*I will have **to remove** your left testicle. (Osho, Bhagvan Shree Rajneesh. The Zen Manifesto: Freedom From Oneself) – Я должен буду удалить ваше левое яичко.*

*When the priest had blessed it, sprinkling it crosswise, he returned it to Fortune, who slipped it upon Rosalie's finger. Her hand was still discoloured with grass-stains, which soap had not been able **to remove**. (Zola, Emile. Abbe Mouret's Transgression) – Священник благословил его, обрызгав крест-накрест святой водою, и возвратил Фортьюне, а тот надел кольцо на безымянный палец*

Розали, с рук которой так и не удалось никаким мылом отмыть зеленых пятен – следов травы.

*Many people seem to believe that experts of one variety or another will somehow score a "breakthrough"—a characteristically American notion—that will enable us to **eliminate** most crime. (Schur, Edwin M. Our Criminal Society: The Social and Legal Sources of Crime in America) – Многие убеждены в том, что эксперты однажды все-таки пробьют «брешь», и это даст возможность освободиться от большей части преступлений, это типично американская точка зрения.*

*Surely you wouldn't want to **eliminate** your brother-in-law? (Greene, Henry Graham. The Ministry of Fear) – Неужели вам хочется погубить своего шурина?*

2. **Синонимический ряд** с субъядерной семой «разрушать до основания, уничтожить полностью»:

Extirpate – to remove or destroy something completely – полностью уничтожать, удалять;

Obliterate – to remove all signs of something, either by destroying it or by covering it so that it cannot be seen – вычеркивать, стирать, удалять;

*Construction of the building could **obliterate** important archaeological remains, to say nothing of burials on what was once the church's graveyard. (Британский национальный корпус, 2010) – Строительство новых зданий может привести к уничтожению ценного археологического материала, не говоря уже о захоронениях на бывшем церковном кладбище.*

*He wished as much as possible to **obliterate** the memory of the scenes that had taken place in Ireland and never alluded to them or suffered me to speak of my misfortunes. (Shelley, Mary. Frankenstein; or, the Modern Prometheus) – Он хотел,*

насколько возможно, вычеркнуть из моей памяти события, разыгравшиеся в Ирландии; он никогда не упоминал о них и не позволял мне говорить о моих невзгодах.

Третью подгруппу составляют ЛСГ глагольных лексем с ядерной семой «лишение жизни». В данную подгруппу мы включили микрогруппы, семантическая структура которых имеет ядерную сему «оборвать существование кого-либо»:

Decimate – to kill a large number of something, or to reduce something severely – казнить, истреблять:

*She'd been living in Mexico when Jack Daw **decimated** her family in Freakwater Hollow.* (De Lint, Charles. Someplace To Be Flying) – *В то время, когда Джек истребил большую часть клана, она жила в Мексике.*

Kill – to cause someone or something to die – стать причиной смерти кого-либо / чего-либо;

Slaughter – the killing of many people cruelly and unfairly, especially in a war – массовое убийство людей, главным образом на войне;

Slay – to kill in a violent way – убивать, лишать жизни:

*I will **slay** every male of them, and send their women into such distant captivity that the name of their tribe shall never again be heard within five hundred miles of Damascus.* (Scott, Walter. The Talisman) – *Я убил бы всех мужчин и отослал бы их жен в рабство так далеко, что за пятьсот миль от Дамаска никто больше не слышал бы об их племени.*

*The more I looked at his fat, frightened face, the harder did it seem that we should **slay** him in cold blood.* (Conan Doyle, Arthur. The Sign of Four) – *Чем*

больше я глядел на его жирные, прыгающие от страха щеки, тем более чудовищным казалось мне это хладнокровно обдуманное убийство.

It is reported that he has taken their great'st commander; and that with his own hand he slew the Duke's brother. (Shakespeare, William. *Alls Well that ends Well*) – Слух идет, что он взял в плен их главного военачальника и собственноручно убил брата их герцога!

Maybe when he saw the acres of capim, he saw within it the descolada virus, malevolently adapting itself to slaughter humankind and all its companion species. (Card, Orson Scott. *Xenocide*) – Возможно, глядя на эти километры травы, он видел в ней затаившийся вирус десколады, адаптирующийся, чтобы уничтожить людей и все сопровождавшие их виды.

He would then slaughter the whole lot of them. He would retake his ship. (Rollins, James. *Judas Strain*) – И тогда можно было бы перебить всех без разбора и отвоевать захваченный лайнер.

2. Синонимический ряд глагольных лексем с субъядерной семой «прекращение существования»:

Die – to stop being alive, either suddenly or slowly – перестать существовать, умереть неожиданно или умирать медленно;

Perish – to die, especially in an accident or by being killed, or to be destroyed – гибнуть, погибать в результате аварии, несчастного случая или быть уничтоженным;

Pass away – скончаться:

You'll get a little bit of money when I pass away, but you mustn't look forward to it. (Maugham, Somerset. *Of Human Bondage*) - Когда я скончаюсь, ты получишь немножко денег, но не надо, чтобы ты этого ждал с нетерпением.

*The moment she touched actual life, she marred it, and it marred her, and so she **passed away**.* (Wilde, Oscar. The Picture of Dorian Gray) – При первом же столкновении с действительной жизнью она была ранена и ушла из мира.

*Those who are too courageous **perish** too quickly to leave a record.* (Zelazny, Roger, Sheckley, Robert. Bring Me the Head of Prince Charming) – Слишком храбрые исчезают так быстро, что о них не остается никаких письменных свидетельств.

*Underneath that was a typed quotation from The Art of War by Sun-tzu: To fail to take the battle to the enemy when your back is to the wall is to **perish**.* (Child, Lee. The Enemy) – Ниже шла распечатка цитаты из «Искусства войны» Сунь Цзы: «Отказ от сражения с врагом, когда ты приперт спиной к стене, равнозначен поражению».

Четвертую подгруппу ЛСГ составляют глаголы с ядерной семантикой «ранение объекта». Данная подгруппа представлена следующим синонимическим рядом:

Hurt – to feel pain in a part of your body, or to injure someone or cause them pain – испытывать боль, получать травму;

Mangle – to tear or twist something so that it is badly damaged – калечить, наносить увечья;

Mutilate – to damage something severely, especially by violently removing a part – увечить, калечить:

*The other half, however, 'respects' ethnic cultures and feels that we should not interfere if 'they' want to **mutilate** 'their' girls.* (Dawkins, Richard. The God Delusion) – Другая же половина "уважает" этнические культуры и полагает, что мы не должны вмешиваться, если им хочется увечить "своих девочек".

*In some of the cases reported to the Office the victims were **mutilated** before being killed.* (Британский национальный корпус, 2010) – *В ряде случаев перед казнью жертвы подвергались жестоким истязаниям.*

*Frightened that he intended some harm to Jason, she called after him, "What are... You promised not **to hurt** him." "Don't worry.* (Rollins, James. Subterranean) – *Испугавшись, что египтянин решил отделаться от него как от лишней обузы, Линда испуганно закричала ему вслед: – Эй, подожди! Ты обещал не причинять мальчику вреда!*

*If you had stepped aside, I don't think he would have tried **to hurt** you.* (De Lint, Charles. The Riddle of the Wren) – *Если бы ты отошел в сторону, я не думаю, что он нанес бы удар.*

*She'd hoped **to hurt** the bastards, but her most optimistic prediction had fallen short of this!* (Weber, David, White, Steve. In Death Ground) – *Она не сомневалась, что буи потреплют проклятых тварей, но не предполагала, что так сильно.*

Как известно, развитие языка осуществляется путем преодоления присущих ему противоречий, одним из которых является противоречие непрерывного и дискретного. Оно вытекает из сущностных характеристик языка и его отношения к окружающей действительности: реальный мир, бесконечный в своей разнообразии, отражаясь в нашем сознании в виде континуума, вербализуется в языке, единицы которого дискретны и вычленимы.

Многомерность внеязыкового содержания, лежащего в основе любого языкового факта, предопределена неисчерпаемостью реального мира. Средства языка, фиксируя это содержание, снимают всякую многомерность, так как в акте коммуникации эти средства следуют друг за другом и не могут быть

организованы иначе. Линейность речевой цепи не мешает языку оставаться самым совершенным средством человеческого общения: законы аранжировки синтагматического ряда и синонимические средства в подавляющем большинстве случаев компенсируют несоответствие многомерного и линейного.

Язык моделирует окружающую действительность; исследователь, моделирующий язык, создает метамоделю, которая, по замыслу лингвиста, должна как можно более адекватно отражать моделируемый объект. Модель как гносеологический инструмент может быть сколь угодно совершенной, однако в любом случае она лишь аппроксимирует свойства моделируемого, никогда не исчерпывая их полностью [Шехтман 1987:45].

Выводы по второй главе

Как показали результаты исследования семантический континуум расчленяется либо отдельными единицами, либо их классами (например, лексико-семантические группы, микрогруппы), причем один и тот же участок покрывается различным количеством языковых средств в разных языках.

Актуализация семантики зависит от лексического богатства; аналитических и синтетических средств конкретного языка; от количества значений в слове, количества слов в синонимическом ряду, от специфики сочетаемости близкозначных слов в речи.

В заключении обратим внимание еще на следующий аспект: разные языки конкретизируют один и тот же участок реальной действительности до определенной глубины по-своему и в разной степени. Эта область сопоставительной лексикологии еще ждет исследований. Но уже сейчас можно утверждать, что одним из инструментов измерения семантического своеобразия

языков станет определением того, как разрешается в каждом конкретном языке антиномия дискретного и недискретного.

ГЛАВА - III

Семантический и функциональный анализ глаголов «деструкции» в таджикском и английском языках

3.1. Регулярная многозначность и семантические группы глаголов

Наблюдения над особенностями многозначности больших групп слов показывают, что характер переносного употребления слова и сама такая возможность определяются не только денотативно-понятийной соотношенностью слова и характером его семантических признаков, но и системными связями слова как лексической единицы. Зависимость многозначности слова от его парадигматических связей была открыта в конце

XIX века, когда М. М. Покровский заметил, что «слова, сходные или прямо противоположные по значению друг с другом, ассоциируются и проходят сходную или параллельную историю» [169, с. 87]. Будучи прежде всего историком языка, М. М. Покровский подошел к открытой закономерности с диахронической точки зрения. С синхронной точки зрения это явление характеризуется как регулярная многозначность. Сущность регулярной многозначности состоит в том, что близкие по значению слова часто имеют однотипные производные значения. Изучение регулярной многозначности посвящены исследования [2, с. 89; 4, с. 34; 5, с. 40], однако до сих пор не выработаны единые критерии для выделения и описания моделей регулярной многозначности, а сам термин «регулярная многозначность»

используется для описания различных явлений. Так, по мнению Ю. Д. Апресяна, полисемия может быть названа регулярной уже в том случае, когда существует одно слово с двумя «значениями, ... семантически отличающимися друг от друга очно так же, как... значения другого слова» [6, с. 516]. Иное определение регулярной многозначности соержится в трудах Д. Н. Шмелева, который понимает регулярную многозначность как своего рода предсказуемость значений слов, близких по семантике. Более перспективным представляется понимание регулярной многозначности как предсказуемости (с достаточно большой степенью вероятности) производных значений у семантически близких слов. В связи с этим вряд ли целесообразно объединять одним термином такие различные явления, как регулярная многозначность в понимании Д. Н. Шмелева и почти случайный, заранее не предсказуемый параллелизм семантических структур двух или большего количества слов, которые, судя по приведенным Ю. Д. Апресяном примерам, могут относиться к совершенно различным лексико-семантическим группам. Понимание регулярной многозначности как свойства семантически близких слов предполагает рассмотрение при описании этого явления закономерностей многозначности у слов, относящихся к одной лексикосемантической группе, и сопоставление особенностей многозначности, характерных для различных лексико-семантических групп. Такой подход к описанию регулярной многозначности характерен для ряда современных работ. Например, Л. М. Васильев при описании семантики глаголов звучания выделяет следующие относительно регулярные модели их переносного употребления [37, с. 36]: 1. Обозначение перемещения *шлепать* – *идти, ходить, производя шум; просвистеть* (ср.: *пуля просвистела рядом*), *прогромыхать, прожужжать, прошуметь* и т.п. 2. Обозначение падения: *брякнуться, грохнуть, бултыхнуться, плюхнуться, шлепнуться*, и т. п. 3. Обозначение бросания: *грохнуть, брякнуть, шаркнуть, шлепнуть, хлопнуть* и т. п. 4. Обозначение

удара: *стукнуть, хлопнуть, барабанить, щелкнуть, свистнуть* и т. п. 5. Обозначение смеха, плача и других действий человека: *вопить, выть, ржать, хихикать, фыркать, чавкать* и т. п.

Важным свойством лексико-семантических групп глаголов, имеющим непосредственное отношение к их регулярной многозначности, является отсутствие четких границ между лексикосемантическими группами, их взаимосвязь и взаимопроникаемость. Часто один и тот же глагол в одном и том же значении одновременно член различных лексико-семантических групп. Как отмечает Э. В. Кузнецова, «именно «пересекаемостью» лексико-семантические группы слов отличаются от грамматических классов (частей речи и разрядов), которые построены на принципе четких границ, лишь в отдельных случаях нарушаемых явлениями переходности» [117, с.99]. Указанное свойство объясняется тем, что один глагол может иметь несколько категориальных признаков, каждый из которых – основание для включения этого глагола в соответствующую лексико-семантическую группу.

Возможность одновременного вхождения глагола в разные лексико-семантические группы во многом обусловлена особенностями семантики этого разряда слов. В соответствии с наиболее распространенным определением, глагол – часть речи, обозначающая действие. Глагол обозначает действие как организующий центр ситуации, он является «как бы конденсированным выражением целой ситуации» [249, с. 10], глагол «наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими частями речи» [47, с. 337]. Специфика значения глагола определяется тем, что оно «в основе своей релятивно» [49, с. 40-56]; по своему значению глагол представляет собой как бы свернутое предложение, его значение «требует фразовой интерпретации» [13, с. 23]. Именно поэтому в значение глагола часто непосредственно входят семантические признаки,

характеризующие не только собственно действие, но и его субъектно-объектную локализацию.

В связи с этим возможно выделение особых семантически групп глаголов, противопоставленных на основании того, что они обозначают действие различных по семантике субъектов (или воздействие на различные объекты). Например, выделяется большая группа глаголов, которые обозначают только действия живых существ, а их употребление с существительными иной семантики воспринимается как метафора. В число таких слов входят глаголы *жить, обитать, лаять, питаться, лакать, ужинать* и т.п. В некоторых случаях этим глаголам противопоставлены лексические единицы, обозначающие в какой-то мере сопоставимы действия неживых предметов, или слова, которые могут относиться как к живым существам, так и к предметам, ср.: *жить* существовать; *проживать* – находиться; *рождаться* – возникать. создаваться. Среди глаголов, обозначающих действия живых могут быть выделены группы глаголов, обозначающих только действия людей (*хвалить, завтракать, беседовать* и т. п.), обозначающих только действия животных (*клевать, лакать, рычать* и т. п.), обозначающих действия и людей и животных (*сидеть, сосать, бегать* и т. п.). Среди глаголов, не употребляемых по отношению к живым существам, также могут быть выделены различные группы в зависимости от того, действия каких субъектов они обозначают.

Глаголы каждой из указанных подгрупп имеют модели регулярной многозначности, в соответствии с которыми у них могут нейтрализоваться семантические признаки, характеризующие субъект действия. Например, если глагол, обычно обозначающий действия живых существ, употребляется по отношению к предмету, возникает хорошо известная стилистическая фигура персонификации. В том случае, если глагол, употребляющийся по отношению к предметам, характеризует действия живых существ – возникает

противоположная стилистическая фигура деперсонификации. Разновидностью деперсонификации является употребление по отношению к человеку глагола, который обозначает действия животных. Указанные стилистические фигуры едва ли не наиболее изученные модели регулярной многозначности таджикского и английского глагола.

При классификации регулярной многозначности должна учитываться степень однотипности произвольных значений, уровень их предсказуемости. На этом основании противопоставляются два типа моделей. К первой группе относятся модели, обладающие высокой предсказуемостью. Например, семантические признаки, возникающие при употреблении глаголов звучания для обозначения **разрушения** различных предметов (*гулдуррос задан, шақаррос задан – грохнуть, бабахнуть* и т. п.), практически одинаковы – эти глаголы почти не противопоставляются во вторичных значениях. Иначе обстоит дело при регулярной многозначности второго рассматриваемого типа. Например, при употреблении глаголов, характеризующих в прямом значении физическое состояние человека, для обозначения его психического состояния новые семантические признаки имеют не вполне однотипный характер, а степень их предсказуемости минимальна. Так, глагол *хамёза кашидан – зевать ассоциируется со скукой, сурх шудан – краснеть – со стыдом, ранг паридан, ранг кандан – бледнеть – со страхом, сиёҳ шудан – почернеть – с горем.*

Поскольку все названные глаголы во вторичных значениях обозначают психическое состояние, можно говорить о регулярной многозначности. Поскольку это состояние очень различно и связь между прямым значением не всегда очевидна.

Тенденция к развитию у семантически близких слов однотипных производных значений характерна не только для русского языка, она относится к числу семантических универсалий, то есть наиболее общих закономерностей

организации лексических систем самых различных языков мира. В основе этой тенденции лежат три фактора: 1) семантически близкие слова имеют однотипные семантические и ассоциативные признаки, которые и служат основой для переноса; 2) семантически близкие слова часто бывают функционально эквивалентными, то есть могут употребляться для обозначения одних и тех же реалий; 3) семантически близкие слова часто имеют однотипную лексическую сочетаемость, которая, несомненно, оказывает влияние на формирование вторичных значений. Следовательно, в основе регулярной многозначности лежат те же факторы, что и в основе объединения слов в лексико-семантические группы.

Исследование семантических связей в структуре полисемантического глагола представляет собой особый интерес в связи с максимальной многозначностью глагола, по сравнению, например, с существительным, так как «...смысловая структура глагола шире, чем имени существительного и круг его значений подвижнее» [Шмелев 1986: 23]. Присущая глаголу многозначность выражается не в количественном соотношении с другими частями речи, а в качественном – в емкости и гибкости семантической структуры глагола, то есть в возможности употребляться в различных контекстах, приобретая разнообразные оттенки, разветвляя систему значений глагола.

Многие лингвисты отмечают, что в толковых и переводных словарях лексикографическая характеристика многих лексико-семантических групп не всегда полна [Гузеев 1982: 19]. Данный факт можно объяснить тем, что многие составители лексикографических источников по-своему распоряжаются «судьбами» лексических единиц. Согласно точке зрения А.В. Бондарко. Основная причина кроется в том, что проблема, связанная с многозначностью лексических единиц, до конца еще не решена. Необходимо

не только знание условий употребления той или иной языковой единицы в определенном речевом отрезке, но и все валентные признаки [Бондарко 1986: 45].

Такие понятия как валентность, дистрибуция и контекст тесно связаны между собой. Так как огромное количество контекстов, в которых встречается языковая единица, составляет ее дистрибуцию. В данном исследовании языковой контекст мы рассматриваем как внутри лингвистическое условие репрезентации той или иной языковой единицы, образуемое дистрибуцией из других языковых единиц (в нашем случае – лексических единиц). Общеизвестно, что многозначность слов может быть снята благодаря контексту, в лексикографических источниках полисемия может передаваться подачей всевозможного окружения той или иной языковой единицы.

Исследование огромного количества разнообразного языкового материала, в котором используются лексические единицы, и которым интересуется лингвист, можно извлечь огромное количество данных об их значениях.

Первичной реальностью, которая содержит в себе семантическое описание лексических единиц с синтагматической точкой зрения – является контекст [Плотников 1984:43]. Именно в синтагматических связях лексических единиц устанавливается результат познавательной деятельности человека, имеются различные сведения о значении лексических единиц. Благодаря синтагматическим связям можно устанавливать «однозначность» многозначного слова в том или ином контексте.

В настоящее время «принцип эксперимента» является основным при описании многозначных слов. Значительный интерес представляет принцип, который был установлен Л.В. Щербой – принцип дистрибутивного эксперимента. В данном эксперименте с участием носителя языка можно

получить представительную базу исследования [Щерба 1995: 32]. В современном языкознании данный принцип называют также принципом субституционного эксперимента. Основой является интуитивное знание всех возможных употреблений слов - даже с учетом искусственного образования контекстов, которые отвечают языковой норме.

Согласно точке зрения многих исследователей, традиционные логико-семантические методы анализа лексического материала не способны обеспечивать достаточно определенных, объективных критериев для научного описания и классификации лексических единиц, что в итоге способствует отставанию семасиологии от других областей науки о языке. Использование данных методов при определении значений лексических единиц не удовлетворяет основным требованиям определения. Как известно, любое неизвестное можно определить через неизвестное, что приводит в итоге к наличию круга в определении значения слов, можно также определить через единицы другой природы (например, логические категории или понятия), что также не допускается при определении значения слов. Также данные методы основываются на интуиции ученого, а не на тщательном анализе той или иной языковой формы, используемой для репрезентации определенного значения того или иного слова. В итоге анализ значений лексических единиц получает субъективный характер, а результат исследователей в основном не совпадает.

Именно в лексикографии четко проявляется субъективный характер анализа лексических единиц: в различных словарях, несмотря на одинаковый объем, количество, порядок расположения значений одного и того же слова в словарных статьях не совпадает. Под одной рубрикой во многих словарях очень часто объединяются разные значения одного и того же слова. В то же время – близкие значения лексических единиц включают в разные рубрики.

Например, в словарной статье **destroy** к одной и той же рубрике относятся такие случаи употребления этого глагола, как *The building was completely destroyed by fire.*

The earthquake damaged or destroyed countless homes.

Some of the habitat has already been totally destroyed.

They've destroyed all the evidence и *Failure was slowly destroying him.*

She threatened to destroy my reputation.

He wanted revenge on the man who had destroyed his life.

Their lives have been virtually destroyed by this tragedy.

В данном параграфе показано варьирование значений глаголов деструкции **хоидан** – **грызть** в таджикском и английском языках в зависимости от контекста.

В «Таджикско-русском словаре» [ТРС 2006: 653] интересующее нас слово представлено в следующих значениях:

1. жевать, разжевывать;
2. глодать, грызть;
3. перен. пилить, донимать придирками и упреками; *хоида сӯрок кардан* – *выгрызть дыру*; *прогрызть*; *хоида хӯрдан*; *гапро хоидан* – *изглодать*; *обглодать*; *дандан хоидан* – *скрежетать зубами*; *забонро чаппа хоидан* – *сдохнуть* (о животных).

В словарной статье слово **хоидан** – **грызть** дано как многозначная языковая единица. Несмотря на то, что языковой материал «пестрит» большим количеством примеров, не проведено разграничение всех значений и оттенков

данной лексической единицы. Так, например, в рубрике 3 находим иллюстративный материал словоупотребления лексической единицы: *хоида сӯрок кардан – выгрызть дыру*.

Однако открытым остается вопрос: должно ли данное словоупотребление оставаться в этой рубрике или оно должно быть в другой, исходя из своего значения. Ведь словарная дефиниция данной глагольной лексемы – «жевать, разжевывать» [ТРС 2006:653]. Семантика данного глагола *хойдан – грызть* - «бо дандон фишор кардан, чавидан» [ФЗТ 1965, 2:485] закреплена в сознании носителей таджикского языка. В данном контексте глагольная единица *хойдан – грызть* понимается как знак, взятый сам по себе. Однако оттенки значения по значениям '*хоида хӯрдан; гапро хойдан – изглодать; обглодать; дандан хойдан – скрежетать зубами; забонро чаппа хойдан – сдохнуть* (о животных) могут быть реализованы в определенной речевой ситуации. Лексические единицы *гап* – слово, *дандон* – зубы не могут передать такие значения как: *гапро хойдан – изглодать; дандан хойдан – скрежетать зубами*. Исходя из этого можно заключить, что лексическая единица *хойдан – грызть* в первом случае является информативно достаточной, а в других случаях информативно недостаточной, то есть синсемантической. Иными словами, она может реализовать своё значение только в связи с другими лексическими единицами (в словосочетаниях типа *хоида хӯрдан; гапро хойдан – изглодать; обглодать; дандан хойдан – скрежетать зубами; забонро чаппа хойдан – сдохнуть* (о животных) — синсемантическим, выявляющим свое значение только в связи с другими словами. Не свидетельствует ли это о том, что «практика семантических исследований обнаруживает бесплодность рассуждений по поводу изолированных фактов; для прогресса в области теоретической семантики необходимо изучение систем взаимосвязанных единиц» [Вейнрих 1981: 165]. Следует заметить, что Таджикско-русский

словарь не исчерпывает всех оттенков значений данной лексической единицы *хоидан – грызть*.

Исходя из того факта, что любое значение лексической единицы появляется, закрепляется и функционирует в каждой языковой системе, приведем примеры не только фактического использования данной единицы, но и примеры её лексико-семантической сочетаемости в контексте. Сохраним при этом словарную форму подачи материала: сначала дается значение слова, затем следует иллюстративный материал.

Основное лексическое значение глагольной единицы *хоидан* ‘разжевывать зубами’ и два других значения ‘глодать, грызть; перен. пилить, донимать придирками и упреками; *хоида сӯрок кардан – выгрызть дыру; прогрызть; хоида хӯрдан; гапро хоидан – изглодать; обглодать; дандан хоидан – скрежетать зубами; забонро чаппа хоидан – сдохнуть (о животных),* поскольку они приведены в словаре, опускаются, и нумерация начинается с цифры:

4. **Уничтожить:** *Даҳони бедандонаш мисли даҳони лонаи худ–худак кушода шуд. Часад даҳон воз карда, бастанӣ ҷоғашро фаромӯш кард. Чу нон менамуд, ки мурдаи садсолае дар болои тахт хобида, бо даҳони боз нафас мегирифту нафас сар меод ва бо нимдандонаш, ки неши тешаи шикастаро ме монд, аззои бадани оламу одамро **хоидан** мехост* [Национальный корпус таджикского языка 2018] – *Его беззубый рот открылся, как пасть осиного гнезда. «Труп» открывал рот и забывал закрывать челюсть. Казалось, будто на троне лежал столетний мертвец, дыша и задыхаясь с открытым ртом, а полузубами, оставившими после себя жало сломанного топора, он пытался перегрызть весь мир;*

5. **Заҳмати хоидан – жевательные усилия:** *Дигар ин ки, худаи фақат “худам гулам” гуфта, гӯшрас мекунад. Аҳа, ба ёдам омад. Як вақтҳое ишораи*

пӯшида карда буд, ки қулфинайро меписандад, чун вақте ҳурт мекашӣ, об шуда меравад. Яъне, заҳмати хоидан талаб намекунад. Рухсораҳои худаи ҳам мисли қулфинай суп-сурхаки холчадорак... Шуд, кор ҳал. Ба микроавтобус нишаставу рост бозори “Меҳргон” меравам [Национальный корпус таджикского языка 2022] – Другое дело, что он только говорит «Я – раб» и отворачивается. Ах, я вспомнил. Однажды он намекнул, что замок ему нравится, так как он «тает», когда делаешь вдох. То есть не требует жевательных усилий. Щеки у него тоже красные с пятнами, как у медальона... Итак, дело сделано. Сажусь в маршрутку и еду прямо на рынок Меҳргон...;

6. Пахта хоидан – жевать вату – бессмысленно тратить время:

Одамон кайҳо фаромӯш кардаанд, ки «худситоӣ далели нодонист» ва ба қавли қавме, он ба пунбаҳои баробар аст.

*Фақат онҳо нафаҳмонданд, ки кадом навъи **пахтаро хоидан** зарарноктар аст. .. Ту бошӣ ду поятро ба як мӯза зер карда, ба танқид ва истеҳзои соҳибат маш гӯлӣ [Национальный корпус таджикского языка 2010] – Люди давно забыли, что «эгоизм – это доказательство невежества» и, по мнению некоторых, приравнивается к высокомерию. Только не объяснили, какую **вату жевать** вреднее... Вы «засовываете» две ноги в один сапог и занимаетесь критикой и сарказмом.*

Аналогичное было выявлено при анализе деструктивного глагола английского языка **gnaw – грызть**.

В Оксфордском словаре зафиксировано следующее значение [<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>]:

1. to keep biting something

gnaw something The dog was gnawing a bone.

gnaw through something Rats had gnawed through the cable.

gnaw at/on something She gnawed at her fingernails.

gnaw away at/on something (figurative) Self-doubt began to gnaw away at her confidence – продолжать кусать что-то

грызть что-то Собака грызла кость.

перегрызть что-то Крысы перегрызли кабель.

грызть/что-то. Она грызла ногти.

грызть что-то (в переносном смысле) Неуверенность в себе начала подтачивать ее уверенность.

Контекстуальный анализ данного глагола английского языка позволил выделить следующие значения.

2. **Брезгать:** *They say in Appalachee that he had so much blood on his hands that even his bones are stained brown with it, and even the most indiscriminate fish won't gnaw at them” [Card, Orson Scott. Seventh Son, 24] – В Аппалачах говорят, что на руках короля столько крови, что его кости стали коричневыми, и даже самые неразборчивые рыбы брезгают ими».*

3. **Замерзнуть:** *Am up twenty-one thousand, five hundred myself, in devilish, gnawing cold [Lovecraft, Howard. At the Mountains of Madness, 78] – Да я и сам нахожусь сейчас на высоте двадцати одной тысячи пятисот футов – здесь жуткий холод, продрог до костей.*

4. **Терзать:** *It gnaws at her, I'm sure of it, but slowly, patiently: she takes the upper hand, she is able neither to console herself nor abandon herself to her suffering [Sartre, Jean-Paul. Nausea, 89] – Я уверен, это ее гложет, но исподволь, неторопливо: она крепится, она не в состоянии ни утешиться, ни отдаться своему горю.*

5. **Опасаться:** *This is the fear gnawing at China's rulers as they confront the unrest in Tibet.* – *Этого-то и опасаются правители Китая, столкнувшиеся с волнениями в Тибете.*

6. **Питать:** *Then the hatred had fed upon itself, gnawing away at them over years, even decades, until only a shell of cold iron and colder hate remained [Butcher, Jim. Dead Beat, 78]* – *А ненависть, как известно, питает сама себя, сжигая человека изнутри из года в год, из десятилетия в десятилетие до тех пор, пока от него не останется холодная стальная оболочка, заполненная холодной же ненавистью.*

Деструктивные глаголы *хойдан* – *gnaw* – *грызть* обладают чрезмерно широкой валентностью, которая может использоваться как показатель многозначности слова, то есть, чем шире лексическая и синтаксическая сочетаемость слова, тем многозначнее оно может быть.

На основании вышеизложенного представляется, что анализ многозначности слов предполагает в первую очередь исследование формально выраженной смысловой связи лексических единиц, обуславливающей семантическую структуру слова.

Другими словами, на синтагматическом уровне начинается семасиологический анализ определенной лексической единицы, так как именно синтаксический ряд представляет собой то, что непосредственно поддается наблюдению и анализу.

В актуальном тексте слово выступает как основная синтаксическая единица. При рассмотрении слова как минимальной, элементарной синтаксической единицы в первую очередь должен учитываться его синтаксический аспект – отношение к другим знакам (словам или синтагмам). Однако правомерно задаться вопросом – исчерпывается ли синтаксическое

значение слова его синтаксическим отношением, или его функцией и выражается ли синтаксическая функция только посредством синтаксического аспекта слова.

Синтаксическое значение слова шире по объему, чем традиционное понятие синтаксической функции. Понятие синтаксической функции входит в понятие синтаксического значения как его основной и наиболее абстрактный компонент.

Синтаксическое значение слова не исчерпывается его функцией – наиболее абстрактным синтаксическим отношением. Следующий вопрос, – в какой мере синтаксическая функция детерминируется другими семиотическими аспектами слова, помимо его синтаксического аспекта. Такая постановка проблемы помогает уточнить давно привлекающий внимание лингвистов вопрос о роли семиотики для определения синтаксической функции.

Лингвистический опыт свидетельствует о том, что все остальные три аспекта слова (семантический, синтаксический, прагматический) как семиотической единицы оказываются в той или иной степени релевантными для реализации его синтаксической функции.

При рассмотрении семантического аспекта слова следует подчеркнуть, что на абстрактном грамматическом уровне речь идет лишь о виртуальной семантике не конкретного слова, а более или менее обобщенного по тем или иным признакам класса слов. под классом слов в данном случае понимаем любую их группу, объединенную общими дифференциальными признаками, релевантными на синтаксическом уровне.

Прагматический аспект слова более релевантен, как правило, на уровне структуры предложения в целом, предложения, рассматриваемого как

коммуникативная единица. В отдельных случаях этот аспект оказывает влияние и на внутреннюю структуру предложения.

Употребление слов в контексте обусловило появление дистрибутивного метода в семантике. Данный метод необходим не только при исследовании многозначности слов, он также основывается на органической связи семантического и синтаксического уровней.

В лингвистике существуют два основных направления в изучении значения лексических единиц:

1. Автосемантическое направление.

Сторонники этого направления рассматривают значение слова как нечто целостное и неразложимое, которое не зависит от контекста. Слово понимается как знак, обладающий собственным значением, не зависящим от его использования в речи.

2. Синсемантическое направление.

Сторонники этого направления анализируют значение слова в контексте речи. Значение слова понимается как результат его взаимодействия с другими словами и элементами высказывания.

Генетический подход изучает слово в диахроническом аспекте, а функциональный подход — в синхроническом. Данный подход анализирует значение слова в отрыве от контекста, а функциональный подход — в контексте речи. Генетический подход рассматривает значение как нечто постоянное и неизменное, а функциональный подход — как нечто динамичное и зависящее от контекста.

Оба направления в изучении значения лексических единиц имеют свои преимущества и недостатки. Генетический подход позволяет выявить

историческое развитие значения слова, а функциональный подход — понять его использование и функционирование в речи. В современных исследованиях часто используются оба подхода в сочетании.

Следовательно, при анализе глагола *хойдан – gnaw - грызть* мы имеем диасинхронию – то есть взаимосвязь диахронии и синхронии. Таким образом, значение лексической единицы *хойдан – gnaw - грызть*, которое было выявлено нами на синтагматическом уровне – продукт диасинхронии. Подобные значения известны лингвистике давно, и они могут быть выявлены в контексте средствами современного языка.

Следует заметить, что для выявления диасинхронии большую роль играют также наблюдения употребления лексических единиц носителями языка. Не только использование метода анализа, но и последующий синтез огромного фактического материала, в которых употребляется слово, позволяет определить значение слова. Приведем такой пример: оттенки значения слова *übieâç* нигде не зафиксированы, поэтому необходимо, как отмечает Л.В. Щерба, проверить насколько правильны наши индивидуальные наблюдения. Как считал Л. В. Щерба, «нельзя ограничиваться простым собиранием материала. Но, построив из фактов этого материала некую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на новых фактах, т. е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом, в языкознании вводится принцип эксперимента. Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова... следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило» [Щерба 1995: 31—32].

Таким образом, значение слова можно выявить как в микроконтексте, так и в макроконтексте. Если в микроконтексте значение слова можно выявить из данных словосочетаний и предложений, то макроконтекст или так

называемый экстралингвистический контекст требует предварительных знаний или пресуппозиций [Плотников 1984: 56—61].

Итак, можно сделать следующие выводы:

Многозначность слова и контекстная семантика а) вопрос о полисемии и синтаксической сочетаемости слова — это прежде всего вопрос номинации, т. е. перемены вещей при тождестве слова, входящего в словосочетание или предложение; б) смысловая структура многозначных слов *хойдан* – *gnaw* – *грызть* складывается из первичного основного значения ‘разжевывать зубами’, которое в наименьшей степени зависит от синтаксической сочетаемости, т.е. от контекста, и вторичных значений, определяемых только контекстом.

3.2. Метафорическое употребление глаголов «деструкции»

Общеизвестно, что при исследовании языка необходимо учитывать следующие аспекты – статистический и динамический. При статистическом аспекте учитывается синхронное состояние языка, а динамический аспект показывает каким образом происходит преобразование языковых явлений. При этом следует заметить, что преобразование касается не только плана выражения, но и плана содержания. Динамический аспект охватывает следующие явления – словообразовательные, словоизменительные парадигмы, а также различные синтаксические и семантические изменения лексических единиц. Метафора, будучи результатом отношений между двумя значениями слов, одно из которых является исходным, а другое производным, выступает ярким примером динамики в лексической семантике.

Метафора является универсальным явлением в любом естественном языке. Универсальность метафоры проявляется не только в пространстве и во времени, но также и в структуре языка и в функционировании. Будучи

свойственной всем языкам, метафора распространяется во всех сферах языка, также обнаруживается во всех его функциональных разновидностях.

Основные функции метафоры, которые всегда привлекали исследователей – это средство обозначения того, что не имеет названия, и как средство создания художественной речи. Традиция, которая установилась еще в эпоху античности, подчеркивала именно вторую функцию метафоры. Еще Цицерон писал: «Вначале одежду придумали, чтобы предохранить себя от холода, затем стали надевать, чтобы украсить и облагородить тело, так же и метафора, порожденная недостатком, получила развитие ради наслаждения» [Цицерон, 2020: 34]. Следовательно, метафору рассматривали в телеологическом аспекте, исходя из ее целей. Следует заметить, что данный подход не рассматривает всех употреблений метафоры. Переносное значение слов имеет место в языке не только в том случае, когда существуют обозначения той или иной реалии, но и тогда, когда нет задачи создания художественных образов. Причиной возникновения метафоры в языке является особенность человеческого мышления. Следовательно, можно отметить, что без метафоры нельзя обойтись, она присуща не только человеческому мышлению, но и языку в целом.

Основой метафоризации является расплывчатость понятий, которыми оперирует человек и отражает в своем сознании многообразную языковую действительность. Благодаря метафоре абстрактное легко воспринимается, поэтому один из основных путей метафорических переносов – от конкретного к абстрактному, от материального – к духовному. При этом возможны и обратные направления метафорического развития значений слов.

Исследование метафоры в сопоставительно-типологическом аспекте дает огромный лингвистический материал. Оно позволяет изучать общие закономерности человеческого мышления, выявлять типичные ассоциации и

устанавливать специфику каждого языка, которая отделяет его от общего и всеобщего. В типологическом плане метафору можно сопоставить, как и все другие факты языка, в следующих аспектах – формы, содержания и функционирования.

Анализ языкового материала показал, что в разных языках (в нашем случае, в таджикском и английском) одни и те же лексические единицы имеют разные метафорические переосмысления. Например, глагол деструкции *шикастан – ломать* в таджикском языке имеет следующие переносные значения: 1. *мағлуб кардан, ҳазимат додан – покорять, побеждать*:

Ҳама истоданд дар пеши ӯй,

Ки лаҳкар шикастан будӣ кеши ӯй;

Шевай ҳарб ва шикастани душманон некӯ донистӣ;

2. *поин овардан; қадру қимати чизеро наст кардан; беравнақ гардонидан – привести в упадок*:

Лаъли дилҷӯят ба афсун қимати шаккар шикаст,

Чаими ҷодуят ба яғмо қалби сад лаҳкар шикаст;

Гуфт аз лабат Ҳилолию қадрӣ шакар шикаст,

Номаш ба гайри тғтии шакаршикан макун;

Шикастани бозор – ба аҳволи бад андохтан ва беравнақу очиз гардонидан – приносить страдания:

Чу Таҳмурас огаҳ шуд аз корашон,

Барошуфту бишакст бозорашон;

3. аз баҳри чизе гузаштан; тарк кардан чизеро; риоя накардан ба аҳду паймон, ба ваъда – отказываться от обещаний, не сдерживать клятву:

Чунин бодо кабуду кӯжболо

Ҳар он к-ӯ бишканад паймонаш аз мо;

Ба гоҳи тараб хоҳам шикаст,

Ки хоҳам зи баъди тараб боз баст (ФЗТ. 2. 586).

Однако, в английском языке слово *break* – *ломать* имеет другие метафорические значения, а именно: 1. *to keep thinking about something* – *думать*; 2. *rack* – *ощущение ломоты*:

In the second place, telling Coll would just start him off again on how foolish it was for Par to keep thinking about something he obviously wasn't going to do anything about (Brooks, Terry/ The Scions of Shannara? 89) – *Потом, рассказать об этом Коллу значило бы опять выслушать его рассуждения о том, как глупо ломать себе голову над тем, что нет никакого смысла не только выполнять, но даже и обдумывать.*

Since you have wisely kept the two names distinct in your form, you will not need to use this function at this time. (Ullman, Larry/ PHP for the World Wide Web: Visual QuickStart Guide? 78) – *К счастью, нам не нужно ломать над этими вариантами голову, так как в форме для ввода имени и фамилии мы предусмотрительно использовали разные поля.*

You are all turning your brains towards getting into this country. I say that we should be scheming how to get out of it. (Conan Doyle, Arthur / The Lost World)

– *Вы все ломаете себе голову, как бы пробраться внутрь страны, а по-моему, думать надо только о том, как бы выбраться отсюда.*

Other boys saw it and began to laugh; then they all copied the first; and they ran round Philip, limping grotesquely, screaming in their treble voices with shrill laughter. (Maugham, Somerset. Of Human Bondage, 89) – *Другие засмеялись, а потом и сами стали подражать товарищу; они бегали вокруг Филипа, смешно прихрамывая, вопили высокими ломающимися голосами и визгливо хохотали.*

She was only dimly aware as she and Sunset plowed into the tangle of the large tree, and she felt no real pain as she and the horse crashed in headlong, tumbling and twisting in a bone-crunching descent through the branches and to the ground. (Salvatore, Robert. The Orc King? 89) – *Инновиндиль с трудом поняла, что пегас упал на огромную крону, но даже не ощутила боли, когда они оба рухнули вниз, ударяясь о ветви, ломая кости и переворачиваясь.*

Though I was angry with old Cotter for alluding to me as a child, I puzzled my head to extract meaning from his unfinished sentences. (Joyce, James. The Sisters? 90) – *Хотя я был сердит на Коттера за то, что он назвал меня ребенком, я ломал голову, стараясь понять смысл его отрывочных фраз.*

I know it, I know it!' Dick cried, clenching his hands despairingly; 'but, good heavens! is a poor blind beggar never to get anything out of his life except three meals a day and a greasy waistcoat?' (Kipling, Joseph Rudyard. The Light That Failed, 95) – *Я знаю это, знаю! — воскликнул Дик, в отчаянии ломая руки. — Боже правый, да неужели несчастный слепец никогда ничего не добьется от жизни, кроме своей трехкратной еды в сутки да засаленной и запятнанной куртки?*

And he wondered what on earth Mrs. Soames had been saying, what on earth she had been telling him in the railway carriage. (Galsworthy, John. The Man of

Property, 67) – *Джордж ломал себе голову, что же такое говорила миссис Сомс, что же такое она рассказала ему в вагоне.*

Следующий аспект использования метафоры в системе разноструктурных языков – функциональный. Здесь необходимо выделить две стороны, которые тесно связаны между собой: употребление метафоры в языковой системе как средство номинации, а также ее употребление в разных функциональных стилях. Мы рассмотрим употребление метафоры в художественном тексте. Следует заметить, что существуют следующие способы номинации: словообразование, метафорическое переосмысление, словосочетания и заимствования. Исходя из этого, языки отличаются по степени метафорической репрезентации по сравнению с другими способами формирования номинаций. Таджикский язык прибегает, главным образом, к метафорическому переосмыслению глаголов со значением «деструкции», там, где английский язык использует фразовые глаголы. Например, глагол *буридан* – *резать* имеет следующие метафорические значения:

1. *қатъи алоқа кардан аз касе, чизе тарк кардан касеро, чизеро – покидать кого-что либо:*

Ба қавли душман паймони дӯст бишкастӣ,

Бибин, ки аз кӣ буридаву бо кӣ пайвастӣ;

Ҳар ҷо фақир еби, бо вай нишаст бояд.

Ҳар ҷо амир бини, аз вай бурид бояд;

2. *тай кардан, паймудан, сипардан (рохро, маслфаро) – проходить, проезжать:*

Ба даҳ рӯз он биебон буридан.

Зи Марви Шоҳиҷон аз Рай расиданд;

Назару Хаел муддате роҳ буриданд, то ба шаҳри Дил расиданд (ФЗТ, 1. 214).

В английском языке у деструктивного глагола *cut up* – *резать* не было выявлено метафорическое употребление. Например:

To be fair, I suppose it almost does look home-made – except no-one would ever cut a red pepper up that small for themselves, would they? People have more important things to do.(Kinsella, Sophie. The Secret Dreamworld of a Shopaholic, 56) – *Честно говоря, она и вправду похожа на курицу домашнего приготовления. Вот только вряд ли кто-то стал бы сам **резать** болгарский перец на такие мелкие кусочки — нашлись бы дела поважнее.*

My wounded calf clenched into a nasty cramp, and I could feel the steel blades continuing to cut at my muscles. (Butcher, Jim. Dead Beat, 67) – *Раненая нога отозвалась на это нестерпимой болью, и я почувствовал, как стальное острие продолжает **резать** мои мышцы.*

Some day when you're vivisected, cat O! they'll tie you down on a little table and cut you open-but don't be afraid; they'll take precious good care that you don't die.(Kipling, Joseph Rudyard. The Light That Failed, 90) – *Если тебя, киска, когда-нибудь подвергнут вивисекции, привяжут к столу и начнут **резать** и потрошить, ты не пугайся — они примут все меры для того, чтобы ты осталась жива.*

In his imagination, then, no torture is great enough to inflict upon the offender: he may kick him, beat him, slice him to pieces.(Horney, Karen. Our Inner Conflicts: A Constructive Theory of Neurosis, 78) – *В его воображении никакое несчастье не может быть достаточно большим, чтобы причинить страдание обидчику: он способен пытаться его, избивать, **резать** на части.*

Perhaps a man hitched to the cart of a Martian or roasted on the spit by inhabitants of the Milky Way will recall the veal cutlet he used to slice on his dinner plate and apologize (belatedly!) to the cow. (Kundera, Milan. *The Unbearable Lightness of Being*, 78) – Человек, запряженный в повозку марсианином или запеченный на вертеле существами с Млечного Пути, возможно, и вспомнил бы тогда о телячьей отбивной, которую привык **резать** на тарелке, и принес бы корове свои (запоздалые!) извинения.

Tanto was short, and without nearly the curve of katana and wakizashi, for it was not made for cutting but for thrusting. (Hunter, Stephen. *The 47th samurai*, 78) – Танто имеет короткое лезвие без изгиба, обязательного для катаны и вакидзаси, потому что им жертву не **режут**, а пронзают.

The hot-compacted or hot-extruded sheet produced is cut to blanks which are placed in forms lateral sides of which are made from heat-insulating material. The degree of blackness of this material is noticeably differed from that of aluminum. (Британский национальный корпус, 2020) – Полученный горячекомпактированный или горячепрессованный лист **режут** на заготовки, укладывают в формы, боковые стенки которых изготавливают из теплоизоляционного материала, имеющего резко отличающуюся степень черноты по сравнению с алюминием.

Мы рассмотрели основные аспекты сопоставительного анализа метафоры, соотношения универсального и специфического в метафорическом переносе на материале глаголов «деструкции». В плане выражения типологические различия проявляются в использовании специальных средств метафоризации, в различии полных и частичных метафор. Семантическая типология наиболее многоаспектна. Она касается степени стертости метафор и, что заслуживает особенного подробного анализа, видов метафорических расхождений. Исследование этих типов позволит выявить случаи

параллельного метафорического развития слов в разных языках и, следовательно, регулярную полисемию метафорического типа, позволить составить общую карту метафорических связей между отдельными словами-понятиями.

Далее более подробно рассмотрим метафору в художественном тексте.

Согласно точке зрения многих лингвистов, исследование художественных текстов позволяет выявить не только характерные для того или иного произведения набор языковых средств и приемы художественного изображения, но и является «способом реализации понимания» [Бабенко 2008: 56].

Вслед за Л.В. Щербой, филологическую интерпретацию художественного текста мы рассматриваем как способ выявления лингвистических средств, при помощи которых репрезентируется не только идейное, но и эмоциональное содержание художественных произведений. [Щерба 1995: 45].

Нам также необходимо дать определение понятию «картина мира», так как именно данное понятие имеет национально-культурный отпечаток. Как справедливо отмечает немецкий писатель Г. Фрейтаг, «в сознании каждого человека есть портрет его народа». Человек и язык тесно связаны между собой. Именно в языке хранится культура того или иного народа и передается из поколения в поколение. Исходя из этого язык играет важную роль в формировании, как личности, так и национального характера [Тер-Минасова 2000: 80]. Общеизвестно, что в языке любого народа отражается менталитет каждого индивидуума и всего народа. В когнитивной лингвистике менталитет выражается термином «концептосфера», который был введен Д.С. Лихачевым. Концептосфера представляет собой сферу знаний и мысли народа, а национальным способом восприятия и понимания мира является национальный

менталитет. Ментальные единицы, которые образуют национальную концептосферу, рассматриваются как основа образования когнитивных стереотипов. Следовательно, национальный менталитет оказывает влияние на формирование и развитие концептов [Стернин 2002:10].

Каждому этносу свойственна своя национальная картина мира, формирующая тип отношения человека к миру и определяющая те или иные нормы поведения. [Лайонз 2005:67].

Анализируемые нами глаголы деструкции в рамках художественного текста также образуют концептуальное пространство. Данное пространство включает разные концепты, среди которых преобладают концепты эмоции.

Будучи одной из форм агрессивного поведения персонажей в художественных текстах, «деструктивность» выражается разными языковыми единицами. Приведем примеры на материале таджикского и английского языков.

“Ана, ҳозир модараи аз гиребони муаллим гирифта, адабаширо медиҳад. Ба қавли ҳамсоҷашон аз об гирифта, ба лой мезанад, расвоғиширо мебарорад”. “Яхи хомӯширо муаллим шикаст.

- Бубахи писарам. Оҳанпораи сарам ба чунбиш омаду худро бой додам”.

“Душман ба сахтӣ ақиб менишаст. Ҳар ваҷаб заmine, ки аз дасти ӯ раҳонида мешуд, қиммати дуне дошт. Задухӯрд се шабу се рӯз давом кард. Оқибат душман роҳи гурезро гирифт. Мо онҳоро таъқиб мекардем. Дар баромад - баромади Варшава дар наздам тири тӯпи душман таркид. Зарбаи ногаҳонӣ маро аз пой афтонд. Дигар чизеро ед надорам” [Шералӣ Мӯсо Қиссаи баҳорӣ, 150].

На материале английского языка:

His words were directed at the SEAL, but the heat of his anger scorched her too. (Rollins, James. Subterranean, 90) – *Эти слова были адресованы военному, но прозвучавшая в них злость опалила и Лунду.*

Aggrieved, gesticulating, angry, they were herded back to their cars by this extraordinary man. Having given them a final and, it appeared, derogatory blast of Greek, he turned to us again. (Durrell, Gerald. My family and other animals, 89) – *Выражая свою злость и обиду отчаянной жестикуляцией, шоферы вернулись к своим автомобилям, а этот чудак, послав им вслед последний и, очевидно, уничтожающий залп, снова обратился к нам.*

Hot coals were placed against his flesh and he screamed. It was an animal cry, mixed pain and rage, and his mind lashed out. (Feist, Raymond. Silverthorn, 89) – *К его телу приложили горячие угли, и он закричал, как раненое животное, - боль и злость смешались в этом крике, и его рассудок вырвался из оков.*

Концептуальное исследование художественного текста требует выявить, является ли «деструктивность» концептом то есть ментальным образованием, которое имеет множество, не сводимых друг с другом измерений, отражающих интерпретируемый мир и, которые находятся в системном и динамическом связи с разными знаками [Карасик 2012: 133].

Согласно точке зрения У.С. Кудряковой, концепт будучи ментальным и психическим ресурсом человеческого сознания, отражает человеческий опыт; в концепте находят отражение оперативные единицы памяти, ментальный лексикон, концептуальная система, вся языковая картина мира, которая отражена в человеческой психике [Кубрякова 1996: 90].

Анализ художественных текстов на материале таджикского и английского языков позволил выявить не только глаголы со значением

«деструкции», но также лексические единицы, имеющие семантику «эмотивное действие». Исходя из этого, деструктивность в художественном тексте следует рассматривать как концептуальное пространство, которое состоит из множества разных концептов, включая и эмоциональные концепты, вызываемые и поддерживаемые деструктивным поведением героев. Самыми продуктивными концептами в художественных текстах являются следующие: гнев, ненависть. Причиной возникновения данных концептов является совершение «деструктивного действия».

Более подробно рассмотрим концепт гнев, который во многих лингвокультурах связан с такими физиологическими симптомами как покраснение лица, повышением давления и т.д., что непосредственно отражается и в художественных произведениях.

На материале художественных произведений таджикского и английского языков проанализирует метафорическое употребление эмоциональной лексемы *гнев*.

“Рашид чун хас вағзи даргирифт. Ва азм намуд, ки адаби Маҷидиро диҳад. Вале дер ба ин қаоло омад, Маҷидӣ аллакай “Аз бало ҳазар!” – гуфта, утоқи ӯро тарк карда буд. Ва тамоми қаҳру ғазаб ва нафрату адоваташ мушт шуда, ба рӯи мизх рехт. Чизу чораи рӯи миз ба ҳар сӯ парид.

- *Тинҷист? – котиба башаст даромад. – Чӣ гап?*

- *Ту пурсанда-мӣ?! – боқимондаи қаҳру ғазаб ва нафрату адоваташиро ба сари котиба рехт”.*

- *Ҳа, то дараҷае, ки иззату эҳтироми маро наст мезананд, - аз саманди хашму ғазаб нафуромада, киноя зад рашид (Шералӣ Мӯсо. Қиссаи баҳор, 116);*

“Баъд қаҳру газабаи чуш чашма чӯш зад. Тамоми аъзои баданаи меларзид, гӯшҳояш аз гармӣ месӯхтанд. Сипас ҳисси интиқом ўро фаро гирифт. Пасон гӯе қасам ед кард. – **Саратро нахӯрам, Маҷидӣ, ман одам не!**”

“Ина бин-а ... Писанд намекунад-е! Гапи туву гӯши кашоли ман!” – дар дил мегуфт Рашид ва бо **чашмони пур аз газаб ба вай менағирист. Нигоҳаш хурам мегуфт.**”

“Аммо Маҷидӣ боз ҳам писанд накарда, ба миз наздик шуд. Рашид ҳамчун **паланг бо хашму газаби тамои аз ҷояш башаст хест**” (Шералӣ Мӯсо. Қиссаи баҳор, 117).

Как видно из приведенных примеров, в таджикском языке концепт *гнев* – это *оташ – жар* (*огонь*). Метафорическое выражение гнева в таджикском языке сопровождается такими эмоциональными лексическими единицами, как: *хашму газаб; пур аз газаб; қаҳру газабаи чуш чашма чӯш зад; гӯшҳояш аз гармӣ месӯхтанд*.

Далее рассмотрим метафорическое выражение *гнева* на материале английского языка.

Her temper was beginning to rise again at the thought that this rude and impertinent man had heard everything—heard things she now wished she had died before she ever uttered. (Waters, Sarah. *The Night Watch*, 78) – *А в ней снова начинало закипать бешенство при мысли о том, что этот грубый, наглый человек мог слышать все — все ее слова, которые она теперь ценой жизни хотела бы вернуть назад.*

He raced to the tent's flap, peeking out at the seething maelstrom as it wiped away the horizon. He turned to the group of robed figures, his mother among them. (Waters, Sarah. *The Night Watch*, 56) – *Он укрылся за пологом палатки, бросая испуганные взгляды в сторону песчаного вихря, которым*

уже **закипал** горизонт, и закричал в сторону группы женщин в балахонах, среди которых была и его мать.

*Soames made a tour of the room, to subdue his rising anger. – Сомс прошёлся по комнате, стараясь подавить **закипавшую** ярость.*

*She'd been talking lightly all this time-putting on an act, trying to hide the fact that, as before, real emotion was rising up in her, making her embarrassed and afraid. (Waters, Sarah. The Night Watch, 89) – Все это время она говорила с наигранной легкостью, как и прежде, стараясь скрыть истинные чувства, которые в ней **закипали**, обескураживая и пугая.*

*As for that Tom Jones - that fellow that sells himself, sir - by heavens, my blood boils when I think of him! (Thackeray, William Makepeace. The Newcomes, 67) – А что до этого малого, Тома Джонса, который пошел на содержание, то, бог свидетель, как вспомню о нем, вся кровь во мне **закипает**, сэръ!*

*In one instant, after the clock struck two, the whole of this deserted and quiet spot had become a scene of most extraordinary life and animation. (Dickens, Charles. The Pickwick Papers, 56) – Как только пробили часы, на этом безлюдном, тихом пустыре **закипела** жизнь и поднялась суматоха.*

*And wrath being once roused in his simple mind and distrust firmly fixed there, his anger and prejudices gathered daily. (Thackeray, William Makepeace. The Newcomes, 56) – И если в его бесхитростном сердце **закипал** гнев и поселялось недоверие, то неприязнь и озлобление росли в нем день ото дня.*

*He's a rough man, and thinks nothing of blood when his own is up. (Dickens, Charles. Oliver Twist, 34) – Он человек грубый. Что ему стоит пролить кровь, если у него самого кровь **закипит** в жилах!*

Then the first guardsman was upon me and the fight was on, but scarce did we engage ere, to my horror, I saw that the red slaves were shackled to the floor. (Burroughs, Edgar Rice. The Warlord of Mars, 34) – *Первый стражник набросился на меня, и бой **закипел**. Но едва он начался, я к ужасу заметил, что красные воины не могут прийти мне на помощь; крепкие цепи приковывали их к полу!*

Метафорическое выражение гнева в английском языке сопровождается такими эмоциональными лексическими единицами, как: *blood when his own is up; the fight was on; real emotion was rising up in her; wiped away the horizon.*

Метафора *гнев* в таджикском языке характеризует главным образом состояние человека, в то время как в английском языке, данная метафора может характеризовать и не одушевленные предметы.

В таджикском языке метафора *гнев* характеризуется также интенсивностью, продолжительностью. На основе богатого языкового материала было установлено, что деструктивное агрессивное поведение человека дает агрессивное поведение животного.

“Аммо Маҷидӣ боз ҳам тисанд накарда, ба миз наздик шуд. Рашид ҳамчун паланг бо хашму забаби тамом аз ҷояш башаст хест”. (Шералӣ Мӯсо. Қиссаи баҳор, 118).

“Кори ҳозирааш нағз-ку, апа, - аз гилаву ҷингилаи апааш ба дод омада гуфт Рашид.

- Нағзу, - мад кашид апааш. – Лекин миени бегонаҳо. **Бегона саги девона. Ягон рӯз газиданашон мумкин.** Таги қаноти худат бошад, нағз-дия. Ҷон додарҷон, ба корхонаи худат гир, тарбия кун. О, пагоҳ дастгир, пушту паноҳи худат мешавад.

- *Ҳама дарду ғамат ҳамин аст? – нурсид Рашид.*

Апааш нигоҳи илтиҷо ба ӯ духта буд” (Шералӣ Мӯсо. Қиссаи баҳор, 119).

В английском языке лексические единицы *wild-looking, the killing rage – озвереть* репрезентируют «звериную природу» человека.

She had reached the outskirts of the city when she found the road blocked by a great drove of cattle, driven by a half-dozen wild-looking herdsmen from the plains.
– У самой окраины города дорогу запрудило огромное стадо скота, с ним еле справлялись пять-шесть **озверевших** пастухов.

No mortal could have survived the intensity of the storm, the killing rage in the animals. (Feehan, Christine . Dark Prince , 67) – Ни один смертный не смог бы пережить эту бурю и справиться с **озверелыми** волками.

Далее рассмотрим, как репрезентируется метафорическое выражение *гнева* для разных деструктивных эмоциональных лексических единиц.

В таджикском языке самым распространенным фактором, который порождает деструктивное поведение – это **нафрат – ненависть**.

“Вай ба ҷояш нишасту бо нафрати тамом варақи қогазро ба дасташ гирифт. Маҷидиро як песонду айнакашро ба биниаш савор кард” (Шералӣ Мӯсо. Қиссаи баҳор, 117).

Ва аз фалак чандон ки хоҳӣ бе қиес

Нафрати оху зи чашми шер аст;

Ва чун аз аъени мамлакат нафрат кунанд, подшоҳро нафрини бад фиристанд;

Ҳар он кас, ки буд пеши даргоҳи ту,

Бинафрид дар ҷони бироҳи ту;

*Дар ин фурсат биби-қозӣ аз дашном додану нафрин кардан даҳиҳае
бознамеистоданд;*

Агар дашном фармой в-агар нафрин, дуо гӯям,

Ҷавоби талх мезебад лаби лаъли шакархоро (ФЗТ. 1. 839).

Анализ художественных произведений на материале английского языка показал, что *hatred* - **ненависть** может **распирать, накапливаться, полыхать, быть жгучей**:

These were the dangerous men, veterans of twenty battles, longing for their old trade, and with hearts filled with hatred and revenge. (Conan Doyle, Arthur. The Adventures of Brigadier Gerard, 78) – Это были отчаянные люди, ветераны двадцати сражений, они жаждали снова заняться любимым делом, и сердца их были полны ненависти и мести.

The man whom I had injured had been carried in and placed upon the top of a barrel, his helpless legs dangling about in front of him, and his cat's eyes still darting glances of hatred at me. (Conan Doyle, Arthur. The Adventures of Brigadier Gerard, 78) – Покалеченного мною бандита внесли и посадили на бочку; ноги его все так же бессильно свисали вниз, а кошачьи глаза метали на меня взгляды, полные ненависти.

I have given you what you wish. Dark Uncle," the shade whispered, its voice filled with loathing. (Brooks, Terry. The Scions of Shannara, 56) – Я сказал тебе то, за чем ты пришел, Темный Родич, — прошипел призрак голосом, полным ненависти.

*Surely you did not consult with the wizard Tanjin!' he said in an outraged tone. (Brooks, Terry. The Scions of Shannara, 56) – Надеюсь, вы были не у этого колдуна Тэньина? — спросил он голосом, **полным ненависти**.*

*I had known my brother hateful and ambitious, but I had not thought he would sink into treason. (Brooks, Terry. The Scions of Shannara, 56) – Я знал, что мой брат **полон ненависти** и честолюбия, но не думал, что он опустится до измены.*

Анализ фактического материала позволяет констатировать, что сфера репрезентации отрицательных эмоций, где широко представлены такие лексические единицы как – **нафрат – ненависть**, или **hatred**, входят также лексические единицы эмоции **такие как – презрения, отвращение**. Все это свидетельствует о концептуальной связи **ненависти** с разными враждебными эмоциями.

Следующая лексическая единица, стимулирующая явно или скрыто войну, борьбу, приносящая людям страдание является **ҳасад, бухл – енву – зависть**. В лингвистической науке не мало исследований, посвященных концепту «зависть» с целью выявления универсального и специфического в рамках разных лингвокультур. Согласно точке зрения психологов, рассмотреть всю картину концептуализации **ҳасад, бухл – енву – зависть** невозможно в силу многослойности данного концепта.

Ман паҳлуи ер мекунам хоб,

Ту паҳлуи худ кун аз ҳасад об!

Бародаронаш ҳасад бурданд, захр дар таомаш карданд (ФЗТ, 2. 736).

Молдореро шунидам, ки ба булх-андар чунон маъруф буд, ки ҳотам дар карам.

Се кор аз гуруҳ зишт ояд: тундӣ аз подшоҳону, ҳирс аз доноену бухл аз тавонгарон.

Наздики акобири ҳунарпарвар

Айбе набувад зи бухл бадтар (ФЗТ. 1. 217).

Приведем примеры на материале английского языка:

*When Schuyler walked in, dressed in her various layers but looking as ethereal and beautiful as ever, Bliss could see the envy from all the other insect-sized fashionistas, which made her feel proud and happy. (De la Cruz, Melissa. The Van Alen Legacy, 23) – Когда вошла Шайлер, в своем обычном многослойном наряде, но такая же неземная и прекрасная, как всегда, Блосс заметила **зависть** в глазах всех этих модниц и исполнилась гордости и счастья.*

*He felt deeply shamed by this supreme loyalty. After a while he said: I cannot initiate a posthumous case against your wife, Куо. (Gulik, Robert van. The Chinese Nail Murders, 45) – На мгновение его пронзила **зависть** к такой безграничной преданности, но он сказал: – Я не могу возбудить посмертное дело против вашей жены, Куо.*

*But do you not be fearsome, for I say to you that this world is a blind, doddering worm, knowing three passions only: jealousy, curiosity, and hate. (Steinbeck, John. Cup of Gold, 56) – Но не страшись, ибо, говорю тебе, мир этот — слепой, безмозглый червяк, которому ведомы лишь три страсти: **зависть**, любопытство и ненависть.*

Yet I have been heavily shackled heretofore—for wars, rebellions, envies, plots, have hemmed me in on every side, so that I might not serve my people as I would. (Haggard, Henry Rider. Cleopatra, 89) – Но до сих пор я была словно в

оковах – войны, восстания, заговоры, **зависть** связывали меня по рукам и по ногам, я не могла служить моему народу, как мне того хотелось.

A bit of the jealousy and anger I'd felt from the last time they'd been together returned.(Mead, Richelle. Shadow Kiss, 56) – **Зависть и гнев**, овладевшие мной в прошлый раз, когда они были вместе, вернулись.

*Envy and impotent desires are their prevailing passions. But those objects against which their envy seems principally directed, are the vices of the younger sort and the deaths of the old. (Swift, Jonathan. Gulliver's travels into several remote nations of the world, 34) – **Зависть** и немощные желания непрерывно снедают их, причем главными предметами **зависти** являются у них, по-видимому, пороки молодости и смерть стариков.*

*Even in those cities which seem to enjoy peace, and where the arts flourish, the inhabitants are devoured by more envy, care, and uneasiness than are experienced by a besieged town. (Voltaire. Candide, 56) – В городах, которые как будто наслаждаются благами и где цветут искусства, пожалуй, не меньше людей погибает от **зависти**, забот и тревожений, чем в осажденных городах от голода.*

*And Wylie White told me a lot which I believed because he felt Stahr intensely with a mixture of jealousy and admiration. (Fitzgerald, Francis Scott Key. The love of the last tycoon, 89) – Много сведений дал мне Уайли Уайт, и я отнеслась к ним с доверием, потому что Уайли вчувствовался в Стара глубоко - со смесью **зависти** и восхищения.*

*They've made him suffer so with their jealousies and misunderstandings, but he's so great and good and kind.(Greene, Henry Graham. The Ministry of Fear, 90) – Сколько его заставили вынести из-за невежества, **зависти**, недоверия, но он такой замечательный, такой хороший, добрый человек...*

Сделаем вывод, что образная составляющая рассмотренных эмоциональных концептов гнев, ненависть, зависть может быть концептуализирована следующими метафорами:

- **Горячая субстанция в контейнере.** Эмоции можно рассматривать как нечто взрывоопасное, что нужно сдерживать, чтобы предотвратить разрушительные последствия. *Контейнер* может представлять социальные нормы, самоконтроль или другие механизмы, которые помогают сдерживать эмоции.

- **Живое существо.** Эмоции можно интерпретировать как автономные сущности, которые обладают собственной волей и способны воздействовать на мысли и действия человека.

- **Жар или огонь.** Эта метафора подчеркивает интенсивность и разрушительную силу эмоций. Жар может символизировать гнев или ярость, а огонь - ненависть или зависть.

- **Соперник.** Эмоции можно рассматривать как противников, с которыми нужно бороться или побеждать. Эта интерпретация предполагает, что эмоции воспринимаются как внешние угрозы, которые необходимо преодолеть.

- **Болезнь.** Эмоции можно сравнить с болезнью, которая ослабляет или заражает разум. Эта метафора передает идею о том, что эмоции могут быть вредными и их нужно лечить или контролировать.

- **Тяжелый груз.** Эмоции можно воспринимать как тяжелый груз, который давит на человека и мешает ему двигаться вперед.

- **Безумие.** Эта метафора предполагает, что сильные эмоции могут привести к потере контроля или рациональности.

3.3. Глаголы деструкции в языке и в речи

Изучение лексического значения в сравнительной лингвистике сталкивается со следующими двумя основными трудностями: 1) Отсутствие единой дефиниции базовой единицы семасиологии. В настоящее время не получило точного определения, что именно составляет основное содержание слова или словосочетания на семантическом уровне. 2) Проблема экстернализма и интернализма. Лексическое значение часто определяется либо исключительно лингвистическими факторами (внутриязыковой подход), либо включает экстралингвистические факторы (такие как понятия, идеи и объекты в реальном мире). Как отмечают многие лингвисты необходимо фокусироваться на философских категориях формы и содержания. 3) Лексическое значение представляет собой одновременно и форму, и содержание. Оно не может быть сведено исключительно к чувственно воспринимаемым компонентам или экстралингвистическим факторам. Для углубленного понимания лексического значения необходимо объединить внутриязыковой и экстралингвистический подходы, рассматривая значение как пересечение лингвистических структур и концептуальных репрезентаций.

Как справедливо замечает В.А. Звегинцев, в лингвистике понятия формы и субстанции употребляются без достаточно точного определения, а оно необходимо. Очень часто они определяются по негативно-противопоставленному принципу: субстанция – это то, что не является формой, а форма – это то, что не является субстанцией. Прибегая к аналогии, мы могли бы определить множество как все то, что не является единством, а единство – как то, что не является множеством [Звегинцев 2009: 123].

Математиков не удовлетворяет такое определение. Лингвисты тоже ищут определений позитивного порядка. В этом случае субстанция определяется ими как все непосредственно и чувственно воспринимаемое в языке. В данном случае, на наш взгляд, форму следует относить к чувственно

не воспринимаемому. При такой постановке вопроса остается неясным, куда следует относить лексическое значение, которое не является чувственно воспринимаемым.

Понятие формы является центральным в современной лингвистической теории. Оно понимается как: организующий принцип языковых единиц, определяющий их структуру и функции: иерархия функций, где каждая функция выполняет определенную роль в общей структуре языка.

Хотя традиционно считалось, что форма первична, а содержание вторично, современная лингвистика признает, что эти два аспекта неразрывно связаны и не могут существовать независимо друг от друга.

В семасиологии, изучающей значения слов и выражений, форма и содержание также взаимосвязаны. Структуру лексического значения можно проанализировать, выделив его формальные и содержательные аспекты. Форма, как отмечает В.А. Звегинцев, всегда структурна [Звегинцев 2009: 56]. В определенной степени, относительно лингвистических исследований, мы можем сравнивать форму языка с его структурностью. В современной практике лингвистических исследований такое сравнение и предполагается [Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, Н.В. Селиверстова].

Нельзя не согласиться с В.А. Звегинцевым, который отмечал, что формы отличаются друг от друга. Это – локальное понятие. То, что в одном плане – аморфно, в другом – может быть подчинено строгим формальным принципам [Звегинцев 2009: 135]. Таким образом, Лексическое значение не является чисто формальным или чисто содержательным. Оно представляет собой сочетание формы и содержания, структурированное определенными принципами. Принципы структурной организации значений: иерархичность – значения организованы в иерархическую систему, где более абстрактные значения включают более конкретные значения; категоризация – значения группируются в категории, основанные на общих семантических признаках;

противопоставление – значения противопоставляются друг другу, создавая контрастные пары или наборы.

Определенную помощь в решении данной задачи может оказать проведенное Фе де Соссюром другое отождествление. Фердинанд де Соссюр отождествлял язык с формой, а речь — с содержанием. Применительно к значению это означает, что лексическое значение следует рассматривать как факт языка, а не как факт речи. Значение не зависит от конкретного контекста, а является абстрактным и обобщенным представлением концептуального содержания [Соссюр, 2007: 45].

Лексическое значение — это форма, поскольку оно является частью языка. Форма лексического значения определяется принципами языковой организации (иерархией, категоризацией, противопоставлением). Поскольку лексическое значение обладает формой, оно также является структурным. [Звегинцев, 2009: 156].

Таким образом, лексическое значение не является аморфным, а обладает четкой структурой. Структура лексического значения может быть проанализирована с помощью лингвистических методов. Лексическое значение является центральным понятием в лингвистике, поскольку оно представляет собой пересечение формы и содержания.

Лексико-семантический вариант – уровень языка, который также необходим для исследования лексических единиц. Главной единицей языка на семасиологическом уровне являются именно лексико-семантические варианты. ЛСВ характерны отчетливые лингвистические признаки. Благодаря данным признакам, они отождествляются. При этом следует заметить, что в каждом языке ЛСВ обладает своими специфическими признаками. В частности. В таджикском языке лексическим единицам свойственна последовательность и изафетные конструкции. В английском языке ЛСВ также характеризуются

последовательностью, но отличаются агглютинацией. При анализе ЛСВ глагола с деструктивным значением *куштан – убивать* мы выявили следующие признаки: 1) *чондореро бе чон кардан, қатл кардан, мурондан – убивать*; 2) *хомӯш кардан (шамъ, чароғ ва ғ.) – гасить свечу* и т.д:

Агар бародари худро ҳазир нақунӣ, бифармоям, ки туро бидушанд;

Шабе ед дорам, ки ере азиз аз дар даромад, чунон беҳуд аз ҷой барҷастам, ки чароғам ба остин кушта гаист ... Бинишаст ва итоб оғоз кард, ки маро дар ҳол ки бидидӣ, чароғ бидуштӣ, чӣ маънӣ дорад?

Мурғи ҷазба ногаҳон паррад зи ғӯш,

Чунки дидӣ субҳ, шамъ он гаӯ бидуш (ФЗТ, 1:

578).

Или в английском языке деструктивный глагол *kill – убивать* имеет следующие лингвистические признаки: 1) to make somebody/something die **kill (somebody/something)** *Cancer kills thousands of people every year.* – убивать кого-либо:

Speak-e! tell-ee me who-ee be, or dam-me, I kill-e!" again growled the cannibal, while his horrid flourishings of the tomahawk scattered the hot tobacco ashes about me till I thought my linen would get on fire (Hammett, Dashiell. The Maltese Falcon, 78) – *Твоя говорит! Твоя сказать, кто такая, а то я убивать, черт не знай, — зарычал людоед, устрашающе размахивая томагавком, из которого сыпались на меня огненные искры, так что белье на мне едва не загорелось.*

What a lot of money it costs, I thought as the pain receded, to kill a few human beings-you can kill horses so much cheaper. (Hammett, Dashiell. The Maltese

Falcon, 34) – *Как дорого стоит убивать людей, – подумал я, когда боль немножко приутихла, – куда дешевле убивать лошадей.*

*Angbard named me his heir because he wanted me to attract whatever faction tried to **kill** my mother, she thought. (Hammett, Dashiell. The Maltese Falcon, 90) – Энгбард назвал меня своей наследницей скорее потому, что хотел привлечь внимание какой-то группировки из тех, кто убил мою мать, — подумала она.*

2) **kill something** to destroy something or make it less good; to make something stop – разрушать, снизить рост экономики:

*Nothing can **kill** growth more effectively than an uncompetitive currency, and there is no faster route to currency appreciation than a surge in capital inflows. – Ничто не может снизить темпы экономического роста так же эффективно, как неконкурентная валюта, и не существует более быстрого пути к повышению стоимости валюты, чем резкое увеличение притока капитала.*

3) to **kill** the product. – Испортить что-либо:

*Then the company should decide whether to discontinue discounts and let the product live or die naturally or to **kill** the product. (Muckian, Michael. Finance and Accounting, 89) – Тогда компания должна решить, следует ли прекратить предоставлять скидки на этот продукт и позволить рынку решить его дальнейшую судьбу или просто отказаться от данного продукта.*

4) **kill something** (*informal*) to switch off a light or engine; to stop a computer program or process – гасить что-либо, выключить что-либо; 4) **kill somebody | it kills somebody to do something** (*informal*) (usually used in the progressive tenses and not used in the passive) to cause somebody pain – причинять неудобство:

My feet are killing me.

5) **kill somebody** (*especially North American English*) to make somebody laugh a lot – рассмешить кого-либо:

Stop it! You're killing me!

Здесь уместно отметить, что рассматривать лексико-семантический вариант как основную и предельную единицу на семасиологическом уровне представляется маловероятным. Было бы уместным употребление термина «моносема» [Звегинцев 2009: 145]. Если сравнить моносема с другими семантическими понятиями, то у неё ряд преимуществ. Она не имеет те недостатки, которыми обладают такие понятия как: сематема, семема. Лексема и момема. В процессе практического овладения языком также оправдано выделение моносемы [Звегинцев 2009: 145].

Как известно, все элементы языка на семантическом уровне изучаются не отдельно, а во взаимоотношениях или типических сочетаниях. Изолированный анализ, в частности, слов иностранного языка может привести к неправильному употреблению данных слов, что обусловлено игнорированием моносем. Основное преимущество моносем заключается в том, что, не обращаясь к экстралингвистическим факторам можно произвести семасиологическое описание единиц в виде дескриптивных формул. Экстралингвистический фактор необходим только в том случае, когда моносема употребляется в речи, когда она служит для передачи информации. В подобных случаях моносема переходит из плана языка в план речи.

Моносема как факт языка и речи тесно связана с антонимией между внутрилингвистическим и экстралингвистическим. Данная антонимия является результатом недостаточного разграничения языка и речи [Звегинцев 2009: 234].

На основе анализа фактического материала, можно отметить, что язык тем и отличается от всех других и знаковых или символических систем, что

неразрывно связан с речью. Благодаря связи с речью язык также обладает и прагматикой наряду с семантикой синтагматикой. Однако, отсюда не следует, что мы должны ограничивать свои права и возможности описания значения слов лишь на языковом или речевом уровне, сознательно ограничивая себя в определённых целях. Например, перевод лексической единицы с одного языка на другой может быть представлен в виде соотносительных моделей потенциальных сочетаний, при этом нет необходимости обратиться к экстралингвистическим факторам. При этом речевая репрезентация многозначного слова, которая представлена в виде потенциального сочетания, конечно, зависит от положения данного многозначного слова в структуре данной языковой системы.

Традиционно семасиология ограничивала свой анализ лексических значений либо языковым, либо речевым уровнем. Однако эта точка зрения слишком узкая. Язык и речь неразрывно связаны, и оба уровня должны учитываться в семасиологическом анализе. Структурность в семасиологии можно определить как организацию лексических значений в иерархическую систему. Эта система обусловлена языком, а не речью. Многозначные слова представляют собой структурные единицы в семасиологии. Они состоят из нескольких моносем, которые взаимосвязаны и образуют единое целое. Моносемы, хотя и являются компонентами многозначных слов, обладают своими собственными свойствами и признаками. Эти свойства обусловлены как их внутренней структурой, так и их местом в общей семантической системе языка.

Многозначные слова представляют собой сложные семантические структуры. Моносемы, входящие в их состав, взаимосвязаны и образуют единое целое. Эта семантическая структура влияет на функционирование и развитие многозначных слов в языке.

Необходимо учитывать как языковой, так и речевой уровень в семасиологическом исследовании. Структурность семасиологических явлений обусловлена языковой системой. Многозначные слова являются первичными структурными единицами в семасиологии. Моносеммы обладают собственными свойствами и признаками, обусловленными их местом в семантической структуре многозначных слов. Семантическая структура многозначных слов влияет на их функционирование и развитие в языке.

3.4. Семантические и стилистические глаголы «деструкции» в таджикском и английском языках.

Синонимия является одной из традиционных категорий лексикологии, но в плане теоретическом она остается почти не изученной [Звегинцев 2009: 145]. Как справедливо отмечает В.А. Звегинцев, синонимия в лингвистической науке определяется чрезвычайно общим образом. Например, О.С. Ахманова, касаясь этого вопроса, пишет: «В языкознании общепринятым является понятие синонимов, то есть слов, близких или совпадающих по значению, но различных по звучанию [Ахманова 2019: 103]. А.Б. Шапиро вносит в это определение некоторое уточнение: «... общее мнение сошлось на том, что синонимами не являются слова различного звукового состава, полностью совпадающие по своему значению... такого совпадения, как правило, в языках не бывает. Таким образом, синонимами являются слова, различающиеся по своему звуковому составу и содержащие в своих, сходных в целом, значениях те или иные различия» [Шапиро 2006: 98]. К этому определению близко определение Р.А. Будагова: «Синонимы – это близкие по значению, но разно звучащие слова, выражающие оттенки одного понятия... Все синонимы, будучи разными словами, всегда выражают – хотя и неодинаково – одно понятие... Синонимы свидетельствуют о способности человека с помощью разных слов передавать одно понятие» [Будагов 1986: 78]. При этом следует заметить, что А.А.

Реформатский выступает против такой соотнесенности синонимов с понятиями и заменяет ее с соотнесенностью с вещами, однако в общем сохраняет тот же аспект рассмотрения синонимии. Он пишет: «Обычное определение как слов, по-разному звучащих, но совпадающих по значению или имеющих сходное, близкое значение, страдает неточностью и неясностью. Что общего в значении слов- синонимов: понятие или называемая вещь» [Реформатский 2014: 345]. На данный вопрос, касающийся связующих элементов синонимов, А.А. Реформатский отвечает следующим образом: «Два слова называют ту же вещь, но соотносят ее с разными понятиями и тем самым через название вскрывают разные свойства данной вещи» [Реформатский 2014: 348]. Более нейтральным, примиряющим предшествующие две точки зрения, является определение А.Н. Гвоздева: «... синонимами называются слова с близким, но не тождественным значением ... как правило, синонимы, имея общее ядро значения, имеют разнообразные расхождения в значении» [Гвоздев 2018: 234]. Иногда определение синонимов уточняется их классификацией. Например, у К.А. Левковской находим следующее: «Синонимы – это совпадающие по своему основному номинативному значению слова, отличающиеся друг от друга разными дополнительными значениями и особенностями употребления (синонимы идеографические), стилистическим использованием (синонимы стилистические) или территорией своего распространения (синонимы общераспространенные, с одной стороны, и синонимы диалектные – с другой)» [Левковская 1987: 136]. Используется и иной подход к определению синонимов – через процедуру выделения синонимов. Данная процедура более подробно описана Ш. Балли и кратко излагается С. Ульманом: «Только те слова можно описывать как синонимы, которые могут заменять друг друга в любом контексте без малейшего изменения как понятийного, так и эмоционального значения» [Ульман 1987: 12]. В лингвистической литературе определение синонимов через процедуру их выделения применяет В.К. Фаворин:

«Синонимами в строгом смысле слова, - пишет он – следует считать только слова, заменимые в том или ином контексте» [Фаворин 1987: 20].

Приведенные выше высказывания содержат не только определения синонимов – в общем близкие, несмотря на некоторые различия преимущественно второстепенного характера, - но и наиболее принятые их классификации и даже методы выделения.

Как видно из приведенных выше определений, синонимия – это семантическое явление. Установление синонимов осуществляется на основе чисто семантического критерия, к которому иногда подключаются и другие, в частности стилистический критерий. Данное утверждение относится и к тем способам определения синонимов, которые используют для этой цели процедуру выделения синонимов и опираются на метод замен, или субституций (Ш. Балли, С. Ульман, В.К. Фаворин). И в последнем случае взаимозаменяемость (субституция) слов также устанавливается традиционным семантическим критерием, так как всегда делается оглядка на то, изменяются ли при подобно рода заменах понятийное и эмоциональное содержание слов. Так, объясняя более подробно процедуру установления синонимов, используемую им для определения синонимов, С. Ульман не оставляет никаких сомнений в ее семантических основах. «Техника синонимического анализа, - пишет он, - апробирует взаимозаменяемость различными методами. Простейшим из них является субституция в различных контекстах, что представляет собой не что иное, как применение структуральной интерпретации слов. Эта операция выявляет понятийные и эмоциональные различия, обусловленные заменой одного омонима другим в разных комбинациях» [Ульман 1987: 108].

Из вышеизложенного очевидно, что в силу семантической природы синонимов их определение должно входить в систему координированных друг

с другом основных семасиологических категорий и во всяком случае быть производным от понимания значения слова. Сначала необходимо дать определение значения слова и затем уже устанавливать, какие его качества соединяют пары слов или их ряды в группы.

Следует также отметить, что синонимия не имеет диахронического сечения, она знает лишь синхроническую протяженность, является выражением внутренних синхронических отношений и, следовательно, полностью замкнута в языковом кругу [Звегинцев 2009: 131]. В соответствии с синхроническим пониманием значения слова как типовой потенциальной сочетаемости слова синонимию следует определять аналогичным синхроническими средствами, то есть через тождество сочетаемости у разных слов на данном этапе развития языка.

Так, например, в таджикском языке глаголы со значением «деструкция» - *вайрон кардан, хароб кардан, аз кор баровардан – разрушить* являются синонимами на основе общности понятийной основы, а также исходя из своей дистрибуции:

Хоҷагиро вайрон кардан;

Хоҷагиро хароб кардан.

Или, например, в английском языке глаголы со значением «деструкция» *ruin* и *destroy* - *разрушать* также могут считаться синонимами не потому, что у них общая или близкая предметно-понятийная основа, они могут считаться синонимами лишь в силу своей тождественной сочетаемости, или дистрибуции. Во многих фразовых условиях мы можем взаимно заменить эти два слова:

*He was like a fabulous painter, so contemptuous of popular taste that after a lifetime of creation he should **destroy** everything he has done, lest it be marred and*

mocked by the dull eyes of the crowd.(Lewis, Sinclair. Arrowsmith, 78) – Он был похож на художника из сказки, который так презирал вкусы общества, что перед смертью уничтожил все свои творения, чтоб их не осквернила чернь, взирав на них пошлыми насмешливыми глазами.

*He said gently, “The griga’ath will **destroy** this place and everyone in it.*(Beagle, Peter. The Innkeeper's Song, 78) – И мягко сказал: – Грига-ат уничтожит это место и всех, кто здесь есть.

*The remaining vessels will seek out and **destroy** the enemy stragglers which have already been abandoned in the enemy's escape towards their precious jump point.*(Rennie, Gordon. Shadow Point, 56) – Остальным - приступить к поиску и уничтожению поврежденных и отставших кораблей противника.

*Do we want to **destroy** Iraq if it is we who are appealing night and day through all the media for him to protect the Iraqi people, the Iraqi army and Arab territory from the destruction of war and its devastating consequences?* (Британский национальный корпус 2015) – Хотим ли мы разрушить Ирак, если мы днем и ночью с помощью всех средств массовой информации призываем его защитить иракский народ, иракскую армию и арабскую территорию от разрушений и последствий войны?

*I could not understand why, but it seemed governable when called upon to heal and not to **destroy**.* (Brooks, Terry. First King of Shannara, 34) – Неизвестно почему, но когда я призывала ее, чтобы исцелять, а не разрушать, то легко справлялась с нею.

*I get the sense that she's going to **destroy** something, or undo something.* – (DeChancie, John. Castle Perilous, 67) У меня такое ощущение, что она хочет что-то разрушить или отменить.

В приведенных выше предложениях глагол **destroy** можно заменить глаголом **ruin**. Однако есть контексты, где подобная взаимная подмена членов синонимической пары не получает одобрения со стороны «языкового чувства» (термин В.А. Звегинцева). Например, в следующих предложениях:

*It is a warfare of limited aims between combatants who are unable to **destroy** one another, have no material cause for fighting and are not divided by any genuine ideological difference. (Orwell, George. Nineteen Eighty-Four, 67) – Это военные действия с ограниченными целями, причем противники не в состоянии уничтожить друг друга, материально в войне не заинтересованы и не противостоят друг другу идеологически.*

*As long as the descolada can't be tamed, it will eventually **destroy** humanity or humanity will have to **destroy** it... and us along with it. (Card, Orson Scott. Xenocide, 78) – Если им не удастся усмирить десколаду, то либо она уничтожит всех людей, либо людям придется ее уничтожить, а при случае — и нас.*

*But there is reason to think' that your people **destroy** themselves. – Но есть причина считать, что твой народ разрушает сам себя.*

*We would, however, expressly emphasize the fact that this fixing of the order does not **destroy** the generality of the solution in any way. – Мы должны, однако, настоятельно подчеркнуть, что выбор нумерации никоим образом не ограничивает общности решения.*

*At best, it would give him time to hide or **destroy** anything he didn't want seen; at worst, it could spook him into dropping into a hole so deep they might never find him. (Zahn, Timothy. A Coming Of Age, 78) – В лучшем случае это даст доктору время спрятать или уничтожить материалы, которые он не хочет*

показывать; в худшем же это может побудить его самого запрягаться так глубоко, что они никогда не смогут его найти.

*As far as the Ottawa Convention is concerned, Argentina began to **destroy** its existing stocks of antipersonnel mines this month, with the final ceremony planned for 4 December 2003. – В том что касается Оттавской конвенции, Аргентина приступила к уничтожению своих существующих запасов противопехотных мин в текущем месяце, и церемония завершения запланирована на 4 декабря 2003 года.*

Как следует из приведенных выше предложений, абсолютная свобода заменимости при тождественном логическом содержании уменьшается по мере того, как мы все более и более приближаемся к тому типу словосочетаний, которые называются устойчивыми.

*He was like a fabulous painter, so contemptuous of popular taste that after a lifetime of creation he should **destroy everything he has done**, lest it be marred and mocked by the dull eyes of the crowd. (Британский национальный корпус 2015) – Он был похож на художника из сказки, который так презирал вкусы общества, что перед смертью уничтожил все свои творения, чтоб их не осквернила чернь, взирая на них пошлыми насмешливыми глазами.*

*The remaining vessels will seek out and **destroy** the enemy stragglers which have already been abandoned in the enemy's escape towards their precious jump point. (Британский национальный корпус 2015) – Остальным - приступить к поиску и уничтожению поврежденных и отставших кораблей противника.*

*I have told it you, because by the affection which we see you have formed for this man's daughter you are blindly moving toward what must utterly **destroy** your mother's happiness, if not your own. (Galsworthy John. To Let, 78) – Я рассказал его тебе, потому что возникшая у тебя, как мы видим, склонность к дочери*

этого человека слепо ведёт тебя к полному разрушению счастья твоей матери, если не твоего собственного.

*As a result of this interaction, they converge and **destroy** each other — they are annihilated.* (Британский национальный корпус 2015) – *Это взаимодействие приводит к тому, что они сближаются и взаимно уничтожаются — аннигилируют.*

Нельзя не согласиться с точкой зрения В.А. Звегинцева, который отмечал: “Языковое чувство отнюдь не эфемерная категория и имеет вполне реальные основания, которые теория языка по непонятной причине не считает необходимым учитывать” [Звегинцев 2009: 56]. Как показал анализ фактического материала, в процессе функционирования слова почти никогда не выступают изолированно, но в связях с другими словами. И усвоение элементов языка также всегда происходит в их связях, в виде готовых и более или менее устойчивых моделей, отход от которых, как правило, совершается в определенных целях, например, для большего эмоционального воздействия в художественных произведениях. Можно даже утверждать, что абсолютной свободы словосочетаний вообще не существует, но есть разные ее градации: от относительно большой (у слов с “широкой” семантикой, до предельно тесной. Приведем примеры:

Пулод чизе нагуфт. Хомуши хукмрон гаит. Чашмаш нимво ба вассае гирех хурд ва ходисаи рухдодаро дар лахви хотираш зинда гаит. Сипас аз дил гузаронид: “Муаллим шудам гуфта, маро зада маъюб мекунаду бечазо мемонад?” Не ҳаргиз! Е якноя буданаширо дастак мекунад? Не, ин хобаширо ба об гӯяд! Ҳа-ҳа! Ман бесоҳиб не. Ота дорам. Отаи зӯр. Ин пояширо ҳам шикаста мемонад.

Пулод ба ӯ нигоҳи қаҳромез дӯхт. Ин гапи падар ба вай нафорида. Сонӣ бо қаҳр гуфт:

-О, *ӯ маро зада, маслуқ кард.*

Падар лаб зери дандон гирифта, лаҳзае ба хаел рафт. (Шералӣ Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 147).

- *Хез, бобои Мирзоро гирифта бие.*

- *Бобои Мирзо чӣ лозим?*

- *Набераам дам шудагӣ*

- *Дам? Не, ӯ тарс хӯрдагӣ.*

Одам аз тарс ҳам дам мешавад. Бобои Мирзо дамбарор кунад, гул барин мешавад. – Дамбарор? – Пӯлод беқарор шуд. – Чӣ хел дамбарор? Ранге ки духтури ҳайвонот говамонро дамбарор кард? О, вай шикамаширо шикофт. Шиками маро ҳам сӯрох мекунад? (Шералӣ Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 148).

She would have liked to be of service to the weeds vegetating beside the paths, to slay herself there so that from her flesh some huge greenery might spring, lofty and sapful, laden with birds at May-time, and passionately caressed by the sun. (Британский национальный корпус 2015) – *Она хотела быть полезной травам, прозябавшим на краю аллея, она хотела бы убить себя так, чтобы из нее проросла великолепная, пышная, жирная зелень, куда в мае слетались бы птицы, а солнце дарило бы ей пылкие ласки свои!*

And Gandalf, your Mithrandir, he would have bidden you not to slay him for that reason, and for others. (Британский национальный корпус 2015) – *И Гэндальф, ваш Митрандир, наверняка просил бы уже поэтому не убивать его, а есть и другие причины.*

You must begin on the outside and walk it to its center without stopping. There is considerable resistance and the feat is quite an ordeal. If you stop, if you

*attempt to depart the Pattern before completing it, it will **destroy** you. – Ты должна выдержать испытание - дойти до центра Лабиринта не останавливаясь и никуда не сворачивая, иначе погибнешь.*

*We would, however, expressly emphasize the fact that this fixing of the order does not **destroy** the generality of the solution in any way.(Born, Max. Atomic Physics, 45) – Мы должны, однако, настоятельно подчеркнуть, что выбор нумерации никоим образом не ограничивает общности решения.*

*A more powerful pump laser pulse combined with ultrasound could be used to selectively **destroy** membranes of liposomes, so as to release contained drug in a required zone under the control of the method claimed. – Использование более мощного импульса лазера накачки в сочетании ультразвуком может использоваться для селективного разрушения мембран липосом с целью высвобождения содержащихся внутри них лекарств в нужной зоне под контролем предлагаемого метода.*

*At best, it would give him time to hide or **destroy** anything he didn't want seen; at worst, it could spook him into dropping into a hole so deep they might never find him. (Zahn, Timothy. A Coming Of Age, 45) – В лучшем случае это даст доктору время спрятать или уничтожить материалы, которые он не хочет показывать; в худшем же это может побудить его самого запрячься так глубоко, что они никогда не смогут его найти.*

*Princess Di and Charles certainly did their bit to **destroy** the myth of the joy of marrying the prince. (Lowndes, Leil. How to Make Anyone Fall in Love with Yo, 67) – Принцесса Диана и принц Чарльз определенно внесли свой вклад в разрушение мифа о счастье в браке с принцем.*

*He shall be our ally against our enemies in the island of Blefuscu, and do his utmost to **destroy** their fleet, which is now preparing to invade us.(Swift, Jonathan. Gulliver's travels into several remote nations of the world, 90) – Он должен быть*

нашим союзником против враждебного нам острова Блефуску и употребить все усилия для уничтожения неприятельского флота, который в настоящее время снаряжается для нападения на нас.

В приведенных выше предложениях глагол синонимического ряда семантикой деструкции *шикастан – ломать, разбивать* обладает широкой семантикой, лексические единицы *шикоф кардан – продырявливать, маъюб кардан – повредить, испортить* – узкой семантикой.

В английском языке широкой семантикой обладает глагол *destroy – разрушать, slay – убивать, лишать жизни* – узкой семантикой.

Также необходимо отметить, что при сопоставительном анализе дистрибуционные возможности разноязычных синонимических пар с тождественной направленностью на действительность различны. В значительной мере подобного рода расхождения обуславливаются несовпадением семантических структур слов. Так, нередки случаи, когда разные и с точки зрения одного языка несопоставимые “значения” в другом языке оказываются объединенным в одном слове. Например, в таджикском языке глагол *шикастан – ломать, разбивать* и *орзу шикастан – достичь желаемого*; в английском языке данные значения выражаются словами – *break – разбивать; achieve – достичь*:

Проиллюстрируем на материале художественных произведений:

Бие, соқи, даре бикшо бо рӯям,

Ба ҷоми бода бишкан орзӯям;

Орзу ба хок бурдан – ба мақсад нарасида мурдан – не достичь желаемого:

Атри кафан зи хоки дарат кардам орзу,

Холо бибин, ки мебарам ин орзу ба хок (ФЗТ. 1: 921).

*Austria urgently called on both sides in the armed conflict to **achieve** speedy and successful results in their negotiations, which were indispensable for the eradication of human rights violations in that country. .(Британский национальный корпус, 2015) – Австрия настоятельно призывает обе участвующие в конфликте стороны добиться скорейших положительных результатов в их переговорах, которые необходимы для искоренения нарушений в области прав человека в этой стране.*

*Reviewing the effectiveness of current country-level information and communication resources, redirecting them to support strategies and partnerships to **achieve** globally agreed goals. .(Британский национальный корпус, 2015) – Анализа эффективности имеющихся на страновом уровне информационно-коммуникационных ресурсов, перенаправления их на поддержку стратегий и партнерств для достижения согласованных на глобальном уровне целей.*

*The present invention is accompanied with examples, which, however, are not unique, but vividly demonstrate that it is possible to **achieve** the required technical effect owing to the combination of essential features. .(Британский национальный корпус, 2015) – Настоящее изобретение поясняется конкретными примерами, которые, однако, не являются единственно возможными, но наглядно демонстрируют возможность достижения приведенной совокупностью признаков требуемого технического результата.*

*Two situations exist in which it's sensible to **break** the rule that if a given function doesn't directly support a goal, it's outside the scope of the system.(Британский национальный корпус, 2015) – Итак, правило, утверждающее, что в систему следует включать только те функции, которые однозначно соответствуют целям системы, определенным в процессе анализа, имеет смысл нарушать в двух случаях.*

*She apprehended some mischief would happen to me from rude vulgar folks, who might squeeze me to death, or **break** one of my limbs by taking me in their hands.* (Swift, Jonathan. Gulliver's travels into several remote nations of the world, 34) – *Она боялась, как бы мне не вышло какого-нибудь худа от этих грубых, неотесанных людей, которые, беря меня на руки, могли задушить меня или причинить мне увечье.*

В свете изложенных фактов мы имеем основания полагать, что обращение к предметно-понятийному фактору для определения синонимов носит весьма условный характер. Во-первых, сам предметно-понятийный фактор, бесспорно, относителен в том смысле, что он от языка к языку видоизменяется, что и находит свое выражение в несовпадении семантических структур таджикских и английских слов с единой направленностью на действительность. Следовательно, определяя синонимию на основе предметно-понятийного фактора, мы можем его считать объективным только в той мере, в какой он является принадлежностью. Данной языковой системы, но никак не помимо нее [Звегинцев 2009:134]. А в традиционном истолковании синонимии предметно-понятийный признак принимается именно как объективно-внеязыковой. Во-вторых, смысловые связи слов нередко носят реликтовый характер, отражая своеобразие культуры и истории, которые послужили питательной средой для развития языка. Эти своеобразия создают тождественные условия дистрибуции, которые с абстрактно-логической точки зрения никак необъяснимы и не могут быть соотнесены с предметно-понятийным фактором, понимаемым как внеязыковая категория.

Далее рассмотрим стилистические или стилевые синонимы глаголов деструкции в таджикском и английском языках. Под стилистическими синонимами обычно понимают соотносимые друг с другом пары или ряды слов, имеющие общую предметно-понятийную основу, но различающиеся

своим экспрессивно-эмоциональным содержанием или стилистической окраской.

Также необходимо отметить, что стилистические синонимы отличаются от идеографических тем, что стилистические синонимы имеют двойное измерение – смысловое и стилистическое. При этом одно предполагает другое: для того, чтобы выявить их стилистические качества, мы должны сначала свести их к смысловым единствам. Термин «смысловой» здесь мы употребляем условно. Под данным термином мы понимаем все стилистические синонимы, сводимые к единому идеографическому потенциалу, который будет характеризоваться и единством дистрибутивных моделей. Например, в таджикском языке лексические единицы *несту нобуд кардан, торумор кардан, бар бод додан – уничтожать, убивать*, мы можем ставить в абсолютно тождественные дистрибутивные условия, без всякого изменения их идеографичности или смысла: *душманро несту нобуд кардан, торумор кардан, бар бод додан*. Изменяется лишь отношение к тому, о чем идет речь, а в изменении этого отношения и заключаются функции стилистических синонимов. Следовательно, сведение стилистических синонимов к смысловому единству – это их способность выступать в единых дистрибутивных условиях, выражая лишь разные отношения к предмету речи. Следует при этом заметить, что если на основе смыслового критерия эта категория синонимов объединяется, то на основе стилистического критерия она, наоборот, разъединяется. Эта их особенность создает парадоксальное положение, и его следует иметь в виду при последующем анализе. Начинать его нужно с некоторого внутреннего разграничения среди данной группы синонимов, без чего их рассмотрение может осложниться. Приведем примеры на материале таджикского и английского языков:

Шикастан – нейтральное

Кафондан – нейтральное

Вайрон (хароб) кардан – нейтральное

Маиб кардан – просторечное

Шал кардан – просторечное

Чун ҳисорро вайрон кардан, он дарро низ вайрон кардан (ФЗТ, 1: 222);

Ҳар он сар, ки дорад хаели гурез,

*Бибояд **кафонидан** аз теги тез.*

Ҳайбаташ алмоси сахтро бикафонад.

Чун бикафонад ду чаими мор зумуррад (ФЗТ. 1: 544)

Как видим, члены данного синонимического ряда делятся на две стилистические группы.

При сравнении данного синонимического ряда таджикского языка с английским языком были выявлены расхождения.

Break – нейтральное

Fracture – нейтральное

Quarry – разговорное

cause to ache – книжное

*OAU appealed to the international community to continue to support firmly the democratic process in South Africa and to reject any attempt to **fracture** the unity and territorial integrity of the country.* (Британский национальный корпус 2015) – *ОАЕ обратилась к международному сообществу с призывом и впредь решительно поддерживать демократический процесс в Южной Африке и*

отвергать любые попытки подорвать единство и территориальную целостность страны.

*The proposed methodology may help to identify the afore-said micro earthquake sources, adjacent to **fracture**.* (Британский национальный корпус 2015) – Предложенные способы могут помочь идентифицировать положения указанных очагов микро-землетрясений, находящихся вблизи разрыва.

*One of the optimization areas is to find out how to distinguish micro earthquakes adjacent to **fracture** from the ones rather distant from it.* (Британский национальный корпус 2015) – Одним из направлений оптимизации является нахождение способа отличать микро-землетрясения, близкие к разрыву, от микроземлетрясений, удаленных от него.

*Bethink thee, if thou dost relapse into thine infidelity, though thou are not so tender as a suckling pig— I would I had one to **break** my fast upon—thou art not too tough to be roasted!* (Британский национальный корпус 2015) – Смотри у меня, если вздумаешь снова впасть в беззаконие! Хоть ты и не слишком жирен, все-таки тебя можно поджарить.

*The room was quilted on all sides, as well as the floor and the ceiling, to prevent any accident from the carelessness of those who carried me, and to **break** the force of a jolt, when I went in a coach.* (Британский национальный корпус 2015) – Все стены комнаты, а также потолок и пол были обиты войлоком для предупреждения несчастных случайностей от неосторожности носильщиков, а также для того, чтобы ослабить тряску во время езды в экипаже.

*It would **break** his heart, but if that was how she felt, that was the way it would have to be.* (Британский национальный корпус 2015) – Это разобьёт ему сердце, но, если она хочет детей, пусть так и будет.

На основе приведенного выше иллюстративного материала, можно констатировать, что в пределах каждого класса у слов, входящих в него, не должно быть никаких стилистических различий; в противном случае они должны образовывать не один, а два или несколько классов. Здесь нельзя не согласиться с В.А. Звегинцевым, который отмечал, слова, входящие в один стилистический класс и рассматриваемые без соотношения со словами данного ряда (образованного на основе смысловой общности) из других стилистических классов, должны трактоваться так же, как мы трактовали смысловые синонимы [Звегинцев 2009: 143].

Сравнительное исследование любого материала, в том числе стилистических синонимов, требует выбора классификационной схемы для сравниваемых единиц. В своем исследовании общей для таджикского и английского языков мы выбрали стилистическую классификацию, данную Е.Ф. Арсентьевой. Автор выделяет три большие классы:

1. Книжные;
2. Литературные: а) литературно-разговорные единицы; б) просторечные; в) грубо-просторечные лексические единицы; г) жаргонные; д) формальные и неформальные;
3. Межстилевые, которые характеризуются отсутствием помет в словарях.

Согласно точке зрения Е.Ф. Арсентьевой, разговорная лексика не является единой целой. В состав литературно-разговорной лексики входят социально допустимые сниженные лексические единицы, которые употребляются в художественных произведениях. Они вносят в речь персонажей оттенок непринужденности и простоты. Просторечная лексика характеризуется как сниженностью, так и грубовато-сниженным содержанием.

Яркая образность и стилистическая сниженность также свойственна жаргонизмам [Арсентьева 2006:50-55].

Межстилевая лексика свойственна литературному языку во всех функциональных вариантах и включает слова, которые обозначают предметы быта [Бельчиков 2005: 39].

Стилистические синонимы были распределены, исходя из первичных и вторичных значений.

В таджикском языке в первую группу мы включили следующие межстилевые глаголы:

1. Задан, маърӯҳ кардан – бить, колечить ; 2. перен. ғалаба кардан – побеждать. [ТРС 2006: 222].

В английском языке в данную группу мы включили глаголы:

Slay – (*old-fashioned or literary*) to kill somebody/something in a war or a fight – уст. – Убивать, уничтожать;

Rend – to tear something apart with force or violence – отрывать, насильно разлучать;

Erase – to remove something completely – убрать полностью, уничтожать; крим. Убирать, мочить;

Strike – (*formal*) to hit somebody/something hard or with force – ударить, нападать. [OED Электронный ресурс].

Вторую группу в таджикском языке образуют:

1. (а) *Ба оғуш кашидан* – разг. тискать; б) *пӯст кандан* – прост. лупить; г) *даррондан, чок-чок кардан* – драть; *халондан* – пырнуть. [ТРС 2006: 431]

В английском языке данная группа не была выявлена.

Группу 2б в таджикском языке вошли глаголы:

Зарба расондан – садануть; гурсос (гуннос) карда задан – шарахнуть.

Группа 2 д была выявлена в английском языке:

Clobber – (informal) to hit somebody very hard – ударить, бить, избивать;

Tweak – (informal) to pull or twist something suddenly – нанести травму;

Slug – (informal) to hit somebody hard, especially with your closed hand – сильно ударить кулаком;

Whip – (informal) to hit a person or an animal hard with a whip, as a punishment or to make them go faster or work harder – (неофициальный) сильно ударить человека или животное кнутом в качестве наказания или для того, чтобы заставить их идти быстрее или работать усерднее. [OED Электронный ресурс].

Приведем примеры из художественной литературы:

But she has a tongue that scalds and that bites like a bull whip. (Hemingway. Ernest. For Whom The Bell Tolls, 78) – *Но язык у нее такой, что только держись. Как бичом хлещет.*

Третья группа является самой обширной. В таджикском языке данную группу образует лексические единицы без каких-либо стилевых помет:

Задан – бить;

Афтондан, галтондан – валить;

Халондан – вонзать;

Шикаст додан – громить;

Хафа кардан – давить;

Маҳв кардан – истребить [ТРС 2006].

Данную группу в английском языке образуют:

Bend – to force something that was straight into an angle or a curve – сгибать, гнуть;

Bite – to use your teeth to cut into or through something – кусать, жалить;

Champ – to bite or eat something noisily, раздавливать;

Flog – to punish somebody by hitting them many times with a whip or stick – бить, пороть.

We have these moments of weakness, the bravest of us; but I have a spirit like a slip of steel, for the more you **bend** it the higher it springs. (Conan Doyle, Arthur. The Adventures of Brigadier Gerard, 67) – Даже у самых отважных бывают минуты слабости; но у меня дух, как стальная пружина, — чем больше его сгибаешь, тем выше он рвется вверх.

Sometimes being taveren means the Pattern is forced to **bend** to you, and sometimes it means the Pattern forces you to the needed path. (Jordan, Robert. The Eye of the World, 23) – Иногда быть та'верен, означает, что Узор вынужден изогнуться к вам, а иногда это значит, что Узор вынуждает вас следовать определенным путем.

A blade that can **bite** the Devil. A cool finger of dread traced up my spine. (Saintcrow, Lilith. Saint City Sinners, 90) (Bronte, Charlotte. Jane Eyre, 78) – «Клинок, способный ужалить дьявола», — подумала я, и холодок смерти пробежал у меня по спине.

'Now,' said he, releasing his under lip from a hard **bite**, 'just hand me my whip; it lies there under the hedge.' – Ну вот, - сказал он; и я видела, что он уже не кусает себе губы. - Дайте мне мой хлыст, вон он лежит возле изгороди.

He considered awhile, with the caution of one who endeavours to lay hold on a small dangerous animal in such a manner that it shall not be able either to scratch or **bite** him, as I myself have sometimes done with a weasel in England. (Swift, Jonathan. Gulliver's travels into several remote nations of the world, 89) – С минуты он наблюдал меня с тем опасливым видом, какой бывает у нас, когда мы хотим ухватить какого-нибудь зверька так, чтобы он не оцарапал или не укусил нас; я сам хватал иногда, таким образом, хорьков в Англии.

And he thought of what Cecil Thunder had said: that Mr Gleeson would not **flog** Corrigan hard. (Joyce, James. A Portrait of the Artist as a Young Man, 89) – И он подумал о том, что сказал Сесил Сандер: мистер Глисон не будет больно сечь Корригана.

He knew again the stink, the cramped and warty bunk, the never relaxed fear that he might be dragged out and **flogged**. (Lewis, Sinclair. It can't happen here, 67) – Та же вонь, та же узкая с выбоиной койка и неотпускающее чувство страха, что в любой момент его потащат пороть.

Согласно точке зрения Е.Ф. Арсентьевой, семантическая структура лексических единиц включает также следующие функционально-стилистические компоненты: 1) хронологическая характеристика; 2) социальный конкретизатор (профессионализмы, жаргонизмы, арготизмы, сленгизмы); 3) территориальный конкретизатор, имеющий социолингвистический характер и связан с историей общества [Арсентьева 2006:50-55].

Территориальный конкретизатор был выявлен нами на материале английского языка, имеющий в словаре помету «американизм»:

slug somebody (informal) to hit someone hard, especially with your closed hand – *сильно ударить кого-то, особенно рукой;*

slug it out – *to fight or compete until it is clear who has won* – *бороться или соревноваться до тех пор, пока не станет ясно, кто победил* [Amer.OED 2006: 1668].

Выводы по третьей главе

Результаты проведенного количественного анализа глаголов со значением «деструкция» показывают, что в исследуемых языках (таджикском и английском) преобладают межстилевые глаголы, которые могут использоваться во всех функциональных стилях речи.

В таджикском языке: межстилевые глаголы составляют 80% от общего количества глаголов со значением «деструкция»; литературно-разговорные глаголы составляют 12,9%; просторечные глаголы составляют 2,9%; книжные глаголы составляют наименьшую группу (1%).

В английском языке: межстилевые глаголы составляют 82% от общего количества глаголов со значением «деструкция»; книжные глаголы составляют 11,3%; разговорные глаголы составляют 4,5%.

Анализ показывает, что в таджикском и английском языках глаголы со значением «деструкция» в основном нейтральны с точки зрения функционального стиля. Это говорит о том, что эти глаголы широко используются в различных контекстах и являются основой словарного запаса для описания деструктивных действий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет констатировать о многомерности системной организации лексики, понимая в данном случае под измерениями такой системы крупные факторы, определяющие положение лексической единицы в системе языка. Этим обстоятельством объясняется не только наличие, но и необходимость разностороннего подхода к изучению лексики, возможность построения ряда классификаций лексики и важность совмещения различных подходов к анализу лексической системы естественного языка.

Также было установлено, что семантический дифференциальный признак как наименьшая единица семантики, не поддающаяся дальнейшему членению, противостоит и морфеме и слову как единица языка, обладающая двусторонней природой. Семантический дифференциальный признак служит лишь для семантического различия и принадлежит плану содержания. Значение единиц языка включает один или несколько семантических дифференциальных признаков, вместе с тем один и тот же дифференциальный признак может быть включен в состав значений нескольких единиц.

Основная функция глаголов деструкции в таджикском и английском языках – номинативная (называют деятельность, действия, процессы, которые имеют отрицательные для человека последствия). Метафора, будучи основным инструментом познания мира, репрезентирует общее мировидение двух лингвокультур. Своеобразным для таджикского языка является употребление глаголов с семантикой «деструкция» при номинации интенсивного действия, который не связан со всеми процессами уничтожения. Английский язык характеризуется номинацией таких видов как изменение размеров, объема, стоимости, получение или приобретение чего-либо, побуждение к какой-либо деятельности, мыслительная деятельность.

Специфика моделирования постоянной семантической деривации в таджикском и английском языках, обусловлено главным образом своеобразием образных компонентов, детерминированных спецификой языкового сознания. Своеобразие было выявлено также относительно грамматических особенностей глагольных лексем со значением «деструкция», влияющие на семантическую структуру глаголов в системе разноструктурных языков. В таджикском языке лексико-семантические группы деструкции включают в свой состав описательные глагольно-именные конструкции. В английском языке глаголы функционируют как переходные и каузативные, так и непереходные и инактивные.

Анализ фактического материала позволил установить, что вторичные значения глаголов деструкции характеризуют деятельность человека, а также разные процессы, которые связаны с данной деятельностью. Количественные расхождения проявляются в том, что в двух языках наиболее распространенными являются глаголы деструкции, обозначающие уничтожения нематериальных объектов, разрушение тех или иных социальных явлений. В таджикском языке наиболее важным является использование глагольных лексем со значением «деструкция» при обозначении душевного и физического дискомфорта. В английском языке значимым является употребление глаголов деструкции для обозначения каузации душевного дискомфорта, получения, приобретения чего-либо каким-либо способом и движения в каком-либо направлении.

В целом анализируемая группа глагольных слов представляет собой довольно тесное лексико-семантическое единство, члены которого соединены между собой различными по силе и характеру связями. В центре этого единства оказываются слова, в которых наиболее полно представлены свойства всей группы.

Разумеется, проведенное нами исследование глаголов деструкции не исчерпывает ни возможности сопоставительного изучения языков, ни проблематику семантического исследования глаголов деструктивной семантики. Несомненно, однако, что большой охват языкового материала, как разных языков, так и более широкого круга слов отвечал бы интересам как теоретического языкознания, так и его применений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллоева, З.С. Многозначность производной лексики в произведениях Низами (имя существительное, прилагательное, наречие): автореф. канд. филологических наук: 10.02.22 / З.С. Абдуллаева. – Душанбе, 2017. – 16с.
2. Алексенко, Т. А. Регулярность полисемии в терминосистемах современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Алексенко. - М., 1987. - 194с.
3. Античные теории языка и стиля / под ред. О. Фрейденберг. — М.; Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. - 368с.
4. Аминова, А. А. Семантические модификации глагольного слова в русском языке (на примере отдельно взятых глаголов разных лексико-тематических групп) / А. А. Аминова // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2006. - Т. 148.-КН.3.-С. 14-21.
5. Апресян, Ю. Д. О регулярной многозначности / Ю. Д. Апресян // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. - Т. XXX Вып. 6. - М., 1971. - С. 509-523.
6. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. -М.: «Наука», 1974. - 367с.
7. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. - М.: Языки русской культуры, 1995. - Т. I - VIII. - 472с.
8. Аристотель. Риторика (Книга III) / Аристотель // Аристотель и античная литература. - М.: Наука, 1978. - С. 164-229.

9. Арнольд, И. В. Семантическая структура слова и методика ее исследования / И. В. Арнольд. - Л.: Просвещение, 1966. - 192с.
10. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика, Интертекстуальность: сб.ст; [науч. ред. П. Е. Бухарин] / И. В. Арнольд. - СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1999. - 444с.
11. Арнольд, И. В. Стилистика: современный английский язык: учебник для вузов / И. В. Арнольд. - 4-е изд., испр. и доп. - М.: Флинта; Наука, 2002. - 384с.
12. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология и фразеогрфия в сопоставительном аспекте / Е. Ф. Арсентьева. - Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2006. - 172с.
13. Арутюнова, Н. Д. Наивные размышления о наивной картине мира / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке - М., 2000. - С. 7-23.
14. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. М.: «Издательство АСТ», 2000. - С. 296-297.
15. Атамова, С.М. Лингвоспецифические характеристики глагола «знать» таджикского и русского языков: автореф. канд. филологических наук: 10.02. 20 / С.М. Атамова. – Душанбе, 2010. – С. 12.
16. Афанасьева, С. П. Регулярная полисемия абстрактных существительных со значением процесса (на материале английской строительной терминологии): дис. ... канд. филол. наук / С. П. Афанасьева. — Л., 1984. — 185с.
17. Байрамова, Л. К. Введение в контрастивную лингвистику / Л. К. Байрамова. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. - 116с.

18. Багичева, Н. В. Регулярное варьирование семантики существительных, обозначающих отношения родства: дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Багичева. - Екатеринбург, 1995. - 240с.

19. Балалыкина, Э. А. Русское словообразование / Э. А. Балалыкина, Г. А. Николаев. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. - 183с.

20. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. - 416с.

21. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли [пер. с фр. К. А. Долинина], [под ред. Е. Г. Эткинда]. -М. : Изд-во иностранной литературы, 1961. - 394с.

22. Баранчеева, Е. И. К вопросу о границах ЛСГ (на примере ЛСГ глаголов обработки) / Е. И. Баранчеева // Аспирантский сборник НГПУ. - Новосибирск, 2003. - Ч.3. - С. 73-78.

23. Бахмутова, Н. И. О понятии регулярности в развитии переносных значений слов / Н. И. Бахмутова // Проблемы развития языка: межвуз. сб. ст. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1977. - Вып. 1. — С. 26-35.

24. Бахмутова, Н. И. О типологии регулярных переносных значениях глагола / Н. И. Бахмутова // Русский глагол в сопоставительном освещении: сб. ст. - Саратов, 1984.-С. 106-116.

25. Безродных, А. И. Проблема классификации глагольной лексики (глаголы физического действия) / А. И. Безродных // Вопросы филологии и методики ее преподавания. - Киров, 2000 — С. 5-13.

26. Безрукова А.В. Семантика и функционирование глаголов, выражающих эмоциональное отношение / А.В. Безрукова // Исследования по лексике и грамматике германских языков. – Вып. 532, 1980. — 154 с.

Бельчиков, Ю. А. Лексическая стилистика. Проблемы изучения и обучения / Ю. А. Бельчиков. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: КомКнига, 2005. - 176с.

27. Беляевская, Е. Г. Семантика слова: учебное пособие для ин-тов и фак. ин.яз.: для изучающих англ. яз. / Е. Г. Беляевская. - М.: Высшая школа, 1987. - 127с.

28. Бессарабова, Н. Д. Метафора как языковое явление / Н. Д. Бессарабова // Значение и смысл слова. - М., 1987. - С. 156-173.

29. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. - М., 1990. - С. 153-173.

30. Бондарко, А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. - Л., 1971. - С. 45.

31. Боровикова, Н. А. Особенности семантической структуры лексикосемантической группы глаголов разделения / Н. А. Боровикова // Семантические классы русских глаголов: межвузовский сборник научных трудов. - Свердловск, 1982. - С. 66-70.

32. Боровикова, Н. А. Регулярная многозначность в лексико-семантических группах русских глаголов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Боровикова. — Воронеж, 1985.

33. Боярская, Е. Л. Когнитивные основы формирования новых значений полисемантических существительных современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук / Е. Л. Боярская. - Калининград, 1999. — 217с.

34. Буйнова, О. Ю. Производно-метафорическое значение в развитии семантической структуры слова: дис. ... канд. филол. наук / О. Ю. Буйнова. -М., 1998.-188с.

35. Бурлакова, В. В. Влияние семантики глагола на значение зависимых компонентов / В.В. Бурлакова // Исследования по лексике и грамматике германских языков. – Вып. 532, 1980. — 154 с.

Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. - М., 1982. — С. 7-85.

36. Валько, О. В. Фрейм деструктивного действия и особенности его актуализации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / О. В. Валько. - Кемерово, 2005. - 190с.

37. Васильев, Л. М. Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания, 1971. -№5.-С . 105-113.

38. Васильев, Л. М. Полисемия / Л. М. Васильев // Исследования по семантике. - Уфа, 1975. - С. 3-10. 39. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола: учебное пособие для факультета повышения квалификации / Л. М. Васильев. - М: Высшая школа, 1981.-184с.

40. Васильев, Л. М. Принципы семантической идентификации глагольной лексики / Л. М. Васильев // Семантические классы русских глаголов: сб. ст. — Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1982. - С. 11-15.

41. Васильев, Л. М. Значение в его отношении к системе языка: учебное пособие по спецкурсу / Л. М. Васильев. - Уфа: Изд-во Башкирского гос. унта, 1985.-62с.

42. Васильева, С. Г. Современный русский язык. Лексикология и фразеология: учебное пособие для вузов по специальности «Филология» / С. Г. Васильева. - Казань: РИЦ «Школа», 2005. - 156с.

43. Ваулина, Е. Ю. Метафоризация глагола в современном русском языке (на материале глаголов активного физического воздействия): дис. ... канд филол. наук / Е. Ю. Ваулина. - С-Пб., 1994. - 160с.

44. Ваулина, Е. Ю. Метафоризация глагола в современном русском языке (на материале глаголов активного физического воздействия): автореф. дис. ... канд филол. наук / Е. Ю. Ваулина. - С-Пб., 1994. - 21с.

45. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. - М., Л., 1947. - 639с.

46. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания, 1953. - №5. - С. 3-29.

47. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений / В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. - С. 162-189.

48. Гайсина, Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р. М. Гайсина. - Саратов, 1981. - 195с.

49. Гайсина, Р. М. К семантической типологии глаголов русского языка / Р. М. Гайсина // Семантические классы русских глаголов: межвузовский сборник научных трудов. - Свердловск, 1982. - С. 15-21.

50. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. - М.: «Международные отношения», 1977. - 264с.

51. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте / В. Г. Гак [и др.]; Отв. ред. В. Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1988. - Гл. 1.- С. 11 - 26.

52. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка: учебник для вузов / И. Р. Гальперин. - М.: Высшая школа, 1977. - 332с.

53. Гарипова, Н. Д. К лингвистической характеристике глагольных метафор в современном русском языке / Н. Д. Гарипова // Вопросы теории и методики русского языка. -Ульяновск, 1969. — С. 305-313.

54. Гарипова, Н. Д. К характеристике семантической структуры многозначных глаголов / Н. Д. Гарипова // Очерки по семантике русского глагола: сб. ст. - Уфа: Ульяновский гос. пед. ин-т им. И. Н. Ульянова, 1971. — С.3-11.

55. Герви, О. Ю. Виды лексической полисемии в структуре дискурса (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / О. Ю. Герви. — М., 2001.-242с.

56. Гинзбург, Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия / Е. Л. Гинзбург. - М.: Наука, 1985. - 223с.

57. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. - С-Пб., 2000. - 190с.

58. Гольдберг, В. Б. Контрастивный анализ лексико-семантических групп (на материале английского, русского и немецкого языков): учебное пособие / В. Б. Гольдберг. - Тамбов: Тамбовский ун-т, 1988. - 56с.

59. Голубовская, И. А. Структурно-семантические особенности глагольной полисемии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Голубовская. - Киев: Киевский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 1989. — 27с.

60. Гопштейн, М. А. Полисемия в разных частях речи (в современном английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Гопштейн. - М., 1977.-21с.

61. Гузеев Ж. М. Лексикографическая разработка многозначных слов и генетически родственных омонимов в толковых словарях тюркских языков / Ж.М. Гузеев // Советская тюркология, 1982. – № 2. – С. 19.

62. Гусев, С. С. Наука и метафора / С. С. Гусев. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984.-152с.

63. Данилова, З. В. Семантическая структура английских глаголов break, burst, crack, cut, smash, split, tear: автореф. дис. ...канд. филол. наук / З. В. Данилова. - Киев, 1983. - 22с.

64. Демьянков, В. З. «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста / В. З. Демьянков // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. - 1983. - Т. 42. - № 4. - С. 320-329.

65. Денкс, Е. Н. Библиография советской литературы по лексикосемантическим группам глаголов (словообразование) / Е. Н. Денкс, Э. В. Кузнецова // Семантические классы русских глаголов. - Свердловск, 1982. — С. 141-150.

66. Деринг, Т. Н. Из истории о ЛСГ глаголов разрушения / Т. Н. Деринг // Молодая филология. - Новосибирск, 1998. - Вып.2. - С. 212-217.

67. Дикусарова, Е. В. Семантико-синтаксические свойства отыменной глагольной конверсии типа N—*Y (падежно-семантический и словосочетательный подход): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е. В. Дикусарова. — Пятигорск, 1995. - 16с.

68. Долгих, А. И. Семантическая деривация и различные группировки русской лексики: учебное пособие / А. И. Долгих. - Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т, 1984.

69. Долгих, Н. Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии / Н. Г. Долгих // Филологические науки, 1973. - №1. - С. 89-98.

70. Дупяк, Т. М. Системные критерии разграничения полисемии и широкозначности / Т. М. Дупяк // Функциональные и семантические особенности языковых явлений. - Волгоград, 1994. - С. 129-137.

71. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры: сб.ст. - М.: Прогресс, 1990. - С. 173 - 193.

72. Дюжикова, Е. А. Развитие метафорических значений сложных существительных в английском языке: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Дюжикова - М., 1984. - 205с.

73. Жданова, О. П. Лексико-семантические группы русских глаголов / О. П. Жданова. - Иркутск, 1989. - 356с.

74. Зайнуллина, Л. М. Лингвокогнитивное исследование адъективной лексики (на материале английского, немецкого, русского, башкирского, французского и немецкого языков) / Л. М. Зайнуллина. - Уфа: РИО БашГУ, 2003. - 256с.

75. Зализняк, Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии. Проект «каталога семантических переходов» / Анна А. Зализняк // Вопросы языкознания, 2001. - № 2. - С. 13-25.

76. Зализняк, Анна А. Феномен многозначности и способы его описания / Анна А. Зализняк // Вопросы языкознания, 2004. - № 2. — С. 20-45.

77. Зализняк, А. М. О группировке значений в словообразовательном гнезде бить I А. М. Зализняк // Научные труды Ташкентского ун-та, 1973. - Вып.449. - С. 44-50.

78. Зализняк, А. М. Семантическая соотносительность производных и производящих слов в словообразовательном гнезде бить I А. М. Зализняк // Научные труды Ташкентского ун-та, 1974. - Вып.466. - С.30-37.

79. Зализняк, А. М. Синонимические связи компонентов словообразовательного гнезда бить I А. М. Зализняк // Ученые записки Ташкентского пед. ин-та, 1975. - Т. 143. - Вып.1. - С.382-384.

80. Зализняк, А. М. Типы одноименности в словообразовательном гнезде бить I А. М. Зализняк // Научные труды Ташкентского ун-та, 1980. - Вып. 629. - С. 24-28.

81. Звегинцев, В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. - М.: Изд-во МГУ, 1957. -321с.

82. Звегинцев, В. А. Очерки по общему языкознанию / В. А. Звегинцев. - М.: Изд-во МГУ, 1962. - 384с.

83. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. - М., 1982. - 368с.

84. Золотова, Г. А. Слово в «Синтаксическом словаре» / Г. А. Золотова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. - 1983. — Т. 42. - Вып.1. - С. 27-32.

85. Иванова, К. А. Пути и типы развития лексических значений многозначных глаголов в английском языке: лекция / К. А. Иванова. - Л., 1957. - 30с.

86. Ивлиев, И. В. Лексикографическое описание глаголов со значением лишения жизни в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / И. В. Ивлиев. - М., 1998.-199с.

87. Калашникова, Т. В. Роль метафоры в становлении языковых значений (на примере сакральной лексики в германских языках): дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Калашникова. - М., 1995. - 227с.

88. Камалова, А. А. Категория состояния как понятийное поле и способы его выражения в современном русском языке / А. А. Камалова // Исследования по семантике, Уфа: Башкирский гос. ун-т им. 40-летия октября. - 1983. - С. 71-81.

89. Камелова, С. И. О механизме формирования переносных значений / С. И. Камелова // Облик слова. - М., 1997. - С. 58-64.

90. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. - М., 1976.-356с.

91. Каримова, Н.И. Лексико-семантическая классификация некоторых групп глаголов в русском и таджикском языках в сопоставительном плане: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20 / Н.И. Каримова. – Душанбе, 2006. – С. 16.

92. Карпова, Н. С. Роль метафоры в развитии лексико-семантической системы языка и языковой картины мира (на материале английских и русских неологизмов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Карпова. - Саратов, 2007.-21с.

93. Карпова, Н. С. Роль метафоры в развитии лексико-семантической системы языка и языковой картины мира (на материале английских и русских 301 неологизмов): дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Карпова. — Саратов, 2007. — 248с.

94. Касарес, Х. Введение в современную лексикографию / Х. Касарес [пер. с исп. Н. Д. Арутюновой]. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. — 354с.

95. Качалова, К. Н. Практическая грамматика английского языка / К. Н. Качалова, Е. Е. Израилевич. - М.: Юнвес, 1995. - 560с.

96. Кильдибекова, Т. А. Структура поля глаголов действия: учебное пособие / Т. А. Кильдибекова. - Уфа: БГУ, 1983. - 75с.

97. Кильдибекова, Т. А. Глаголы действия в современном русском языке. Опыт функционально-семантического анализа / Т. А. Кильдибекова. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. - 160с.

98. Клеопатрова, Л. Ф. Некоторые аспекты сопоставления семантически близких групп слов / Л. Ф. Клеопатрова // Семантические классы русских глаголов: межвузовский сборник научных трудов. - Свердловск, 1982. — С. 41-45.

99. Клишин, А. И. Конкретные и абстрактно-метафорические значения в структуре глагола (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук / А. И. Клишин. - С.-Пб, 2000. - 284с.

100. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: учебник для вузов / И. М. Кобозева. - М.: Эдиториал УРСС, 2000. - 350с.

101. Кожемякова Е. А. Развитие полисемии современных цветообозначений из синкретичного обозначения их древних форм / Е. А. Кожемякова // Теория языкознания и русистика: наследие Б. Н. Головина. - Н. Новгород, 2001. - С. 169-172.

102. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка: учебник для студентов пед. ин-тов / М. Н. Кожина. - М.: Просвещение, 1983. - 223с.

103. Колпакова, Г. В. Семантика языковой единицы / Г. В. Колпакова. — Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2004. - 216с.

104. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. — М.: Наука, 1980.-150с.

105. Кононова, И. В. Метафорическое варьирование семантики английского глагола: дис. ... канд. филол. наук / И. В. Кононова. - СПб., 1998. - 166с.

106. Кодухов, В. И. Введение в языкознание / В. И. Кодухов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Просвещение, 1987. - 286с.

107. Козинец, С. Б. Факторы развития переносных значений в гнездах деструктивных глаголов / С. Б. Козинец // Предложение и слово: сб.ст. - Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1999. - С. 128-132.

108. Кочетков А.Н. Семантика и функционирование аналитических эквивалентов глагола / А.Н. Кочетков // Исследования по лексике и грамматике германских языков. – Вып. 532, 1980. — 154 с.

Кретов, А. А. Семантические процессы внутри ЛСГ глаголов зрительного восприятия / А. А. Кретов // Исследования по семантике. - Уфа, 1982. — С. 74-79.

109. Кретов, А. А. Функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия в современной русской прозе / А. А. Кретов // Проблемы глагольной семантики: сб. ст. - Свердловск, 1984. - С. 78-85.

110. Кронгауз, М. А. Семантика: учебник для студентов вузов, обучающихся по спец. «Теоретическая и прикладная лингвистика» направления подгот. дипломированных специалистов «Лингвистика и новые

информационные технологии» / М. А. Кронгауз. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Академия, 2005. - 350с.

111. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. - М.: Наука, 1989. - 186с.

112. Крысин, Л. П. Русский литературный язык на рубеже веков / Л. П. Крысин // Русская речь. - 2000. - №1. - С. 35-40.

113. Кузнецова, Э. В. Полисемия и ее отношение к слову и понятию / Э. В. Кузнецова // Язык и мышление. - М.: Наука, 1967. - С.208-214.

114. Кузнецова, Э. В. Метод ступенчатой идентификации в описании лексикосемантической группы слов / Э. В. Кузнецова // Проблемы моделирования языка: сб.ст. - Тарту, 1969. - Ч . 2. - Вып. 3. - С. 228-238.

115. Кузнецова, Э. В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов (к вопросу о природе лексикосемантических групп слов): автореф. ... канд. филол. наук / Э. В. Кузнецова. -М., 1974.

116. Кузнецова, Э. В. О соотношении многозначности и функциональной эквивалентности слов / Э. В. Кузнецова // Филологические науки. — 1978. - №2.-С . 97-103.

117. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. - М., 1982.-151с.

118. Кузнецова, Э. В. Итоги и перспективы семантической классификации русских глаголов / Э. В. Кузнецова // Семантические классы русских глаголов: сб. ст. - Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1982. - С. 3-10.

119. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. - М.: Высшая школа, 1986. - 336с.

120. Курлова, И. В. Выражение эмоционального состояния глаголами различных групп: дис. ... канд. филол. наук / И. В. Курлова. - М., 1996. - 22с.

121. Кустова Г. И. Модели семантической деривации (семантическая парадигма глаголов способа) / Г. И. Кустова // Труды международного семинара «Диалог '97» по компьютерной лингвистике и приложениям. - М., 1997.-С. 165-169.

122. Кустова, Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений / Г. И. Кустова // Вопросы языкознания. - 2000. - №4. - С . 85-109.

123. Кустова Г. И. Неметафорические когнитивные модели в семантической деривации / Г. И. Кустова // Обработка текста и когнитивные технологии: сб. ст. - Казань, 2001. - С. 204- 205.

124. Лазарева, Э. А. Библиография советской литературы по лексикосемантическим группам глаголов / Э. А. Лазарева, Э. В. Кузнецова // Классы слов и их взаимодействие. - Свердловск, 1979. - с. 141-154.

125. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры: сб. ст. - М.: «Прогресс», 1990. - С. 387-415.

126. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 792с.

127. Лапшина, М. Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук / М. Н. Лапшина. - СПб., 1996.-331с.

128. Лепешев, И. Я. Проблемы фразеологической стилистики и фразеологической нормы в современном белорусском и литературном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. Я. Лепешев. - Минск, 1984. - 37с.

129. Лещева, Л. М. Связь лексических значений в семантической структуре слова: дис. ... канд. филол. наук/Л. М. Лещева. -Минск, 1985.

130. Липилина, Л. А. Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций: дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Липилина. - Калининград, 1998. - 253с.

131. Литвин, Ф.А. Многозначность слова в языке и речи: учебное пособие для пед. ин-тов по спец. №2103 «Иностр.яз.» / Ф. А. Литвин. - М.: Высшая школа, 1984.- 119с.

132. Лукашевич, Е. В. Теория значения слова: эволюционно-прогностический аспект: дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Лукашевич. - М., 2003.

133. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления / Н. А. Лукьянова. -Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. - 230с.

134. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры: сб. ст. - М.: «Прогресс», 1990. - С. 358-386.

135. Максапетян А. Г. Каузация. Лингвистические и экстралингвистические аспекты / А. Г. Максапетян. - Ереван, 1990.

136. Марков, В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке / В. М. Марков. - Ижевск: Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия СССР, 1981.-30с.

137. Маркот, Я. И. Семантико-синтаксическая структура предложений с глаголами физического воздействия в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я. И. Маркот. - Минск, 1990. - 22с.

138. Марчук, М. В. Динамика лексических значений многозначных слов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. В. Марчук. - М., 1996. - 59с.

139. Матвеева, Т. В. Лексическая экспрессивность в языке: учебное пособие / Т. В. Матвеева. - Свердловск, 1986. — 92с. 140. Медникова, Э.М. Значение слова и методы его описания / Э. М. Медникова. - М.: Высшая школа, 1974. - 202 с.

141. Миронова, Л. Ю. Вид глагола и соотношение лексико-семантических вариантов многозначного слова: дис. ... канд. филол. наук / Л. Ю. Миронова. — Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2004. — 218с.

142. Михалев, Г. И. Регулярная полисемия относительных прилагательных брянских говоров: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Г. И. Михалев. — Л.: Лен. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1990. - 20 с.

143. Морковкин, В. В. Слово как номинативная и коммуникативная единица / В. В. Морковкин // Probleme der sprachlichen Nomination: сб. ст. — Leipzig, 1982.-С. 60-74.

144. Мухортов, Д. С. Вариативность значения слова в функциональнодифференцированной речи: дис. ... канд. филол. наук / Д. С. Мухортов. -М., 2003.-207с.

145. Нагзибекова, М.Б. Проблемы исследования глагольных конструкций с зависимым объектом в русском и таджикском языках: В

вероятностно-статистической интерпретации: дис. ... д-ра филологических наук: 10.02.20. – Душанбе, 2000. – С.26.

146. Назаров, С. И. Семантика и функционирование английских каузативных глаголов, обозначающих изменение состояния предмета: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. И. Назаров. — Л., 1987. - 16с.

147. Назирова, М. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения английского, русского и таджикского языков: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20 / М. Назирова. – Душанбе, 2009. – С. 16.

148. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. -М. : Высшая школа, 1988. - 168с.

149. Николаева, Т. М. Системный характер семантических изменений / Т. М. Николаева // Языковая семантика и образ мира: 200-летию Казанского гос. университета посвящается. - Казань, 1998. - С. 87-92.

150. Ничман, З. В. К вопросу о лексико-семантических группах слов / З. В. Ничман // Проблемы русского языка: сб. науч. тр. - Новосибирск: Новосибирский пед. ин-т, 1973. - Вып. 31. - С. 57-65.

151. Новиков, Л. А. Семантика русского языка: учебное пособие / Л. А. Новиков. - М.: Высшая школа, 1982. - 272с.

152. Новоселова, Т. И. Об изучении тематических групп лексики / Т. И. Новоселова // Русский язык в школе. - 1972. - №1.

153. Новоселова, Т. И. Об особенностях многозначности глаголов обработки / Т. И. Новоселова //Лексико-семантические группы современного русского языка: сборник научных трудов. - Новосибирск: изд-во НГПИ, 1985. - с. 55- 63.

154. Овакимян, Л. Б. Когнитивные аспекты семантики производного слова: дис. ... канд. филол. наук/Л. Б. Овакимян. -М., 1995.

155. Огурцов, А. П. Этапы интерпретации системности научного знания / А. П. Огурцов // Системные исследования: ежегодник. -М., 1974.

156. Омеляненко, Т. Н. Пути образования общеупотребительных и терминологических значений в семантической структуре английского существительного: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Омеляненко. — М., 1998.

157. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте. - М., 1988. - С. 65-77.

158. Орехова Н.Н. Глаголы объектно-пространственной направленности в современном английском языке: дисс... канд. Филологических наук. — Киев, 1973. — 24 с.

Ольшанский, И. Г. Полисемия в системе языка и структуре текста / И. Г. Ольшанский // Иностранные языки в высшей школе. — М.: Высшая школа, 1982.-Вып. 17.-С. 81-93.

159. Падучева, Е. В. О парадигме регулярной многозначности (на примере глаголов звука) / Е. В. Падучева // НТИ/ВИНИТИ. - Серия 2. - 1998. - №4. - С. 28-40.

160. Падучева, Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. - 1998. - №5. - С.2-23.

161. Падучева, Е. В. Семантика глаголов выбора / Е. В. Падучева // Изв. АН СССР. - Серия литературы и языка. - Т.57. - 1999. - №2. - С. 19-26.

162. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 608с.

163. Падучева, Е.В. Семантические исследования. Семантика вида и времени в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 476 с.

164. Петрова, З. Ю. Системный характер ^метафорических значений и употреблений слов в русском языке (на материале обозначений эмоциональных состояний человека): дис. ... канд. филол. наук / З. Ю. Петрова. - М., 1989. - 24с.

165. Петрова, Л. А. Взаимодействие глагольных и именных парадигм во внутрисловной деривационной структуре многозначной глагольной лексемы (на материале глаголов физического действия): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Петрова. - М., 1992. - 16с.

166. Петрущенко, Т. А. Регулярная полисемия глагола и образование новых значений: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Петрущенко. - Л., 1980.-21с.

167. Плотников, Б. А. Основы семасиологии / Б. А. Плотников. – Минск, 1984. – С. 43.

168. Позднякова, Н. Г. Основные закономерности развития семантической структуры слова в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Позднякова. - М., 1987.

169. Покровский, М.М. Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. - М.: Изд-во АН СССР, 1959. - 382с.

170. Полевые структуры в системе языка / [З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляева и др.; науч. ред. З. Д. Попова]. — Воронеж: изд. Воронежского ун-та, 1989.-196с.

171. Попова Т. В. Деривационно-семантическое пространство русского глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Попова. — Екатеринбург, 1998.-57с. 172. Потапенко, Т. А. К вопросу о лексико-семантических признаках глаголов с общим значением воздействия на предмет / Т. А. Потапенко // Актуальные вопросы грамматики и лексики современного русского языка, 1976- С. 112- 130.

173. Потапенко, Т. А. Лексико-семантическая характеристика глаголов с общим значением разрушительного воздействия на объект / Т. А. Потапенко // Филологические науки. - 1982. - №2.

174. Потапова, Н. П. О динамических аспектах системы значений глаголов / Н. П. Потапова // Теоретические проблемы деривации: сб.ст. - Пермь, 1982.

175. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. - М.: «Искусство», 1976.-614с.

176. Поцыбина, Е. П. Роль метафоры в развитии семантики глаголов тематической группы «Процессы земледельческого труда»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Поцыбина. - М., 1993. - 30с.

177. Прокопов, В. В. Основные лексико-семантические группы русских глаголов / В. В. Прокопов. - Самарканд, 1945.

178. Прохорова, В. Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в русском языке: лекции по спецкурсу для студентов заочников гос. ун-тов / В. Н. Прохорова. - М.: Изд-во МГУ, 1980. - 88с.

179. Разова, Е. В. Семантика и валентность глаголов разрушения в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Разова. - Вологда, 2003.-178с.

180. Рахимова, Ш.Б. Эмотивные глаголы как компонент функционально-семантического поля эмотивности в русском и таджикском языках: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20 / Ш.Б. Рахимова. – Душанбе, 2010. – С. 14.

181. Ричарде, А. Философия риторики / А. Ричарде // Теория метафоры: сб. ст. - М.: Прогресс, 1990. - С. 44-67.

182. Сакаева, Л.Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности: на материале русского, английского, таджикского и татарского языков: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20 / Л.Р. Сакаева. – Душанбе, 2009. – С. 27.

183. Сальникова, Н. Н. Регулярная лексическая полисемия существительных в современном английском языке в соотношении со словообразованием: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Сальникова. - Л., 1980. - 17с.

184. Светличная, Н. М. Системность лексики писателя (на материале словоупотребления глаголов горения в произведениях Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Чехова, Толстого, Бунина, Горького): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Светличная. - Л., 1971.

185. Световидова, И. В. Перенос значения и его онтология в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / И. В. Световидова. - М., 2000.

186. Сеидмамедова, С. К. Регулярная полисемия в сфере производных прилагательных современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. К. Сеидмамедова. - М.: Моск. лингвист, ун-т, 1993 - 27 с. 310

187. Сентенберг, И. В. Лексическая семантика английского глагола: учебное пособие к спецкурсу / И. В. Сентенберг. - М.: Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1984.-96с.

188. Сергеева, Т. Д. Вопросы семантической типологии глагольной лексики / Т. Д. Сергеева. - Барнаул: АГУ, 1984. - 82с.

189. Сидорова, Н. П. Системная организация лексико-семантической группы глаголов звучания и их взаимосвязи с другими глагольными группами / Н. П. Сидорова. - М., 1996. - 101с.

190. Скляревская, Г. Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания / Г. Н. Скляревская // Вопросы языкознания. - 1987. - №2. - С. 58- 65.

191. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. - СПб.: Наука, 1993.-151с.

192. Скорнякова, Р. М. Проблемы языковой номинации / Р. М. Скорнякова. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. - 70с.

193. Скребцова, Т. Г. Принципы анализа производных значений глаголов физического действия / Т. Г. Скребцова // Теоретический и практический аспекты лексикографии. —Иваново, 1997. - С. 178-183.

194. Смирницкий, А. И. К вопросу о слове («проблема тождества слова») / А. И. Смирницкий. - М.: Труды Института языкознания, 1954. - Т.4. - С. 3-49.

195. Современный русский литературный язык: учебник / [П. А. Лекант, Н. Г. Гольцова, В. П. Жуков и др.]; под ред. П. А. Леканта. - 6-е изд., стер. - М.: Высшая школа, 2004. - 462с.

196. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студентов высших учебных заведений. В 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / [Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Н. А. Николина, И. И. Щеболева]; под ред. Е. И. Дибровой. - 2-е изд. испр. и доп. - М.: издательский центр «Академия», 2006. - 480с.

197. Соколовская, Ж. П. Система в лексической семантике. Анализ семантической структуры слова / Ж. П. Соколовская. — Киев: «Вища школа», 1979.-189с.

198. Степанова, Г. В. Семантика многозначного слова: учебное пособие / Г. В. Степанова. -Калининград: Изд-во КГУ, 1978. - 50с.

199. Степанова, Г. В. Многозначное слово как структура / Г. В. Степанова // Лекции по русскому языкознанию. - Калининград: Изд-во КГУ, 1975. - С. 36- 52.

200. Степанова, Г. В. Введение в семасиологию русского языка / Г. В. Степанова, А. Н. Шрамм. - Калининград: Изд-во КГУ, 1980. — 72с.

201. Стефанский Е. Е. Семантика и функционирование глаголов пространственного удаления в русском и польском языках / Е. Е. Стефанский // Функциональные исследования. - М., 1997. - Вып.5. - С.38-47.

202. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. - 170с.

203. Суванова, Э. Х. Лексико-семантическая классификация непрямых глаголов в современном русском языке: автореф. ... канд. филол. наук / Э. Х. Суванова. - М., 1985.

204. Супрун, А. Е. Принципы сопоставительного изучения лексики / А. Е. Супрун // Методы сопоставительного изучения языков. — Пермь, 1988. — С. 26-31.

205. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. - М.: Наука, 1986. - 143с.

206. Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. - М., 1988. - С. 173-205.

207. Теория метафоры: сборник / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной; вступит. ст. и сост. Н. Д. Арутюнова; [Авт. примеч. М. А. Кронгауз]. - М.: «Прогресс», 1990. - 511с.

208. Труфанова, М. Ю. Лексико-семантические группы глаголов обработки в современном русском языке (парадигматика и синтагматика): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Труфанова. - Барнаул, 1999. - 22с.

209. Ульманн, С. Семантические универсалии / С. Ульманн // Новое в лингвистике. - М., 1970. - Вып. 5. - С. 250-299.

210. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. - 3-е изд., стер. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 254с.

211. Усик Е. Г. К вопросу о взаимодействии лексико-семантической группы в немецком и русском языках (на материале ЛСГ глаголов физического воздействия на объект) / Е. Г. Усик // Филология. - Саратов, 1999. - Вып. 4. - С. 70-73.

212. Уфимцева, А. А. К вопросу о лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева // Вопросы языкознания. - 1962. - №4. - С. 36-46.

213. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. - М.: Наука, 1974.-206с.

214. Уфимцева, А. А. Семантика слова / А. А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. - М., 1980. - С. 29.

215. Уфимцева, А. А. Лексическое значение. Принцип семасиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. - М.: Наука, 1986. - 240с.

216. Фаткуллина, Ф. Г. К проблеме классификации глаголов деструктивной семантики в современном русском языке / Ф. Г. Фаткуллина // Функционирование языковых единиц и грамматических категорий в разных типах и стилях речи: межвуз. сб. научных трудов. - Уфа: Башкирск. гос. пед. ин-т, 1977.-Ч. 1.-С. 31-36.

217. Фаткуллина, Ф. Г. Особенности семантики деструктивной лексики в современном русском языке / Ф. Г. Фаткуллина // Язык как многомерное явление: межвуз. сб. статей. - СПб., Бирск, 1996. - С. 70-75.

218. Фаткуллина, Ф. Г. Лексико-семантическое поле глаголов деструктивной семантики / Ф. Г. Фаткуллина // Языки и литературы народов Башкортостана в евразийском диалоге культур: материалы конференции. - Уфа, 1997. - С. 87- 89.

219. Фаткуллина, Ф. Г. О деструктивной лексике русского языка / Ф. Г. Фаткуллина // Языковая семантика и образ мира: Тезисы международной научной конференции. - Казань, 1997. - Книга 1. - С. 64-66.

220. Фаткуллина, Ф. Г. О предельных глаголах деструктивной семантики / Ф. Г. Фаткуллина // Актуальные проблемы современной филологии: Материалы научно-практической конференции, посвященной 40-летию Башкирского государственного университета. - Уфа, 1997. — Ч. 1. - С. 24-27.

221. Фаткуллина, Ф. Г. Семантические потенции глагола «разрушать» / Ф. Г. Фаткуллина // Теория поля в современном языкознании: Материалы научно-теоретического семинара. - Уфа, 1997. - Ч. 4. - С. 117-118.

222. Фаткуллина, Ф. Г. Деструктивная лексика в современном русском языке / Ф. Г. Фаткуллина // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Материалы конференции. - Томск, 1998. - С. 92-95.

223. Фаткуллина, Ф. Г. Способы репрезентации деструктивной семантики в современном русском языке / Ф. Г. Фаткуллина // Актуальные проблемы филологии: Материалы конференции. -Уфа, 1997. - С. 67-68.

224. Фаткуллина Ф. Г. Деструктивная лексика в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ф. Г. Фаткуллина. - Уфа, 2002. - 54с.

225. Филин, Ф. П. Очерки по теории языкознания. Избранные труды / Ф. П. Филин.-М., 1982.-336с.

226. Фоменко, Ю. В. Деструктивные глаголы в русском языке / Ю. В. Фоменко // Вопросы лексикологии русского языка: науч. тр. - Новосибирск: НГПИ, 1971.-Вып. 27.-С. 54-60.

227. Фоменко, Ю. В. Класс глаголов «удара» в русском языке / Ю. В. Фоменко // Вопросы теории русского языка: науч. тр. - Новосибирск: НГПИ, 1975. - Вbin.119.-С. 23-26.

228. Фоменко, Ю. В. Глаголы русского языка, объединенные семой удара / Ю. В. Фоменко // Актуальные проблемы русской лексикологии: межвуз. сб. науч. тр. - Новосибирск: НГПУ, 1998. - С. 23-41.

229. Хакимзянова, Д. Ф. Семантическая деривация глаголов физического воздействия на объект в русском, английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук / Д. Ф. Хакимзянова. — Казань: 2008. - 209с.

230. Харченко, В. Н. Переносные значения слова / В. Н. Харченко. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. - 195с.

231. Ходжаева, С.О. Глагольные словосочетания с объектным отношением в таджикском и английском языках: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20 / С.О. Ходжаева. – Душанбе, 2003. – С. 13.

232. Цыганова, Е. Б. Метафорическая номинация речевой деятельности (на материале глаголов русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / Е. Б. Цыганова. - Казань, 2008. — 263с.

233. Чейф, У. Значение и структура языка / У. Чейф. - 2-е изд. стер. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 424с.

234. Чепасова, А. М. Русский глагол: учебное пособие / А. М. Чепасова, И. Г. Казачук. - 2-е изд. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2002. — 387с.

235. Черкасова, Е. Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора) / Е. Т. Черкасова // Вопросы языкознания. - 1968. - №2. - С. 28-38.

236. Черняк, В. Д. Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов: учебное пособие к спецкурсу / В. Д. Черняк. - Л.: РТП ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1989. - 80с.

237. Черняк, В. Д. Параллельные синонимические ряды и регулярная многозначность / В. Д. Черняк // Лексическая семантика: сб. ст. - Свердловск, 1991.-115с.

238. Чудинов, А. П. О регулярной многозначности семантически близких глаголов / А. П. Чудинов // Русский язык в школе: сб. ст. — М.: «Просвещение», 1979. - № 4. - С. 105-108.

239. Чудинов, А. П. Семантическое варьирование русского глагола: пособие по спецкурсу / А. П. Чудинов. - Свердловск: Изд-во Свердл. пед. ин-та, 1984. - 72с.

240. Чудинов, А. П. Регулярная многозначность в глагольной лексике: пособие к спецкурсу / А. П. Чудинов. — Свердловск: Изд-во Свердловского пед. ин-та, 1986.- 80с.

241. Чудинов, А. П. Типология варьирования глагольной семантики / А. П. Чудинов. - Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. - 144с.

242. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. - Екатеринбург, 2001. - 238с.

243. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. - Екатеринбург, 2003. —

248с. 244. Чупрякова, О. А. Семантическая глагольная деривация в говорах ВолгоКамья : дис. ... канд. филол. наук / О. А. Чупрякова. - Казань, 2006. - 183с.

245. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Шаховский. - М., 1988. - 402с.

246. Шведова, Н. Ю. Глагол как доминанта русской лексики / Н. Ю. Шведова // Филологический сборник: К 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова. - М., 1995. - С. 414-421.

247. Шишкина, Н. М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Шишкина. - Воронеж, 2004. - 19с.

248. Шматина О. Ф. ЛСГ глаголов воздействия как часть лексикосемантической системы языка / О. Ф. Шматина // Текст: варианты интерпретации. - Бийск, 1998. —С. 170-174.

249. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. - М., 1964.-244с.
250. Шмелев, Д. Н. Семантические признаки слов / Д. Н. Шмелев // Русский язык в национальной школе. — 1968. - №5.
251. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. — М.: Просвещение, 1977.-334с.
252. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. — 2-е изд. стер - М.: Комкнига, 2006. - 280с.
253. Шрамм, А. Н. Структурные типы лексических значений слова / А. Н. Шрамм // Филологические науки. - 1981. - №2. - С. 58-64.
254. Языковая номинация (общие вопросы) / А. А. Уфимцева [и др.]; отв. ред. чл.-корр. АН СССР Б. А. Серебренников, д-р филол. наук А. А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания. - М.: «Наука», 1977. - 359с.
255. Языковая номинация. Виды наименований / А. А. Уфимцева [и др.]; отв. ред. чл.-корр. АН СССР Б. А. Серебренников, д-р филол. наук А. А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания. - М.: «Наука», 1977. - 358с.
256. Berggren, D. The use and abuse of metaphor / D. Berggren // The Review of Metaphysics. - 1962. - Vol. 16. - №2.
257. Beardsley, M. C The metaphorical twist / M. C Beardsley // Philosophy and Phenomenological Research. - 1962. - Vol. 29. - №3.
258. Cruse, D. A. Meaning in language. An Introduction to Semantics and Pragmatics / D. A. Cruse. -N.Y.: Oxford University Press, 2000. - 124p.

Словари

1. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. Русско-английский словарь. – АСТ, 2024. – 1184 с.
2. Англо-русский, русско-английский словарь : English-Russian, Russian-English dictionary: Частотный метод, Бако, 2024. – 768 с.
3. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary, HarperCollins UK, 2024. – 1861 с.
4. Фарҳанги забони тоҷикӣ : в 2 т. – М. : Совет. энцикл, 1969.
5. Фарҳанги мухтасари «Шоҳнома» . – Душанбе : Адиб, 1988. – 211 с.
6. Фарҳанги тоҷики ба руси (зери таҳрири С. Д. Холматова, С. Солеҳов, С. Каримов). – Душанбе : Дониш, 2004. – 814 с.